

Вестник МГОУ

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Политология

Психология

Филология

2 / 2022

ISSN (Online) 2224-0209

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 2 / 2022

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN OF MOSCOW STATE REGION UNIVERSITY

Founded in 2010

№ 2 / 2022

**The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission in the following groups of scientific
specialties:**

- 23.00.00 – Political Science (23.00.01 – Theory and Philosophy of Politics,
History and Methodology of Political Science,
23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies);
- 19.00.00 – Psychological sciences (19.00.05 – Social psychology,
19.00.07 – Pedagogical psychology);
- 10.02.00 – Philological Sciences, Linguistics (10.02.19 Language Theory).

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н. С. – д.псх.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Академия геополитических проблем;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения), Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Раздел «Психология»

Бауэр Е.А. – д.псих.н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д.псих.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Скрипкина Т.П. – д.псх.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Суворова О.В. – д.псх.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Цветкова Н.А. – д.псх.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Хухуни Г. Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.

Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0С77-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO. Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor of Lomonosov Moscow State University; Moscow Region State University

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow Region State University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow Region State University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow Region State University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Geopolitical Problems;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor of Moscow Region State University;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences Lomonosov Moscow State University;

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Lomonosov Moscow State University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University named after F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Cyril and Methodius University in Trnava, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor of Moscow Region State University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatiya);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Khukhuni Georgiy T. — Doctor of Philology, Professor of Moscow Region State University

CONTACT US:

Address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

КОНТАКТЫ:

Адрес: г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

Телефон: (495) 780-09-42 (доб. 1740)

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

Алексеев Р. А.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЗНАЧИМОСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНДЕКСНОГО АНАЛИЗА. 8

Денильханов А. Х.

КООПЕРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА. 38

Ежов Д. А.

ХАЙП-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНТЕНТА В НОВОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ 54

Жичкин В. В.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ПРОГРАММЫ НЕПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ VIII СОЗЫВА:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ. 68

Попов А. В.

ДЕМОКРАТИЯ В БОЛГАРИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ 81

Саймонс Г.

УКРАИНА И «НЕИЗБЕЖНОЕ» ВТОРЖЕНИЕ РОССИИ: НОВЫЕ СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОРУДИЯ ПРОПАГАНДЫ И МАНИПУЛЯЦИЙ. 97

Шаройченко Н. Д.

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
«МЯГКОЙ СИЛЕ» РОССИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА 108

ПСИХОЛОГИЯ

Кротенко Т. Ю.

ФУТУРОШОК И НЕПРЕРЫВНОЕ РАЗВИТИЕ: РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА
ОБРАЗОВАНИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ 125

Чижикова Е. С., Крамаренко Н. С.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И УСТАНОВОК НА РОЖДЕНИЕ
ДЕТЕЙ У ДЕВУШЕК (НА ПРИМЕРЕ МЕГАПОЛИСА) 136

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Беляков М. В.

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ЦВЕТОВОЙ ИДИОМАТИКИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	148
--	-----

Григорьева Л. М.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОТРИЦАНИЯ – ВЕРБАЛЬНАЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ.....	157
---	-----

Максименко О. И.

ЛИНГВОСЕМИОТИКА МУЛЬТИФАНДОМНОГО МИРА.....	168
--	-----

Щербо П. А., Тарасова О. Д.

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ СРЕДСТВАМИ ИНКОРПОРИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ	179
--	-----

POLITICAL SCIENCE

R. Alexeev

MODERN RUSSIAN PARLIAMENT: ASSESSMENT OF POLITICAL
SIGNIFICANCE ACCORDING TO THE RESULTS OF INDEX ANALYSIS. 9

A. Denilkhanov

COOPERATION IN THE CONTEXT OF LIBERAL SOCIALISM 39

D. Ezhov

TECHNOLOGIES OF HYPE AS A TOOL FOR CREATING POLITICAL CONTENT
IN A NEW MEDIA REALITY 54

V. Zhichkin

ELECTION PROGRAMS OF NON-PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES
IN THE ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE VIII TH CONVOCATION.
COMPARATIVE ANALYSIS 69

A. Popov

DEMOCRACY IN BULGARIA: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES 82

G. Simons

UKRAINE AND THE "IMMINENT" RUSSIAN INVASION: NEW MASS MEDIA
AS A MEANS OF PROPAGANDA AND MANIPULATION* 98

N. Sharoichenko

EUROPEAN UNION POLICY IN THE AREA OF COUNTERING SOFT POWER
OF RUSSIA IN THE STATES OF THE EASTERN PARTNERSHIP 108

PSYCHOLOGY

T. Krotenko

FUTURES HOCK AND CONTINUOUS DEVELOPMENT: EXPANDING THE SPACE
OF EDUCATION AND MOBILITY OF THE PERSON 124

E. Chizhikova, N. Kramarenko

INTERRELATION OF VALUE ORIENTATIONS AND ATTITUDES TOWARDS
THE BIRTH OF CHILDREN AMONG GIRLS (ON THE EXAMPLE OF A METROPOLIS) 137

PHILOLOGICAL SCIENCES*M. Belyakov***LINGUOSEMIOTICS OF COLOR IDIOMATICS IN FOREIGN POLICY DISCOURSE 149***L. Grigorieva***NEGATIVE VERB FORMS AS VERBAL EXPRESSION OF SOCIAL EXCLUSION..... 158***O. Maksimenko***LINGUOSEMIOTICS OF MULTIFANDOM WORLD..... 169***P. Shcherbo, O. Tarasova***OCCASIONAL SPEECH COMPRESSION BY THE MEANS OF INCORPORATED
COMPLEXES 180**

УДК 324

Алексеев Р. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ: ОЦЕНКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИНДЕКСНОГО АНАЛИЗА

АННОТАЦИЯ

Цель. Оценка динамики роли и места института парламента в политической системе современной России.

Процедура и методы. Проанализированы основные положения редакций Конституции Российской Федерации в части полномочий высших органов власти. Определение политической значимости института постсоветского парламента произведено путём индексного анализа динамики полномочий палат Федерального Собрания в период с 1993 г. по настоящее время с учётом конституционных преобразований 2008, 2014 и 2020 гг. Полномочия парламента в указанные периоды сопоставлены с индексами функций главы государства по усовершенствованной автором методике определения формы государственного правления О. И. Зазнаева.

Результаты. Установлено, что суммарный индекс полномочий обеих палат парламента существенно меньше президентского, что наглядно демонстрирует подчинённую роль парламента в системе публичной власти постсоветской России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены меры по оптимизации выявленного дисбаланса в системе разделения властей современной России, направленные на повышение политической значимости палат Федерального Собрания РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

форма государственного правления, президент, парламента, Федеральное Собрание РФ, индексный анализ, индекс формы правления, полномочия палат российского парламента

СТРУКТУРА

Введение

Этапы становления и принципы формирования парламента в постсоветской России

Методология исследования

Индекс полномочий российского парламента в 1993–2008 гг.

Изменения индекса полномочий парламента РФ в 2008–2014 гг.

Закключение

R. Alexeev

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

MODERN RUSSIAN PARLIAMENT: ASSESSMENT OF POLITICAL SIGNIFICANCE ACCORDING TO THE RESULTS OF INDEX ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To assess the dynamics of the role and place of the parliament institution in the political system of modern Russia.

Methodology. The main provisions of the amendments of the Constitution of the Russian Federation regarding the powers of the highest authorities are analyzed. The determination of the political significance of the post-Soviet parliament was assessed by index analysis of the dynamics of the full powers of the Federal Assembly chambers in the period from 1993 to the present day, taking into account the constitutional transformations of 2008, 2014 and 2020. The full powers of the parliament in these periods are compared to the indices of the functions of the head of state according to the method improved by the author to determine the form of government of O. I. Zaznayev.

Results. It has been established that the total index of full powers of both chambers of parliament is significantly less than the presidential one, which clearly demonstrates the subordinate role of parliament in the system of public authority in post-Soviet Russia.

Research implications. Measures are suggested to optimize the identified imbalance in the system of separation of powers in modern Russia, aimed at increasing the political significance of the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation.

KEYWORDS

form of government, president, parliament, Federal Assembly of the Russian Federation, index analysis, index of the form of government, full powers of the chambers of the Russian parliament

ВВЕДЕНИЕ

Одной из ключевых проблем любого современного демократического и правового государства выступает применение такого властно-управленческого государственного механизма, при котором принятие государственных решений, затрагивающих интересы большинства граждан, должно обеспечивать свободное функционирование институтов гражданского общества. Одним из наиболее явных воплощений практики народовластия является парламент, выступающий посредником между гражданским обществом и верховной государственной властью.

Пионером парламентаризма по праву можно считать Великобританию, где данная система властных отношений сформировалась в XVII–XVIII вв. и в последующем была реципирована английскими колониями: Ирландией, Канадой, Австралией, Ямайкой, Новой Зеландией и большинством государств Карибского бассейна. В последующем институт парламентаризма получил распространение в целом ряде европейских стран: Дании, Норвегии, Шве-

ции, Австрии, Испании, Бельгии, Италии, Португалии, Швейцарии, ФРГ [15, с. 32], – а также на территории азиатского континента – в Сингапуре, Израиле, Японии, Индии. Стоит отметить, что парламентская модель сочетается как с республиканской, так и с монархической формами правления.

Вплоть до настоящего времени учёные не пришли к единому мнению относительно содержательной характеристики парламентаризма, рассматривая данную дефиницию как на макроуровне, так и на микроуровне. На макроуровне – как систему взаимодействующих друг с другом политических институтов, таких как органы госвласти и муниципальных образований, общественно-политических организаций и партий. На микроуровне – в качестве изучения деятельности и порядка формирования представительного (законодательного) органа власти, его полномочий и места в системе органов государства. По нашему мнению, парламентаризм следует рассматривать одновременно и как комплексный политико-правовой институт, и как социально-политическое явление, тесно взаимосвязанное с уровнем политического сознания социума, опосредованного правовой и политической культурой, гражданской ответственностью большинства членов общества.

Особый исследовательский интерес представляет процесс эволюции российского парламента, учреждённого Конституцией 1993 г. Динамика становления и развития данного института, характеристика полномочий его палат, регламентация порядка образования и структуры парламента нашли отражение в трудах таких авторов, как: С. Э. Авакьян [2], Д. А. Авдеев [4], А. И. Горылев [6], О. И. Зазнаев [10], А. А. Керимов [12], Р. М. Романов [14], Н. А. Филиппова [16], Т. Я. Хабриева [13], Н. И. Шаклеин [18], Ю. Л. Шульженко [19], И. С. Яценко [20].

Тем не менее оценка динамики роли и места института парламента в политической системе современной России по-прежнему остаётся важной целью политологического исследования.

Задачами настоящего исследования являются усовершенствование шкалы оценки полномочий института парламента в современной России, сравнение индексов парламентаризма и президентализма по усовершенствованной методике О. И. Зазнаева в период с 1993 по 2020 гг. в условиях конституционных преобразований 2008, 2014 и 2020 гг.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРЛАМЕНТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Стоит отметить, что в период с 1991 и вплоть до принятия действующей Конституции в России функционировал бикамеральный представительный орган – Верховный Совет (Совет Национальностей и Совет Республики). В позднесоветское время в политической системе нашло отражение противостояние двух моделей госуправления: парламентской модели советского

типа с ослабевающей, но по-прежнему руководящей ролью КПСС, и президентализма, представленного избранным всенародным голосованием Президентом РСФСР Б. Н. Ельциным, – которое обострилось после 1991 г.

Противоборство между первым Президентом России и представительными органами власти отчасти проявилось в процессе разработки проекта новой конституции. Первый проект нового Основного закона был подготовлен экспертной группой под руководством секретаря Конституционной комиссии О. Г. Румянцева¹. Однако депутатская группа, участвовавшая в разработке конституции, не смогла прийти к консенсусу в вопросе о форме правления, часть группы поддерживала парламентскую модель (предусматривающую назначение главы правительства парламентским большинством), тогда как эксперты-правоведы (С. М. Шахрай и С. С. Алексеев), поддерживающие Б. Н. Ельцина, больше склонялись к президентской модели (при которой кабинет министров назначается президентом, являющимся главой исполнительной власти, тогда как парламент не обладает правом выражения недоверия правительству). В 1992 г. Съезд народных депутатов одобрил большую часть положений проекта новой Конституции, однако из-за сложностей, возникших при проведении непопулярных в обществе рыночных социально-экономических реформ, процесс принятия конституции затягивался.

Чтобы ускорить процесс, Ельциным принимается решение доработать текст новой Конституции без участия Съезда народных депутатов. С этой целью президентской командой (под руководством С. С. Шахрая) начинает разрабатываться альтернативный проект конституции. В созданном по инициативе президента Конституционном совещании осуществляются уточнение и корректировка основных положений двух проектов новой российской Конституции, разработанных Конституционной комиссией и президентской командой. Выбор Конституционного совещания склоняется в сторону президентского проекта конституции, одновременно с этим большинство консервативно настроенных парламентариев принимает решение не о поддержке конституционного проекта Конституционной комиссии, а о корректировке Конституции 1978 г., касающейся сокращения президентских полномочий, что не в последнюю очередь приводит и к кровавым событиям 1993 г., и к торжеству главы государства, и к президентской модели.

После роспуска Верховного Совета первым Президентом России Б. Н. Ельциным и принятия всенародным голосованием нового Основного закона в политической системе страны появился новый законодательный и представительный государственный орган – Федеральное Собрание РФ [4, с. 15], статус которого получил юридическое закрепление в пятой главе Конституции. На основании положений, содержащихся в российский Конститу-

¹ Гольцблат А. Историческая правка: как принимали российскую Конституцию // РБК : [сайт]. [12.12.2018]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/12/12/2018/5c0f9c489a794794d1765333> (дата обращения: 14.01.2022).

ции, парламент выступает представительным органом, что напрямую свидетельствует о желании власти сформировать представительную, опосредованную альтернативными и состязательными выборами, парламентскую демократию, которая с помощью народного представительства в парламентских структурах принимает важные для государства управленческие решения. Одновременно с этим парламент характеризуется и как законодательный орган, что подтверждается конституционным положением о том, что ни один законопроект не вступит в силу, если он не рассмотрен и не принят обеими палатами парламента. Изначально модель российского парламента рассматривалась с точки зрения федеративного устройства государства, при котором парламент состоит из двух палат, одна из которых включает в себя представителей региональной власти (т.е. субъектов РФ), – такой палатой стал Совет Федерации, тогда как вторая палата формируется путём избрания и представляет интересы всего населения – таким образом, общенациональной палатой стала Государственная Дума.

Порядок формирования Совета Федерации неоднократно с 1993 г. по настоящее время видоизменялся. Первый созыв верхней палаты парламента действовал всего два года (с января 1994 г. по январь 1996 г.), был сформирован путём прямых выборов в 1993 г. избирательным корпусом регионов и включал в свой состав по два представителя от каждого субъекта РФ. С 1996 г. по 2001 г. в верхнюю палату парламента от каждого региона входили по должности глава исполнительного и председатель представительного органов власти субъектов РФ. В течение длительного периода времени (2001–2012 гг.) Совет Федерации по инициативе второго Президента России В. В. Путина стал включать в свой состав по два представителя от каждого региона (одного назначал глава субъекта РФ, а другой избирался региональным парламентом).

С 2001 г. верхняя палата стала реализовать свою деятельность на постоянной, а не на сессионной основе, как было в 1990-е гг. В течение последующих двух лет (2012–2014 гг.) снова была проведена реформа верхней палаты, на основании которой установились более жёсткие требования для занятия должности члена Совета Федерации: возрастной ценз в 30 лет, ценз оседлости – проживание на территории региона не менее 5 лет, «безупречная репутация» и ряд иных требований. Представителем от исполнительного органа власти региона отныне мог стать только один из трёх кандидатов, которого заранее выбирает кандидат на пост главы региона в том случае, если он побеждает на региональных выборах. Тогда как представителем от законодательного регионального органа может быть назначен в верхнюю палату только его парламентарий. Было введено также требование о невозможности досрочного отзыва региональными органами власти своих представителей.

Летом 2014 г. в результате конституционных преобразований, инициированных по предложению ряда политических партий (Единая Россия и ЛДПР), в Совет Федерации наряду с двумя представителями от каждого региона стали назначаться главой государства так называемые представители РФ (их число составляет до 10% от общего числа членов верхней палаты) [5, с. 16]. В результате конституционной реформы, инициированной главой государства в 2020 г., квота на число «представителей РФ», назначаемых президентом, была увеличена с 17 до 30 сенаторов (после внесения поправок от 14 марта 2020 г. члены СФ были конституционно переименованы в сенаторов). При этом главе государства предоставляется возможность назначать из их числа семь сенаторов пожизненно [3, с. 10]. После всех вышеперечисленных преобразований Совет Федерации перестал быть только «палатой регионов», трансформировавшись в палату, формируемую по смешанному принципу федеральными и региональными госорганами.

Формирование нижней палаты парламента тоже изменялось неоднократно по инициативе власти. Первый созыв российских парламентариев избирался путём прямых выборов сроком на два года, т. к. действовали переходные положения, содержащиеся во втором разделе Конституции. Второй и последующие созывы, вплоть до 2008 г., избирались сроком на четыре года по смешанной избирательной формуле. После внесения по инициативе третьего Президента России Д. А. Медведева в декабре 2008 г. конституционных поправок нижняя палата стала (начиная с 2011 г.) избираться сроком на пять лет.

К тому же ещё в 2005 г. было принято решение о переходе к пропорциональной системе при выборах парламентариев, что было реализовано в ходе двух электоральных циклов 2007 и 2011 гг. Замена способа подсчёта голосов при избрании парламентариев объяснялась властью желанием создать двух- и трёхпартийную системы, приучив избирателей голосовать за крупные политические партии, пользующиеся широкой электоральной поддержкой². С этой целью в это же время был увеличен избирательный барьер для прохождения в Госдуму с 5 до 7%. Последним на настоящее время новшеством в избирательной практике формирования нижней палаты российского парламента стало возвращение к смешанной системе в 2014 г. (реализованное впервые после почти десятилетнего перерыва в 2016 г. на выборах парламентариев седьмого созыва) [7, с. 91], что практически не отразилось на раскладе политических сил, сложившемся с 2007 г. (четырёхпартийная система во главе с партией власти, обладающей простым или квалифицированным большинством голосов при реализации законодательной деятель-

² Эволюция избирательного законодательства в современной России : доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» [Электронный ресурс]. URL: <https://nom24.ru/upload/iblock/83c/83cb7284986d013c7766da7be31f1e56.pdf?ysclid=kzkdojxl2d> (дата обращения: 15.01.2022).

ности). На выборах 2021 г. к числу четырёх партий (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, Справедливая Россия) добавилась партия Новые люди, преодолевшая 5% барьер, необходимый для попадания в нижнюю палату парламента (возврат к нему произошёл в 2014 г. и был применён на выборах 2016 и 2021 гг.).

Охарактеризовав порядок формирования обеих палат российского парламента, их динамику, стоит отметить, что парламента находится в процессе своего становления. Выступая в качестве государственного института консолидации и интеграции регионов, верхняя палата парламента в России поддерживает баланс региональных и федеральных интересов в ходе принятия властно-управленческих решений. Госдума же выражает интересы избирательно корпуса всей страны, т. к. выступает в качестве общенациональной палаты. Частое изменение порядка формирования палат российского парламента, апробация различных электоральных формул наглядно демонстрируют тот факт, что руководство страны пытается найти те варианты их формирования, которые устроят как правящую элиту, так и рядовых избирателей, т. е. достигнуть консенсуса между избирательным корпусом и публичной властью.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российская конституция устанавливает различную компетенцию в отношении каждой из палат парламента, тем самым гарантируя реализацию принципа системы «сдержек и противовесов» в деятельности Федерального Собрания РФ. В сложившейся политической и юридической практике верхней палате отводится роль «громоотвода» по отношению к нижней палате, которая выражается в предотвращении установления в стране господства одной политической силы, получившей большинство избирателей на парламентских выборах. В российском обществе длительный период времени существует недоверие к законодательным инстанциям в целом и к парламента в частности, что объясняется целым рядом обстоятельств: привилегированным статусом парламентариев, отсутствием интереса рядовых граждан к деятельности парламента, недостаточностью информации о состоянии парламентаризма в России. В последние годы из-за различных скандалов, сопровождающих жизнь и деятельность парламентариев, доверие к обеим палатам российского парламента было невысоким: по данным социологов, осенью 2021 г. положительные оценки законодательному собранию выразили только 25% респондентов³. Значительная часть граждан не понимает значения парламента и потому игнорирует выборы депутатов [1]. Такие оценки понятны. Представительный орган выступает в качестве некоего баланса во взаимоотношениях различных политических сил, зачастую противостоящих

³ Социологи узнали, каким общественным институтам доверяют россияне // Свободная Пресса : [сайт]. [07.10.2021]. URL: <https://svpressa.ru/society/news/312202> (дата обращения: 17.01.2022).

друг другу, в целях отстаивания интересов тех из них, которые в настоящее время не обладают достаточным влиянием и ресурсами, чтобы оказывать серьёзное воздействие на принятие властно-управленческих решений.

Одна из наиболее интересных попыток анализа института парламента предложена известным российским учёным О. И. Зазнаевым, определившим индекс формы государственного правления на основе различий оценки конституционных полномочий главы государства и парламента [11, с. 160]. На основании значений индекса политологом были выделены четыре вида республиканских моделей:

1. парламентская, при которой глава государства не избирается населением, а назначается, как правило, парламентом, деятельность правительства также подотчётна ему;
2. президентская, ориентирующаяся на выборы президента избираемым корпусом, устанавливающая отчётность правительства перед главой государства;
3. полупрезидентская модель, строящаяся на ответственности правительства перед легислатурой и на прямых выборах президента;
4. полупарламентская модель, отличающаяся разграничением полномочий между главой государства и легислатурой в пользу последней.

Стоит отметить, что методика индексирования парламентских и президентских полномочий впервые стала применяться американскими политологами М. С. Шугартом и Дж. М. Кэри [23] (предложена пятибалльная шкала, с помощью которой оценивают законодательные и не законодательные формально-юридические полномочия главы государства). Аналогичные методики измерения полномочий президента (путём суммирования его полномочий в президентских и парламентских системах) продолжили Дж. Хеллман [17] и Т. Фрай [21].

Несколько отличную концепцию выдвинул политолог из Нидерландов А. Кроувел [22]. Его подсчёты индексов парламентаризма и президенциализма были произведены по семи параметрам (способ избрания президента, формирование кабинета министров, роспуск парламента, выражение вотума доверия или недоверия, президентское вето и его право на внесение законопроекта для обсуждения в парламент, реализация исполнительной власти). При суммировании данных показателей им вычислялись либо склонность страны к президенциализму, либо к парламентаризму.

Данная методика была доработана и усовершенствована казанским исследователем О. И. Зазнаевым, предложившим проводить измерение парламентской и президентской властей не по семи, а по десяти критериям. К данным критериям отечественный учёный отнес: избрание главы государства, назначение главы правительства, формирование и носителя исполнительной власти, формирование состава правительства, порядок формирования нового кабинета министров после парламентских или президентских выбо-

ров, вотум недоверия кабинету министров, осуществление законодательной инициативы, президентское вето на законы, роспуск представительного органа, совместимость мандата парламентария с должностью в правительстве [8, с. 22]. О. И. Зазнаев предложил также вычислять индекс формы правления путём вычитания парламентского индекса из президентского, при этом положительные значения индекса формы правления указывают на её принадлежность к президентской модели, тогда как отрицательные показатели свидетельствуют о её склонности к парламентской модели. В случае нулевого индекса – к смешанной модели республиканской формы правления.

Опираясь на вышеизложенную позицию, мы предлагаем провести оценку индекса института парламента в России и полномочий обеих палат российского парламента, начиная с 1993 г. (момента принятия Основного закона страны). Соответствующему полномочию будет присвоено значение 0,5 баллов или 1 балл в зависимости от того, самостоятельно ли палаты российского парламента реализуют свои полномочия или при согласовании с президентом (или иными политическими акторами). В том случае, если реализация полномочия полностью зависит только от палат российского парламента, присваиваем индекс +1, если с опорой на институт президентской власти или иных органов власти индекс, +0,5. Далее полномочия оцениваются в динамике по периодам, соответствующим конституционным изменениям. Если функция остаётся после конституционных преобразований без изменений или меняется незначительно, значение индекса составляет 0, если полномочие аннулируется – присваивается отрицательный индекс (-1), если добавляется – индекс положительный (+1).

Указанный индексный анализ позволит нам оценить полномочия парламента и президента за указанные периоды, а также сделать вывод об эволюции формы государственного правления в России. Таких периодов мы предлагаем выделить четыре: первый – оценка полномочий после принятия Конституции 1993 г.; второй – от конституционных изменений 2008 г. до 2014 г.; третий – от конституционных изменений в 2014 г. до 2020 г.; четвёртый – после конституционных изменений в 2020 г.

ИНДЕКС ПОЛНОМОЧИЙ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА В 1993–2008 ГГ.

Начнём с оценки полномочий парламента в период от принятия Конституции России (1993 г.) и вплоть до внесения поправок 2008 г. (поправки, инициированные третьим Президентом России Д. А. Медведевым).

Изначально рассмотрим полномочия Совета Федерации, содержащиеся в ст. 102, а также в ст. 104–108 Конституции РФ, которыми верхняя палата российского парламента была наделена с момента принятия Основного закона и вплоть до 30 декабря 2008 г. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Среди полномочий верхней палаты, отнесённых к её ведению и закреплённых конституционно, отметим 12: *решение вопроса об изменении границ между субъектами РФ (+1); утверждение указов главы государства о введении на территории страны чрезвычайного (+0,5) или военного положения (+0,5); назначение выборов главы государства (+1); отрешение его от должности (+0,5), т. к. в решении данного вопроса принимают участие не только обе палаты парламента, но и две высших судебных инстанции; согласование вопроса о применении ВС России за рубежом (+0,5); назначение на должность судей высших судебных инстанций – КС, ВС и ВАС (+0,5), освобождение и назначение на должность Генпрокурора (+0,5), заместителя председателя Счётной палаты и 50% её аудиторов (+1), право законодательной инициативы (+1), одобрение или отклонение законопроекта принятого ГД (+0,5), преодоление отлагательного вето главы государства (+0,5), т. к. осуществляется совместно с Госдумой.*

Таким образом, суммируя индекс полномочий СФ, мы получаем **8** баллов. Из них значимыми полномочиями являются участие в кадровой политике страны (формирование высших судебных инстанций и отчасти прокуратуры и Счётной палаты) и в законодательном процессе (на разных его стадиях).

Таблица 1 / Table 1.

Индексный анализ полномочий палат российского парламента с 1993 по 2008 гг. / Index Analysis of the full powers of the Chambers of the Russian Parliament from 1993 to 2008

Полномочия Совета Федерации	Значение индекса (балл)	Полномочия Государственной Думы	Значение индекса (балл)
Изменение границ между субъектами РФ	+1	Дача согласия президенту для назначения на должность главы правительства	+0,5
Утверждение указа главы государства о введении на территории страны чрезвычайного положения	+0,5	Участие в решении вопроса о доверии высшему органу исполнительной власти	+0,5
Утверждение указа главы государства о введении на территории страны военного положения	+0,5	Назначение и освобождение от должности Председателя Счётной палаты и 50% её аудиторов	+1
Назначение выборов главы государства	+1	Назначение и освобождение от должности омбудсмена	+1

Полномочия Совета Федерации	Значение индекса (балл)	Полномочия Государственной Думы	Значение индекса (балл)
Отрешение главы государства от должности	+0,5	Назначение и освобождение от должности Председателя ЦБ	+0,5
Согласование вопроса о применении ВС России за рубежом	+0,5	Объявление амнистии	+1
Назначение на должность судей высших судебных инстанций – КС, ВС и ВАС	+0,5	Выдвижение обвинений в отношении главы государства	+0,5
Освобождение и назначение на должность Генпрокурора	+0,5	Право на законодательную инициативу	+1
Освобождение и назначение на должность заместителя председателя Счётной палаты и 50% её аудиторов	+1	Принятие законов	+1
Право законодательной инициативы	+1	Повторное голосование для принятия федерального закона квалифицированным большинством голосов парламентариев нижней палаты, после его отклонения Советом Федерации	+1
Одобрение или отклонение законопроекта, принятого ГД	+0,5	Преодоление отлагательного президентского вето	+0,5
Преодоление отлагательного вето главы государства	+0,5		
Итого	8,0	Итого	8,5
Итого Индекс полномочий парламента = 16,5			

Источник: подсчитано автором на основании ст. 102, 103, 104–108 Конституции РФ

Переходим к характеристике полномочий Государственной Думы (ст. 103–108 Конституции России). Первоначально (с 1993 г. по конец 2008 г.) конституционно к ведению нижней палаты были отнесены следующие вопросы: *участие*, пусть и опосредованно, ГД в *назначении на должность главы правительства* (дача согласия президенту для назначения на должность предложенной им кандидатуры, причём в случае трёхкратного отклонения данной кандидатуры Дума могла быть распущена), за данное полномочие, носящее формальный характер, присваиваем индекс **(+0,5)**, *участие в ре-*

шении вопроса о доверии высшему органу исполнительной власти (однако окончательное решение об отставке правительства во всех случаях, предусмотренных Основным законом, принимает президент), таким образом, данное полномочие тоже носит формальный характер, т. к. может быть реализовано только при согласии на это главы государства, добавляем ещё **(+0,5)** балла. Далее идут полномочия, касающиеся кадровой политики, которую Госдума зачастую реализует при участии главы государства: *назначение и освобождение от должности Председателя Счётной палаты и 50% её аудиторов (+1), омбудсмена (+1), Председателя ЦБ* (кандидатура для назначения и отстранения его от должности предлагается главой государства, поэтому индекс составляет **(+0,5)** баллов).

К числу полномочий относятся и *объявление амнистии (+1); выдвижение обвинений в отношении главы государства*, на основании которых он может быть отрешён от должности (т. к. импичмент реализуется совместно с Советом Федерации, Конституционным и Верховным судами, добавляем ещё **(+0,5)** балла); *право на законодательную инициативу (+1); принятие законов (+1); повторное голосование для принятия федерального закона квалифицированным большинством голосов парламентариев нижней палаты после его отклонения Советом Федерации (+1)*, а также *преодоление президентского вето* (совместно с СФ, ещё **(+0,5)** баллов).

Таким образом, суммируя полученные баллы по полномочиям ГД, мы получаем индекс **8,5** баллов, практически такой же, как и у СФ до проведения конституционных преобразований, что свидетельствует о равновесии обеих палат российского парламента. Из значимых полномочий можно выделить вопросы, касающиеся кадровой политики (т. е. формирования производных органов госвласти) и участие ГД во всех стадиях законодательного процесса. Итого при оценке **12** полномочий СФ и **11** полномочий ГД (всего **23 полномочия**) индекс парламента в 1993 г. равняется **16.5** баллам.

Главенствующим политическим актором в нашей стране является президент [9, с. 20]. Его полномочия получили юридическое закрепление в статьях Конституции с 83 по 90 (не считая ст. 80, в которой определяется политико-правовой статус главы государства, выступающего центральной фигурой в системе госуправления, стоящего над всеми тремя ветвями власти). Итак, только в одной конституции для закрепления полномочий президента потребовалось целых восемь статей Основного закона, что превышает более чем в два раза вопросы, отнесённые к обоим палатам парламента вместе взятым.

Рассмотрим подробно полномочия российского президента с 1993 г. по конец декабря 2008 г., т. е. за аналогичный период (табл. 2).

К числу вопросов, отнесённых к его ведению в рассматриваемый период, относятся: *назначение главы правительства с согласия нижней палаты парламента (+0,5 баллов); может председательствовать на заседаниях*

правительства (+1) и решить вопрос его отставки (+1); по представлению главы правительства назначает на должность его замов и руководителей федеральных министерств (+1); предлагает Государственной думе кандидатуру главы Центрального банка для назначения и отстранения от должности (+0,5); своих полномочных представителей (+1); выдвигает верхней палате парламента кандидатуры судей высших судебных инстанций КС, ВС и ВАС (+0,5); Генерального прокурора (+0,5); самостоятельно назначает судей других федеральных судебных инстанций (+1); утверждает военную доктрину (+1); осуществляет формирование Администрации президента (+1) и Совета Безопасности (который он к тому же и возглавляет, ещё (+1) балл). Итого **10** баллов.

Таблица 2 / Table 2.

Индексный анализ полномочий президента России с 1993 г. по 2008 г. / Index analysis of the full powers of the President of Russia from 1993 to 2008

Полномочия Президента России	Значение индекса (балл)
Назначение главы правительства с согласия нижней палаты парламента	+0,5
Может председательствовать на заседаниях правительства	+1
Может решить вопрос отставки правительства	+1
По представлению главы правительства назначает на должность его замов и руководителей федеральных министерств	+1
Предлагает Государственной думе кандидатуру главы Центрального банка для назначения и отстранения от должности	+0,5
Предлагает Государственной думе для назначения и отстранения от должности своих полномочных представителей	+1
Представляет верхней палате парламента кандидатуры судей высших судебных инстанций КС, ВС и ВАС	+0,5
Представляет верхней палате парламента кандидатуру Генерального прокурора	+0,5
Самостоятельно назначает судей других федеральных судебных инстанций	+1
Утверждает военную доктрину	+1
Осуществляет формирование Администрации президента	+1
Осуществляет формирование Совета Безопасности	+1
Назначение сроков выборов нижней палаты	+1
Назначение сроков проведения референдумов	+1

Полномочия Президента России	Значение индекса (балл)
Может распустить ГД	+1
Внесение проектов законов в ГД, подлежащих рассмотрению во внеочередном порядке	+1
Промульгация законов	+1
Обращение с посланиями к российскому парламенту	+1
Руководство внешней политикой	+1
Подписание международных договоров и ратификационных грамот	+1
Ведение переговоров	+1
Утверждение отзывных и верительных грамот	+1
Выступление в качестве Верховного главнокомандующего ВС	+1
Командование ВС России	+1
Назначение дипломатических представителей	+0,5
Использование согласительных процедур для решения противоречий между органами госвласти, как федеральными, так и региональными	+1
Введение чрезвычайного положения	+1
Введение военного положения	+1
Может приостановить действие нормативных актов, которые принимаются исполнительной властью регионов	+1
Присваивать почетные звания и награждать госнаградами	+1
Осуществлять помилование	+1
Предоставлять политическое убежище и решать вопросы, связанные с институтом гражданства	+1
Издаёт указы и распоряжения	+1
Итого	30,5

Источник: подсчитано автором на основании ст. 83–90 Конституции РФ

Глава государства обладает внушительным перечнем полномочий и в области законодательной власти, таких как: *назначение сроков выборов нижней палаты (+1) и референдума (+1)*; в трёх случаях, закреплённых в Основном законе, *может распустить ГД (+1)*; *внесение проектов законов в ГД, подлежащих рассмотрению во внеочередном порядке (+1)*; *промульгация законов (их подписание и обнародование, ещё (+1) балл)*; *обращение с посланиями к российскому парламенту (+1)*. Итого **6** баллов.

Президент реализует полномочия и в области различных направлений госполитики: *руководство внешней политикой (+1)*; *подписание международных договоров и ратификационных грамот (+1)*; *ведение переговоров (+1)*; *утверждение отзывных и верительных грамот (+1)*; *выступление в ка-*

честве Верховного главнокомандующего ВС (+1) и командование ВС России (+1); назначение дипломатических представителей (т.к. их он назначает после консультаций с палатами ФС, добавляем (+0,5) баллов); использование согласительных процедур для решения противоречий между органами госвласти, как федеральными, так и региональными (+1); введение чрезвычайного (+1) и военного (+1) положений; может приостановить действие нормативных актов, которые принимаются исполнительной властью регионов (+1). Президент при реализации своих полномочий также вправе: присваивать почётные звания и награждать госнаградами (+1); осуществлять помилование (+1); предоставлять политическое убежище и решать вопросы, связанные с институтом гражданства (+1); издавать указы и распоряжения (+1). Итого **14,5** баллов.

Суммируя полномочия главы государства в соответствии с Конституцией России в период 1993–2008 гг. (даже без характеристик его политико-правового статуса), мы выделяем **33 полномочия** в сравнении с 23 полномочиями парламента и насчитываем индекс в **30,5** баллов, что превышает полномочия обеих палат российского парламента (**8** баллов у Совета Федерации и **8,5** баллов у Госдумы в рассматриваемый период). Таким образом, полномочия обеих палат парламента в совокупности составляют **16,5** баллов, против **30,5** баллов у главы государства.

Путём сопоставления значимости полномочий парламента и президента мы видим, что практически все кадровые назначения осуществляет глава государства либо самостоятельно (назначает высшее командование ВС, полномочных представителей, федеральных судей и т.д.), либо совместно с палатами российского парламента, которые лишь назначают на должность кандидатуры, предложенные президентом (судьи трёх высших судебных инстанций, Генпрокурор, председатель ЦБ и т.д.). Кроме значимых полномочий в области исполнительной власти (фактически единолично формирует состав правительства, принимает решение о его отставке, председательствует на его заседаниях и т.д.), может оказывать воздействие на законодательную власть (назначение выборов парламентариев нижней палаты, роспуск ГД, исключительное право законодательной инициативы, которая рассматривается вне очереди и т.д.). Всё это свидетельствует о том, что первоначально юридически закреплённые в конституции президентские полномочия превалируют над полномочиями парламента, а политическая практика их реализации (утверждение первым президентом России Б. Н. Ельциным на должность председателя правительства в 1998 г. С. В. Кириенко после двукратного отклонения предложенной им кандидатуры парламентом; отстранение от должности популярного в конце 90-х гг., проявившего себя в должности главы правительства Е. М. Примакова и т.д.) наглядно свидетельствует о зависимой роли парламента от президента.

ИЗМЕНЕНИЯ ИНДЕКСА ПОЛНОМОЧИЙ ПАРЛАМЕНТА РФ В 2008–2014 ГГ.

Поправки 2008 г. не затронули полномочий верхней палаты российского парламента. В условиях конституционных преобразований, предложенных третьим Президентом России Д. А. Медведевым, Государственная Дума наделяется такими важными полномочиями (табл. 3): *возможностью требовать отчёт Правительства РФ не только об исполнении бюджета* (как было до внесения поправок в конце 2008 г.), *но и получать ежегодные отчёты о проделанной правительством работе (+1)*, что свидетельствует о расширении полномочий парламента в области контроля за исполнительной властью. Таким образом, в связи с внесением поправок в Основной закон страны **индекс полномочий парламента**, двух его палат, **вырос на 1 балл**, т. е. стал **17.5** баллов.

Перейдём к рассмотрению полномочий президента после внесения конституционных поправок в 2008 г. Поправки, инициированные Д. А. Медведевым в конце 2008 г., фактически не отразились на компетенции главы государства, ограничившись пролонгацией срока президентских полномочий с четырёх до шести лет. Таким образом, **индекс полномочий президента остался равным 30.5 баллов**.

Поправки, внесённые в Основной закон **в 2014 г.** (табл. 3), добавили к числу полномочий Совета Федерации *возможность назначать и освобождать от должности* (дополнительно к назначению Генпрокурора) *заместителей Генерального прокурора РФ* (правда, по представлению главы государства, поэтому за это можно добавить лишь **(+0,5)** балла). Поправки 2014 г. в Основной закон оставили без изменений **полномочия нижней палаты российского парламента (0)**. Итого к 2014 г. **индекс полномочий парламента вырос до 18 баллов**.

Таблица 3 / Table 3.

Изменения индекса полномочий парламента РФ и президента России в 2008–2014 гг. и в 2014–2020 гг. / Changes in the index of full powers of the Parliament of the Russian Federation and the President of Russia in 2008–2014 and in 2014–2020

Период, год	Полномочия	Индекс, балл
Парламент		
после конституционных изменений в 2008 г. по 2014 г.	ГД: возможность требовать отчёт Правительства РФ не только об исполнении бюджета, но и получать ежегодные отчёты о проделанной правительством работе	+1

Период, год	Полномочия	Индекс, балл
после конституционных изменений в 2014 г. по 2020 г.	СФ: возможность назначать и освобождать от должности (дополнительно к назначению Генпрокурора) заместителей Генерального прокурора РФ.	+0,5
Приращение: 1.5		
Президент		
после конституционных изменений в 2008 г. по 2014 г.	–	–
после конституционных изменений в 2014 г. по 2020 г.	Право на представление в Совет Федерации для назначения и отстранения от должности не только кандидатуры Генпрокурора, но и его заместителей, а также предоставление права на формирование прокурорских инстанций на региональном и нижестоящих уровнях.	+1
	Право на представление в Совет Федерации для назначения и отстранения от должности представителей РФ в верхней палате парламента	+1
Приращение: 2.0		

В 2014 г. полномочия главы государства дополнились *правом на представление в Совет Федерации для назначения и отстранения от должности не только кандидатуры Генпрокурора* (как было до внесения поправок от 22 июня 2014 г.), *но и его заместителей, а также правом на формирование прокурорских инстанций на региональном и нижестоящих уровнях (+1)* и помимо этого формирование *представителей РФ в верхней палате парламента* (была установлена президентская квота в 10% от общего числа членов СФ, что позволило главе государства расширить круг лиц, представляющих президентский пул в госструктурах, добавляем ещё **(+1)** балл). Таким образом, **индекс полномочий увеличился с 30,5 на 2 балла, составив 32,5 баллов.**

Поправки 2020 г. в Конституцию и динамика индекса полномочий российского парламента

Внесённые в Основной закон в 2014 г. поправки подготовили почву для дальнейшего расширения президентских полномочий и придания им статуса конституционных путём их закрепления в 2020 г. после общероссийского голосования. В начале 2020 г. состоялось ежегодное обращение главы государства к парламентариям обеих палат парламента, в ходе которого было объявлено о коренных преобразованиях, затрагивающих систему органов публичной власти от муниципального до федерального уровня. Поправки были одобрены парламентом и вступили в силу после общероссийского голосования, состоявшегося 1 июля 2020 г.

Глобальная конституционная реформа 2020 г., изменившая ландшафт политической системы современной России, способствующая укреплению властной вертикали во главе с президентом, формально (т. е. юридически) добавила полномочий верхней палате российского парламента (табл. 4), тогда как в политической практике это не оказало серьёзного воздействия на место и роль Совета Федерации в структуре органов госвласти.

Таблица 4 / Table 4.

Индексный анализ полномочий палат российского парламента согласно конституционным поправкам от 14.03.2020 г. / Index analysis of the powers of the chambers of the Russian parliament in accordance with the constitutional amendments of 14.03.2020

Полномочия Совета Федерации	Значение индекса (балл)	Полномочия Государственной Думы	Значение индекса (балл)
Возможность решать вопросы, связанные с лишением неприкосновенности главы государства, прекратившего исполнять свои полномочия	+0,5	Утверждение предложенной главой государства кандидатуры для назначения на пост Председателя Правительства РФ	0
Скорректированы полномочия на определение структуры двух высших судебных инстанций	0	Утверждение замов Председателя Правительства и федеральных министров (за исключением министров, возглавляющих МЧС, МИД, МВД и т. д.)	+0,5

Полномочия Совета Федерации	Значение индекса (балл)	Полномочия Государственной Думы	Значение индекса (балл)
Консультации с СФ при назначении и отстранении от должности Генпрокурора, его заместителей, прокуроров регионов и иных приравнённых к ним прокуроров	–1	О ежегодных отчётах ЦБ России перед нижней палатой	+1
Возможность заслушивания докладов Генпрокурора о состоянии правопорядка и законности в стране	+1	О выдвижении обвинения (не только действующему главе государства, как было ранее) экс-президенту для лишения его неприкосновенности	+0,5
Проведение консультаций с главой государства относительно назначения им на должность федеральных министров силовых структур и иных руководителей федерального масштаба в исполнительной власти	+0,5	Порядок формирования Счётной палаты; ранее Дума назначала председателя, а с 2020 г. – его заместителя	0
Председателя Счётной палаты отныне назначает СФ, а не Государственная Дума, в остальном это полномочие осталось прежним.	0	Осуществление парламентского контроля	+1
Осуществление парламентского контроля	+1		
Приращение	2	Приращение	3
Приращение полномочий парламента = 5			

Источник: подсчитано автором на основании ст. 102, 103, 103.1, 104–108 Конституции РФ

В соответствии **с поправками** от 14 марта **2020 г.** Совет Федерации добавил к числу вопросов, отнесённых к его ведению: *возможность решать вопросы, связанные с лишением неприкосновенности главы государства,*

прекратившего исполнять свои полномочия (раньше он обладал правом от- решать действовавшего главу государства от должности на основании обвинений, выдвинутых ГД) **(+0,5)**. Поправками были *скорректированы полномочия верхней палаты парламента на определение структуры двух высших судебных инстанций* (состава судей Конституционного и Верховного судов), т. к. данное полномочие было у СФ и ранее, но в более абстрактном виде, поэтому в данном случае **индекс остаётся нулевым (0)**. Скорректировали и ещё одно полномочие Совета Федерации, касающееся порядка формирования прокуратуры: в соответствии с новой редакцией Основного закона *глава государства проводит консультации с СФ при назначении и отстранении от должности Генпрокурора, его заместителей, прокуроров регионов и иных приравнённых к ним прокуроров*.

В силу того, что ранее Совет Федерации решал данные вопросы практически самостоятельно, а с учётом поправок эти полномочия перешли к главе государства, коэффициент за вышеуказанное полномочие равняется **(-1)** (т. е. имеет отрицательное значение). Добавились два дополнительных полномочия, касающиеся *возможности заслушивания докладов Генпрокурора о состоянии правопорядка и законности в стране (+1)* и *проведения консультаций с главой государства относительно назначения им на должность федеральных министров силовых структур и иных руководителей федерального масштаба в исполнительной власти (+0,5)*. Незначительно видоизменилось ещё одно полномочие, касающееся порядка образования Счётной палаты: с учётом поправок 2020 г. *председателя Счётной палаты отныне назначает СФ, а не Государственная Дума, в остальном это полномочие осталось прежним*. Как известно, от перемены мест слагаемых сумма не меняется, поэтому в данном случае коэффициент тоже **остаётся нулевым**.

Конституционное закрепление получило ранее существовавшее полномочие *об осуществлении СФ парламентского контроля* (т. е. на парламентские запросы в органы государственной и муниципальной власти), за придание данному полномочию конституционного статуса прибавим ещё **(+1)** балл. Исходя из проведённого нами анализа конституционных поправок 2008, 2014 и 2020 гг., видим, что полномочия СФ в числовом коэффициенте выросли незначительно, формально (т. е., юридически) **увеличившись с 8 до 10,5 баллов (на 2,5 балла)**. Тогда как с точки зрения политической практики Совет Федерации в ходе конституционных преобразований 2020 г. утратил возможность назначать на должность (пусть и по представлению главы государства) Генпрокурора и его заместителей, получив взамен консультирование главы государства при решении данных вопросов, которое, как известно, может и не быть учтено.

Несмотря на коренные преобразования в области политической системы (названные действующим главой государства преобразованиями в

области организации публичной власти), инициированные в 2020 г. В. В. Путиным, **полномочия** хоть и были **дополнены**, что нашло отражение в положениях Конституции России, однако они, по сути, не изменили места и роли парламента в системе российских органов власти. К числу скорректированных полномочий нижней палаты стоит отнести: *утверждение предложенной главой государства кандидатуры для назначения на пост Председателя Правительства РФ* (ввиду того, что положение, содержащееся в ст. 111 Конституции, указывает на право президента роспуска ГД в случае трёхкратного отклонения предложенной им кандидатуры; замена термина «даёт согласие» на «утверждение» не меняет содержания данного полномочия, поэтому за данное полномочие также оставляем **0 баллов**).

Реверанс в сторону парламентской модели, казалось бы, был сделан, ГД наделили полномочием *утверждать заместителей Председателя Правительства и федеральных министров* (за исключением министров, возглавляющих МЧС, МИД, МВД и т. д.), однако в случае отклонения нижней палатой данных кандидатур трижды Дума опять же может быть распущена главой государства (в силу того, что данное полномочие носит половинчатый характер, добавляем за него только **(+0,5)** баллов). Добавились *полномочие о ежегодных отчётах ЦБ России перед нижней палатой (+1)* и *о выдвижении обвинения* (не только действующему главе государства, как было ранее) *экс-президенту* (т. е. лицу, прекратившему исполнять свои полномочия) *для лишения его неприкосновенности* (однако данное полномочие ГД реализует совместно с другими органами власти, поэтому добавляем только **(+0,5)** баллов). Видоизменили ещё одно полномочие, касающееся *порядка формирования Счётной палаты*: ранее Дума назначала председателя, а с 2020 г. – его заместителя, что свидетельствует о фактическом аннулировании данного полномочия (соответственно, **0 баллов**). Конституционное закрепление получило (дополнение текста конституции ст. 103.1) и полномочие ГД *на осуществление парламентского контроля (+1)*. Проанализировав конституционные преобразования с 2008 и вплоть до 2020 гг., подсчитав полученные баллы, мы видим, что индекс полномочий ГД (немного больше, чем индекс полномочий СФ) увеличился с **8.5** до **12.5** (т. е. на **4** балла). При этом ГД получила лишь формально (т. е. юридически) закреплённое право на утверждение главы Правительства и определение его структуры, однако в случае несовпадения мнения по этому вопросу с главой государства она по-прежнему может быть им распущена, что свидетельствует об отсутствии политической целесообразности и пользы от данного полномочия. Итого полномочия парламента достигли к настоящему времени индекса в **23** балла.

Остановимся на поправках **2020 г.**, затрагивающих **институт президентской власти**, расширивших круг вопросов, отнесённых к его ведению (табл. 5). К числу полномочий главы государства добавились следующие вопросы: скорректированное *полномочие относительно утверждения по*

предложению председателя правительства *структуры федеральных исполнительных органов* (учитывая, что глава государства и ранее обладал правом назначать не только главу правительства, но и его заместителей и федеральных министров, но не принимал решения об определении органов власти, руководство которыми осуществляет либо он, либо правительство, добавляем ещё **(+0,5)** баллов), также было и видоизменено де-юре оставшееся практически без изменений де-факто полномочие, касающееся *назначения на должность председателя правительства* – ранее ГД давала президенту согласие при назначении его на должность, в действующей редакции это было дополнено правом ГД утверждать предложенную им кандидатуру (в виду того, что сохранилось конституционное положение о том, что в случае трёхкратного отклонения предложенной им кандидатуры Дума может быть распущена, ставим **0** баллов).

Таблица 5 / Table 5.

Индексный анализ полномочий президента России согласно конституционным поправкам от 14.03.2020 г. / Index analysis of the full powers of the President of Russia in accordance with the constitutional amendments of March 14, 2020

Полномочия президента России	Значение индекса (балл)
Скорректированное полномочие относительно утверждения по предложению председателя правительства структуры федеральных исполнительных органов	+0,5
Назначение на должность председателя правительства	0
Осуществление общим руководством правительства	+1
Трансформировалось полномочие в области исполнительной власти, если ранее президент назначал и отстранял от должности заместителей председателя правительства и федеральных министров по представлению главы правительства, в соответствии с новой редакцией Конституции он осуществляет данное полномочие после утверждения их кандидатур парламентариями нижней палаты	+0,5
Поделился полномочием относительно назначения на должности руководителей ключевых министерств (МВД, МИД, юстиции и т. д.) с Советом Федерации	0
Формирование высших судебных инстанций	0
Генпрокурора, его заместителей, прокуроров регионов и иных специализированных прокуратур назначал и отстранял от должности СФ по представлению президента, в новой редакции конституции верхняя палата лишь проводит консультации с президентом, который назначает вышеназванных лиц	+0,5

Полномочия президента России	Значение индекса (балл)
Формирование Счётной палаты	0
Формирование Госсовета	+1
Увеличилась президентская квота относительно назначаемых им представителей РФ в верхней палате парламента	+0,5
Приращение	4

Источник: подсчитано автором на основании ст. 83–89 Конституции РФ

Значимым с точки зрения определения формы правления является *полномочие главы государства по осуществлению общего руководства правительством* (тогда как ранее он лишь обладал правом председательствовать на его заседаниях, за что можно присвоить ещё **(+1)** балл), при этом сохраняется должность председателя правительства, который в любой момент может быть отрешён от должности президентом. Наделение президента данным полномочием свидетельствует о том, что форма правления современной России постепенно даже де-юре делает крен в сторону президентской республики.

Трансформировалось и ещё одно полномочие главы государства в области исполнительной власти: если ранее *президент назначал и отстранял от должности заместителей председателя правительства и федеральных министров* по представлению главы правительства, то в соответствии с новой редакцией Конституции он *осуществляет* данное полномочие *после утверждения их кандидатур парламентариями нижней палаты* (правда, в случае трёхкратного отклонения ГД предложенных председателем правительства кандидатур, если 1/3 должностей членов правительства остались вакантными, Президент вправе распустить ГД, что добавляет главе государства еще одно конституционное основание для роспуска нижней палаты), за что добавляем ему еще **(+0,5)** баллов. В соответствии с поправками *президент поделился своим полномочием относительно назначения на должности руководителей ключевых министерств (МВД, МИД, юстиции и т. д.) с Советом Федерации, который проводит с президентом консультации относительно данных назначений, т. к. содержание данного полномочия главы государства осталось практически без изменений, присваиваем 0 баллов*. Законодательному уточнению подверглось и *полномочие по формированию высших судебных инстанций*, структуру которых определяет президент, представляющий СФ кандидатуры судей ВС и КС, т. к. данное полномочие лишь уточняет ранее действующее конституционное предписание, ставим **0 баллов**.

Если до внесения поправок 2020 г. *Генпрокурора, его заместителей, прокуроров регионов и иных специализированных прокуратур назначал и*

отстранял от должности СФ по представлению президента, то в новой редакции Конституции верхняя палата лишь проводит консультации с президентом, который *назначает вышеназванных лиц (+0,5)*. Практически без изменений в отношении потенциала президентских полномочий остался вопрос о *формировании Счётной палаты*, главу которой с 2020 г. назначает Совет Федерации (а не Госдума, как было ранее), однако все кандидатуры аудиторов по-прежнему предлагает президент (**0 баллов**). Добавилось полномочие, получившее конституционное закрепление в 2020 г., о *формировании президентом Госсовета (+1)*. Увеличилась *президентская квота относительно назначаемых им представителей РФ в верхней палате парламента* с 17 до 30 сенаторов, причём семь из них могут получить свои должности пожизненно (**+0,5**).

Следует заметить, что с 1993 г. до 2020 г. изменения касались только двух полномочий парламента и двух полномочий президента. Тогда как в 2020 г. – уже 13 полномочий парламента и 10 полномочий президента.

Таким образом, суммируя полномочия, которыми институт президентской власти дополнился после конституционной реформы, получаем **+4** балла к имеющимся в 2014 г. 32,5 баллам, что составляет **36,5** баллов. Конституционная реформа ещё раз наглядно продемонстрировала укрепление президентской вертикали власти (36,5 баллов) в отношении парламентских полномочий (составляющих в совокупности 23 балла), разрыв составляет 13,5 баллов, что свидетельствует о сохраняющейся ключевой роли президента в системе публичной власти в современной России, нивелировании института парламентаризма в постсоветской России и законодательной ветви власти, ставшей придатком института президента и выразителем его воли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К числу отличительных черт парламентской модели принято относить главенствующее положение парламента в системе органов власти, закреплённый конституционно порядок формирования кабинета министров (правительства) парламентским большинством. Правительство ответственно перед парламентом, который обладает правом вотума доверия (или недоверия), что может привести к отставке правительства.

Характеризуя положение российского парламента, сложившееся в ходе принятия в 1993 г. действующей российской конституции и последующих за этим конституционных преобразований (осуществляющихся с 2008 по 2020 гг.), стоит отметить, что ряд функций, свидетельствующих о реальной роли парламента в политической системе страны, хоть и в купированном виде, присутствует. На основании юридически закреплённых положений в конституции предусматривался порядок назначения главы правительства президентом после получения согласия Госдумы (пусть и носящего формальный характер, т. к. в

случае трёхкратного отклонения предложенных им кандидатур нижняя палата подлежит роспуску), также Думе предоставлялось право выражения вотума недоверия (либо в отказе доверия) правительству, хотя решение о его отставке и может приниматься лишь в случае поддержки последней президентом.

В ходе осуществлённого индексного анализа полномочий парламента было установлено, что изначально в тексте Основного закона (1993 г.) был закреплён превалирующий статус президента, полномочия которого (30,5 баллов) превосходили полномочия обеих палат парламента (составившие в совокупности 16,5 баллов). С помощью сопоставления их значимости для политической практики госстроительства приходим к выводу, что практически все кадровые назначения президент осуществляет самостоятельно либо совместно с палатами российского парламента, которые лишь высказывают одобрение предложенных им кандидатур на должность. Помимо значительных полномочий в области исполнительной власти (фактически единолично формирует состав правительства, принимает решение о его отставке и т. д.), может оказывать воздействие на законодательную власть (назначение парламентских выборов, роспуск ГД, право законодательной инициативы и т. д.). Это свидетельствует о том, что первоначально юридически закреплённые в конституции президентские полномочия превалируют над полномочиями парламента, а политическая практика их реализации свидетельствует о зависимой роли парламента от президента.

Проследив динамику конституционных преобразований 2008, 2014 и 2020 гг., затронувших полномочия парламента и президента, мы установили, что значение индекса президентских полномочий увеличилось с 30,5 до 36,5 баллов, тогда как парламентских – выросло с 16,5 до 23 баллов (табл. 6).

Таблица 6 / Table 6.

Индексный анализ значимости российского парламента
в период 1993–2020 гг. / Index analysis of the significance of the Russian
parliament in the period 1993–2020

Год принятия Конституции или конституционных изменений	Индекс полномочий парламента	Индекс полномочий президента	Дельта индексов
1993	16,5	30,5	14
2008	17,5	30,5	13
2014	18	32,5	14,5
2020	23	36,5	13,5

Институт президентской власти укрепил свои роль и место в системе публичной власти, что свидетельствует о подчинённом характере российского парламента, играющего роль «второй скрипки» в оркестре высших

органов государственной власти. Об этом наглядно свидетельствуют такие конституционно закреплённые полномочия, как функция главы государства по формированию системы прокуратуры. Госдума де-юре приобрела право на участие в формировании состава правительства, однако одновременно с этим у главы государства добавилось ещё одно основание для роспуска нижней палаты парламента, в случае если она трижды отклонит представленные председателем правительства кандидатуры на должность своих заместителей и федеральных министров.

Все вышеперечисленные обстоятельства свидетельствуют о расширении президентских полномочий на фоне незначительной корректировки парламентских полномочий. Роль и место законодательного (представительного) госоргана в структуре политических институтов, компетентность и профессионализм парламентариев, их ответственность перед избирательным корпусом напрямую зависят от тех, кто их избирает. Парламент не только выступает органом власти, разрабатывающим и принимающим законы, но и представляет интересы различных социальных групп.

Как нам представляется, для дальнейшего эффективного развития института парламента в нашей стране требуется перераспределение властных полномочий между ключевыми политическими акторами с целью большей сбалансированности разделения властей. Среди таких шагов можно назвать повышение ответственности парламентского большинства в определении структуры правительства; изменение способа формирования Совета Федерации путём прямых выборов сенаторов (как было в переходный период с 1993–1995 гг.) и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В., Рыбина М. В., Давыдова Н. П. Абсентеисты как политическая страта современного российского общества // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1. С. 31–36.
2. Авакян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-7-33
3. Авдеев Д. А. Особенности республиканизма российской формы правления // Современное право. 2021. № 12. С. 5–12.
4. Авдеев Д. А. Парламентаризм в России: исторический опыт и тенденции развития // Парламентаризм: исторические практики и современные формы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 110-летию парламентаризма в России и 1000-летию Русской Правды, 150-летию Императорского Русского исторического общества, Тюмень, 27–28 апреля 2016 г. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2016. С. 8–16.
5. Алексеев Р. А. Конституция Российской Федерации: история поправок // Вестник Московского государственного областного университе-

- та (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 04.01.2022).
6. Горылев А. И. Правовая природа современного парламентаризма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2002. № 1. С. 102–110.
 7. Ежов Д. А. Выборы депутатов Государственной Думы Российской Федерации восьмого созыва: тенденции и прогнозы // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 91–93.
 8. Зазнаев О. И. Индексный анализ президентской власти (на примере России) // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4 (38). С. 20–26.
 9. Зазнаев О. И. Институт президентства в условиях политической турбулентности: общемировые тенденции // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 19–25.
 10. Зазнаев О. И. Парламентаризация в постсоветских странах // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 1. С. 119–130.
 11. Зазнаев О. И. Смешанные формы правления, или как масло соединяется с водой // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 158–171.
 12. Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015. 304 с.
 13. Парламентское право России : монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко, Н. С. Волкова, С. А. Грачева, А. Я. Капустин, М. А. Мещерякова, С. Е. Нарышкин, Л. А. Нудненко, А. В. Павлушкин, А. Е. Петров, Т. Я. Хабриева, Е. А. Юртаева; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Издание Государственной Думы, 2013. 400 с.
 14. Романов Р. М. Парламентаризм: теория, история и современность : учебное пособие для студентов высш. и сред. специальных учебных заведений, обучающихся по гум. специальностям. М.: МИРОС, 2002. 295 с.
 15. Федорченко С. Н. Парламентские выборы в Германии: электоральные процессы на востоке страны // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 1. С. 31–47.
 16. Филиппова Н. А. Парламенты постсоветских государств: факторы доминирования и маргинализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2. № 1. С. 140–158.
 17. Хеллман Д. Конституция и экономическая реформа в переходный период // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1998. № 2 (23). С. 78–88.
 18. Шаклеин Н. И. Из истории российского парламентаризма // История государства и права. Федеральный журнал: Научно-правовое издание. 2008. № 19. С. 14–20.
 19. Шульженко Ю. Л. Понятие «парламентаризм» в современной отечественной науке // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12. № 5. С. 14–36.

20. Яценко И. С. Современный российский и западный парламентаризм: опыт, проблемы, перспективы // Правовые вопросы российской государственности : сборник научных трудов. М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 2002. С. 67–72.
21. Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // Comparative Political Studies. 1997. Vol. 30. № 5. P. 523–552.
22. Krouwel A. Measuring presidentialism of Central and East European countries. Amsterdam: Vrije Universiteit, 2003. 23 p.
23. Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 316 p.

REFERENCES

1. Abramov A. V., Rybina M. V., Davydova N. P. [Absenteeists as a political stratum of modern Russian society]. In: *Izvestiya of MGTU "MAMI"* [Izvestiya MGTU "MAMI"], 2013, vol. 6, no. 1, pp. 31–36.
2. Avakyan S. E. [The 2020 Constitutional reform and Russian Parliamentarism: reality, decisions, expectations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Jurisprudence], 2020, no. 3, pp. 7–33. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-7-33
3. Avdeev D. A. [Features of the republicanism of the Russian form of government]. In: *Sovremennoe pravo* [Modern law], 2021, no. 12, pp. 5–12.
4. Avdeev D. A. [Parliamentarism in Russia: historical experience and development trends]. In: *Parlamentarizm: istoricheskie praktiki i sovremennye formy : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 110-letiyu parlamentarizma v Rossii i 1000-letiyu Russkoi Pravdy, 150-letiyu Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva, Tyumen', 27–28 aprelya 2016 g.* [Parliamentarism: historical practices and modern forms : Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 110th anniversary of Parliamentarism in Russia and the 1000th anniversary of the Russkaya Pravda, the 150th anniversary of the Imperial Russian Historical Society, Tyumen, April 27–28, 2016]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2016, pp. 8–16.
5. Alekseev R. A. [The Constitution of the Russian Federation: the history of amendments]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 04.01.2022).
6. Gorylev A. I. [The legal nature of modern parliamentarism]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Law], 2002, no. 1, pp. 102–110.
7. Ezhov D. A. [Elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation of the eighth convocation: trends and forecasts]. In: *Vlast'* [The Authority], 2021, vol. 29, no. 3, pp. 91–93.

8. Zaznaev O. I. [The index analysis of presidential power (the case of Russia)]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2005, no. 4 (38), pp. 20–26.
9. Zaznaev O. I. [The institute of presidency in the conditions of political turbulence: worldwide trends]. In: *Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik* [Kazan Socio-humanitarian Bulletin], 2020, no. 2 (43), pp. 19–25.
10. Zaznaev O. I. [Parliamentarization in post-Soviet countries]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2009, vol. 151, no. 1, pp. 119–130.
11. Zaznaev O. I. [Mixed forms of government, or how oil will mix with water]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2005, no. 4, pp. 158–171.
12. Kerimov A. A. *Parlamentarizm kak faktor legitimnosti politicheskoy vlasti v sovremennoj Rossii* [Parliamentarism as a factor of legitimacy of political power in modern Russia]. Yekaterinburg, Ural University Press Publ., 304 p.
13. Abramova A. I., Vitushkin V. A., Vlasenko N. A., et al. *Parlamentskoe pravo Rossii* [Parliamentary Law of Russia]. Moscow, Edition of the State Duma Publ., 400 p.
14. Romanov R. M. *Parlamentarizm: teoriya, istoriya i sovremennost'* [Parliamentarism: theory, history and modernity]. Moscow, MIROS Publ., 2002. 295 p.
15. Fedorchenko S. N. [Parliamentary elections in Germany: electoral processes in the east]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies], 2018, vol. 2, no. 1, pp. 31–47.
16. Filippova N. A. [Parliaments in post-Soviet states: factors of dominance and marginalization]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEKS], 2006, vol. 2, no. 1, pp. 140–158.
17. Hellman D. [Constitution and economic reform in the transitional period]. In: *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie* [Constitutional Law: Eastern European Review], 1998, no. 2 (23), pp. 78–88.
18. Shaklein N. I. [From the history of Russian parliamentarism]. In: *Istoriya gosudarstva i prava. Federal'nyi zhurnal: Nauchno-pravovoe izdanie* [History of State and law. Federal Journal: Scientific and Legal publication], 2008, no. 19, pp. 14–20.
19. Shulzhenko Yu. L. [The concept of “parliamentarism” in the modern Russian science]. In: *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 12, no. 5, pp. 14–36.
20. Yatsenko I. S. [Modern Russian and Western parliamentarism: experience, problems, prospects]. In: *Pravovye voprosy rossiiskoi gosudarstvennosti : sbornik nauchnykh trudov* [Legal issues of Russian statehood : collection of scientific papers]. Moscow, Tax Police Academy of the Federal Tax Service of Russia Publ., pp. 67–72.
21. Frye T. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies. In: *Comparative Political Studies*, 1997, vol. 30, no. 5, pp. 523–552.

22. Krouwel A. Measuring presidentialism of Central and East European countries. Amsterdam, Vrije Universiteit, 2003. 23 p.
23. Shugart M. S., Carey J. M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 316 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.01.2022

Статья размещена на сайте: 22.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: alekseev.r555@mail.ru

Roman A. Alexeev – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: alekseev.r555@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Алексеев Р. А. Современный российский парламент: оценка политической значимости по результатам индексного анализа // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Alexeev R. A. Modern Russian parliament: assessment of political significance according to the results of index analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 323.22/.28

Денильханов А. Х.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

КООПЕРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

АННОТАЦИЯ

Цель. Показать эволюцию кооперации в контексте либерального социализма, которая в новейшей истории России сыграла и продолжает играть важную роль в экономике и социально-политической жизни социума.

Процедура и методы. Для достижения указанной цели в работе применён широкий спектр общенаучных методов и политологических подходов: диалектический, аксиологический, статистический, историзма, анализа и синтеза.

Результаты. Автор приходит к выводу, что социализм, установившийся в Советской России, по сути, был либеральным, несмотря на перегибы в разные периоды его почти вековой истории. Отмечается, что в исследуемый период руководство страны с целью преодоления экономических кризисов вынуждено было инкорпорировать кооперацию в советскую экономику, превращая её тем самым в смешанную, несмотря на неприемлемость её этико-экономической основы.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в комплексном подходе к изучению сущности, места и роли кооперации с точки зрения её ценностных основ. Переоценка таких определений общественно-экономического устройства, как «капитализм» и «социализм», а также синтетических вариантов этих понятий («государственный капитализм» и «либеральный социализм») обусловлена тем, что со временем они наполняются новым содержанием и требуют семантического анализа. Кооперация, в свою очередь, находясь в «серой» зоне между капиталистической и социалистической способами производства, является оптимальной формой, обеспечивающей баланс интересов всех субъектов хозяйственной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

кооперация, либерализм, капитализм, либеральный социализм, Советская Россия, демократия, советская экономика

СТРУКТУРА

Введение

Кооперативы в Советской России

Кооперация и либеральный социализм

Заключение

A. Denilkhanov

Lomonosov Moscow State University

Lomonosovskiy prosp. 27 str. 4, Moscow 119991, Russian Federation

COOPERATION IN THE CONTEXT OF LIBERAL SOCIALISM

ABSTRACT

Aim. To show the evolution of cooperation in the context of liberal socialism, which has already played and continues playing an important role in the economy and socio-political life of society.

Methodology. To achieve this purpose, the author applied a wide range of general scientific methods and political science approaches: dialectical, axiological, statistical, historicism, analysis and synthesis.

Results. The author comes to the conclusion that socialism, established in Soviet Russia, was essentially liberal, despite the certain excesses in different periods of its almost a century-old history. It is noted that during the analyzed period the country's government, in order to overcome economic crises, had to incorporate cooperation into the Soviet economy, thereby turning it into a mixed one, despite the unacceptability of its economic and ethical basis.

Research implications is in a comprehensive approach to the study of the essence, place and role of cooperation from the point of its value foundations. The reconsideration of such definitions of social and economic system as "capitalism" and "socialism", as well as synthetic versions of these concepts ("state capitalism" and "liberal socialism") is conditioned by the fact that these definitions gain with new meaning and require semantic analysis over time. Cooperation, in turn, being in the "gray" zone between capitalist and socialist modes of production, is the optimal form that ensures a balance of interests of all subjects of economic activity.

KEYWORDS

cooperation, liberalism, capitalism, liberal socialism, Soviet Russia, democracy, Soviet economy

ВВЕДЕНИЕ

Нам довелось жить в эпоху глобальных миросозерцательных сдвигов, когда пересматриваются базовые политологические понятия, на которых практически два столетия основывалось концептуальное осмысление больших исторических периодов. Своеобразие современного этапа жизни человечества состоит в пересмотре таких, казалось бы, типологически безупречных определений общественно-экономического устройства, как «капитализм» и «социализм». Эти понятия явились базой не только экономических и политических структур, но и нравственных, этических, культурных сфер общественного бытия; на их основе организовывалась и регулировалась вся сложнейшая система жизни общества. Естественно, сложность социально-экономической жизни в разных регионах мира не удовлетворялась даже самыми широко трактованными определениями. Чтобы обозначить промежуточные или пограничные формы социально-экономического устройства,

были выработаны и синтетические варианты этих понятий: «государственный капитализм» и «либеральный социализм». Как отмечают современные исследователи, «большинство авторов разнообразных проектов будущего России сходятся в том, что будущее невозможно воспроизвести в каких-либо прежде известных национально-исторических форматах» [2, с. 113].

Всё это свидетельствует о том, что реальность слишком сложна и разнообразна, чтобы уместиться в какие-либо формулировки. Следует исходить из того, что легализация понятия имеет исключительно политико-организационное значение, дающее вектор для построения мировоззренческой, а затем и практической реальностей. Новый методологический подход к базовым понятиям и их переоценка обусловлены тем, что со временем они наполняются новым содержанием и требуют семантического анализа.

Примером того, что реальность богаче умозрительных схем и понятий в контексте исследуемой проблематики, являются кооперативы, которые в формационном подходе к типологии государства балансируют между капитализмом и социализмом. Если следовать признакам, характеризующим капиталистический и социалистический типы хозяйствования, кооперативы находятся в так называемой «серой» (или «пограничной») зоне, т. к. не укладываются в строгие рамки ни капиталистического, ни социалистического способов производства. Кооперативы как форма организации труда и распределения благ являются камнем преткновения, который разрушает догматический подход к общественному устройству, и «в кризисных и предкризисных условиях ... содействуют достижению экономической и финансовой стабильности путём сохранения занятости и создания новых рабочих мест. В частности, кооперативы предоставляют 5,4 млн рабочих мест европейским гражданам и более чем 100 млн рабочих мест во всём мире – на 20% больше, чем транснациональные корпорации» [5, с. 124].

В настоящее время либо вся, либо значительная часть сельского хозяйства кооперирована в Германии, Японии, Франции, Дании, Швеции, Финляндии, Исландии, Нидерландах; в США третью часть всех сельскохозяйственных продуктов на рынок поставляют кооперативы; в России их число превышает 7,3 тыс.

О значимости кооперативного движения свидетельствует ещё тот факт, что в мире действует и успешно развивается Международный кооперативный альянс, созданный ещё в 1895 г. По данным сайта альянса, сегодня он «является одной из крупнейших неправительственных организаций в мире, представляющей 1 миллиард членов кооператива через своих 323 членов из 112 стран»¹.

С момента их образования по настоящее время с кооперативами происходят различные метаморфозы в зависимости от политического и социально-экономического курсов государства.

¹ International Cooperative Alliance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ica.coop/en> (дата обращения: 10.11.2021).

КООПЕРАТИВЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

С Октябрьской революции 1917 г. в России началась новая эпоха, характеризующаяся классиками марксизма как коммунистическая общественно-экономическая формация, первой фазой которой был объявлен социализм. Как известно, социалистическая идеология начала с того, что отвергла практически всё, что было связано с капиталистическими отношениями. Обусловлено это было тем, что строительство социализма в России базировалось на марксистском учении и, соответственно, материалистическом понимании истории, где доминирующая роль признавалась за общественным бытием, формирующим общественное сознание. Исходя из данного постулата, новое руководство России в лице большевиков взяло курс на тотальное огосударствление экономики. Однако при всём теоретическом отторжении капитализма создателями советской империи мы не можем не признать, что даже в самые, по определению сегодняшних официальных идеологов, «мрачные времена» «идолопоклонства» марксистскому классовому учению оставались зоны, свободные от схоластических теорий, вырабатываемых Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС².

Ещё до основания Советской России в экономике страны сложилась теоретически проблемная, с точки зрения её идеологии, форма предпринимательства – производственные, промысловые и потребительские кооперативы (артели), которые продолжали удерживать свои позиции и в период борьбы с капиталистическими формами хозяйствования. По данным, представленным в Большой советской энциклопедии, «в 1895–1905 гг. ежегодно возникало до 240 кооперативов, в 1906–14 гг. – в среднем 3 тыс. в год (участвовало 11,6 млн чел.). Россия вышла на 1-е место в мире по темпам развития кооперативов. В начале 1914 г. действовало не менее 30,5 тыс. кооперативов (2-е место в мире после Германии), в т. ч. 13 тыс. кредитных, 11 тыс. потребительских, 1,8 тыс. сельскохозяйственных товариществ, 4,7 тыс. сельскохозяйственных обществ; к концу 1917 г. было свыше 64 тыс. кооперативов, в т. ч. 35 тыс. потребительских, 16,3 тыс. кредитных, 6 тыс. сельскохозяйственных обществ, 2,4 тыс. сельскохозяйственных товариществ, 3 тыс. маслодельных артелей, 1,5 тыс. кустарно-промысловых артелей»³.

Аграрная реформа П. А. Столыпина, которая началась в 1906 г., способствовала быстрому развитию кооперативов и одновременно разрушению крестьянской общины. Кооперация в указанный период была направлена

² Институт марксизма-ленинизма при Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза – центральное партийное, научно-исследовательское учреждение в СССР (1921–1991гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/marksizma_lieninizma_institut (дата обращения: 10.11.2021).

³ Кооперация [Электронный ресурс] / Д. Б. Кувалин, Е. Ю. Болотова, В. Г. Тюкавкин, Л. Е. Файн // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2094794 (дата обращения: 10.11.2021).

на модернизацию экономики России. Однако, по утверждению В. Г. Егорова и А. В. Абрамова, «попытка российского премьер-министра начала XX века П. А. Столыпина укрепить социальную базу царизма за счёт разрушения “мира”»⁴ и «выделения из общины крепкого мужика, вне зависимости от экономических результатов, обострила социальные противоречия и имела противоположные задуманным последствия» [6, с. 58–59].

В основательном труде А. В. Лубкова, посвящённом кооперативной модернизации России, прослежена история развития этой экономической формы сотрудничества в трудах известных русских экономистов и философов и делается вывод: «Личность человека выступала главной ценностью кооперативного творчества, духовный интерес ставился выше материального, общественный – выше личного. Свобода личности в кооперации предстаёт не только в качестве нравственной, но и экономической категории, отражающей условия процесса эффективного хозяйствования» [14, с. 135–136]. Автор ограничивает временные рамки своего исследования началом Первой мировой войны, лишь бегло и оценочно характеризуя последующие периоды, хотя, казалось бы, заложенное теоретическое основание для определения сложносоставного экономического узла – кооперативного производства – даёт возможность для некоторых выводов и в советской экономике. В то же время он внутренне солидаризуется или, во всяком случае, не опровергает оценки кооперативной формы хозяйствования в Советской России, выработанной в эмигрантских кругах: «Характеризуя положение кооперации у себя на Родине, авторы-эмигранты отмечали, что кооперация Советской России, являющаяся органом комиссариатов продовольствия и земледелия, уже не кооперация. Видные экономисты из других эмигрантских центров разделяли их точку зрения, указывая на полную административную и финансовую зависимость кооперативов от советского государства» [14, с. 13].

В значительной степени были серьёзные основания для таких суждений. Исследователь крестьянского хозяйства в условиях «военного коммунизма» и истории кооперации в Советской России В. В. Кабанов, проанализировавший, в частности, статью В. И. Ленина «О кооперации», приходит к следующим выводам: «Если у Ленина и не было никакого кооперативного плана, то определённые взгляды на кооперацию у него имелись ... Ленин долгие годы боролся именно с этими “насквозь буржуазными” кооперативными принципами, пытаясь внедрить так называемые пролетарские принципы кооперирования. Не добровольность, а обязательность, поголовность, принудительность. Не самостоятельность и самодеятельность, а огосударствление. Не

⁴ Следует пояснить понятие «мир» в контексте приведённой цитаты. Для русского крестьянина, по мысли Ф. Энгельса, «мир» означает, с одной стороны, “вселенную”, а с другой – “крестьянскую общину” / Энгельс Ф. О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 18. 2-е изд. М.: Геополитиздат, 1961. С. 537–548. Цит. по: Егоров В. Г., Абрамов А. В. Аксиологический контекст политической модернизации России // Инновации и инвестиции. 2014. № 9. С. 59.

материальная заинтересованность, а отмена пая, дивиденда и пр.» [9, с. 214]. Эта позиция большевистских лидеров, обременённая советской идеологией, определяла и их оценки экономической практики страны. Кооперативная форма как добровольное объединение людей для совместного труда с равноправным участием в управлении и распределении доходов явно противоречила административным методам управления в советской экономике. Так, по словам А. Д. Билимовича, учёного-экономиста русского зарубежья, «большевики никогда не ценили кооперацию как таковую. Её идейная сторона, получившая выражение в знаменитых рочдельских принципах и покоящаяся на началах индивидуальной свободы участников кооперативных организаций, частной собственности на имущество, принадлежащее кооперативам, и на мысли о мирной эволюционной реорганизации хозяйства при помощи развития кооперативного движения, была не только чужда, но и ненавистна большевикам» [1, с. 9].

Отчасти соглашаясь с оценкой А. Д. Билимовича, можно констатировать, что все эти принципы вполне приложимы к коротким, но значимым периодам истории Советской России, когда именно с помощью кооперации преодолевались кризисы в экономике страны. Даже по оценкам современников этого явления (естественно, идеологически выдержанным) участники кооперативов владели средствами производства, строили управление своей деятельностью, включая выборы органов управления и распределение доходов, на демократических принципах.

Безусловно, судьба кооперативов в Советской России находилась полностью во власти нового политического руководства страны. В разные периоды они испытывали на себе диаметрально противоположные методы её руководства, начиная от жесткого огосударствления, сопровождавшегося обобществлением средств производства кооперативов и насильственным подавлением частной инициативы граждан, кончая вполне либеральным отношением к данной форме хозяйствования.

В период с 1918 по 1920 гг. кооперативы попали под «жернова» политики «военного коммунизма», сопровождавшейся конфискацией их средств производства и жестокой расправой с противниками данной политики (тюрьмы, ссылки и даже расстрелы).

Однако экономический кризис, начавшийся в это время, вынудил партийное руководство страны пойти на компромисс. «С марта 1921 г. начала реализовываться новая экономическая политика. В эти годы кооперация пережила новое бурное развитие – второй “кооперативный прорыв” и приобрела большое значение в формировании и развитии отраслей производственно-го обслуживания. Главной задачей, которую советское руководство поставило перед кооперацией, было оказание помощи в восстановлении хозяйства страны. Возрождение кооперации началось с возврата к её основным демократическим принципам: добровольному членству в кооперативах, явочно-

му порядку создания, практике вступительных взносов и паев, свободному избранию правлений кооперативных объединений, то есть к самоуправлению» [10, с. 323]. Согласно данным, представленным в статье З. Р. Кочкаровой, «к концу 1926 г. кооперативный сектор преобладал в советском государстве: кооперативам принадлежало 52,2% товарооборота: потребительским – 38%, сельскохозяйственным – 11,6% и промысловым – 2,6%» [13, с. 15].

Тем не менее демократические принципы, на которых строилась и функционировала кооперация, в частности самоуправление, а также личная заинтересованность каждого члена кооператива в результатах производства, были неприемлемы для советской власти и не могли быть воплощены в полной мере в условиях административно-командной системы управления и тотального контроля над экономикой со стороны государства. «Рассматривая артели и товарищества как средство борьбы рабочего класса с капиталистической эксплуатацией, – отмечает В. Г. Егоров, – кооперативная идеология развивалась в рамках социалистической мысли и подвергалась критике, как сторонников либерализма, так и приверженцев революционного ниспровержения капитализма, упрекающих рабочих кооператоров в реформизме» [7, с. 31].

С конца 1920-х гг. началась массовая коллективизация, что привело к свёртыванию многих видов кооперации.

Особый период в развитии кооперации пришёлся на Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. В самом начале 1941 г. в соответствии с директивными указаниями Совета Народных Комиссаров (Совнарком) и ЦК ВКП(б) был установлен запрет на вмешательство в хозяйственную деятельность кооперативов, в том числе и на систему выборов в них. Понятно, что важную роль в этот период играли подсобные хозяйства при потребительских обществах: это выращивание крупного рогатого скота, домашней птицы, рыбы и т. д.; а также производство необходимых в том числе и фронту товаров – валенок, обуви, строительных материалов, мыла, лекарственно-технического сырья, ягод, грибов. Для нужд обороны заготавливали лом чёрных и цветных металлов. Потребительская кооперация была включена в систему снабжения армии.

Роль кооперативных производств не уменьшилась и после окончания войны. По данным, приведённым в исследовании И. А. Евенко, «в 1950 г. на предприятиях кооперативной промышленности имелось свыше 380 тыс. единиц только основного технологического оборудования, которое ежегодно возрастало на десятки тысяч единиц ... Во многих отраслях кооперативные организации имеют хорошо оснащённые техникой предприятия»⁵.

⁵ Евенко И. А. Кооперативная промышленность СССР и её роль в производстве товаров народного потребления: стенограмма публичной лекции. М.: Знание, 1954. С. 10.

Свобода торговли в первые послевоенные годы была и на колхозных рынках, которые оставались в ведении местных властей. Отношение к торгующим также было весьма либеральным: не взимался налог на продажу продуктов питания, если деятельность осуществлялась не с оборудованного места, а, например, с телеги.

Все эти факты и события свидетельствуют о том, что в советском обществе происходили сложные внутренние процессы размыwania окостеневшего догмата о «нарастании классовой борьбы по мере построения социализма», выдвинутого ещё в конце 1920-х гг. Были ощутимые экономические результаты: с января 1948 г. отменены продуктовые карточки (в Англии – только в 1953–54 гг.), началось плановое снижение цен на протяжении шести лет, исчезла коммерческая торговля. Показательно, что в это время бюджеты стран Запада были дефицитными при постоянно растущей инфляции, а советский рубль укреплялся, его покупательная способность росла. «Таким образом, политическая необходимость существенно поднять жизненный уровень народа при сохранении высокого градуса мобилизационного накала в экономике побудила власти активизировать работу промышленности местного подчинения и, в частности, промысловой кооперации, что и предопределило недолгий “ренессанс” кооперативной промышленности» [15, с. 121]. Но, как уже неоднократно бывало в истории нашей страны, постепенное наращивание позитивных тенденций было прервано спонтанным решением исключительно тактического плана: «...впечатляющие успехи кооперативного сектора породили глухое недовольство и раздражение партноменклатуры. В его укреплении она увидела вызов своему безраздельному господству. Поэтому с учётом реалий того времени судьба негосударственного уклада была предreshена, началась поэтапная его национализация» [15, с. 121]. 14 апреля 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О реорганизации промысловой кооперации», в соответствии с которым артели на безвозмездной основе отчуждались в пользу государства. Возник парадокс 1960-х гг.: видимая политическая либерализация с обличением трагических ошибок и перегибов, возникновение узкого слоя вольнодумной интеллигенции, осторожное проникновение, правда, лучших образцов западной культуры с одной стороны – и резкое ограничение экономической свободы с другой.

В 90-е гг. XX в. «к приходу либеральных реформ в СССР потребительская кооперация оказалась единственной формой кооперации, которая сформировалась как единая сложная структура. С началом перестроечных процессов и переходом к рыночным отношениям происходит третий “кооперативный прорыв”, по времени его начало можно отнести ко второй половине 80-х гг. XX в.» [10, с. 324]. Об этом свидетельствуют следующие данные: «на 1 января 1988 г. в СССР действовало 13,9 тыс. кооперативов, а на 1 января 1990 г. – 193 тыс.; численность работников выросла со 156 тыс. человек в 1988 г. до 4,9 млн человек в 1990 г.; объём продукции в годовом исчисле-

нии в ценах тех лет вырос с 350 млн до 40,4 млрд руб.; в объёме ВВП доля кооперативов в 1988 г. составляла менее 1%, а в 1989 г. – уже 4,4%» [8, с. 70]. Частная инициатива вновь стала востребованной, однако в силу слабой нормативной базы политики реформ 1990-х гг., а также процесса переформатирования всей системы экономики и права в этот период кооперативы явили собой некую переходную фазу от государственно-плановой экономики к рыночной, представляя собой альтернативную, «серую» область экономики.

Кратко характеризуя сегодняшнее состояние кооперации, можно «сделать вывод о четвёртом “кооперативном прорыве”, поскольку процесс развития и распространения кооперации перешёл на новый уровень. Кооперация снова стала неотъемлемой частью современной экономической системы ... Развитие предпринимательства способствовало появлению новых видов кооперации, таких как аутсорсинг, субконтрактинг, франчайзинг, стратегические альянсы, консорциумы и др.» [10, с. 325]. По справедливому утверждению В. Г. Егорова, «мировой опыт показал, что кооперация (и производственная, и потребительская) может развиваться только в условиях рыночного хозяйства. Попытка использования кооперативной организации в административно-командной системе вела к вырождению её сущностного качества и превращению в одну из разновидностей государственных предприятий» [7, с. 6].

КООПЕРАЦИЯ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Вполне очевидно, что добровольное и самоуправляемое объединение работников для организации своего труда предполагает другую этику производственных отношений, другое пространство свободы принятия решений. А это уже вторгается в политическую сферу советского догматического толкования марксизма. Здесь можно усмотреть и латентное развитие либерализма, а точнее, либерального социализма, что не оформлялось понятийно, но неявно, неотрафлексированно имело место в общественном развитии. Понимание этого мы находим в партийно выверенных комментариях научных сотрудников и работников идеологического фронта, разумеется, без политологического определения явления, которое в строгой доктрине советской экономики не могло существовать. В своём исследовании, посвящённом роли кооперации в экономике СССР, И. А. Евенко пишет: «Промысловая кооперация является формой добровольного хозяйственного объединения трудящихся, созданная для того, чтобы общими средствами производства и совместно организованным трудом вести общественное хозяйство»⁶.

О либеральном социализме впервые высказался итальянский историк и социалист по убеждениям К. Росселли, который писал, что «...социалисти-

⁶ Евенко И. А. Кооперативная промышленность СССР и её роль в производстве товаров народного потребления: стенограмма публичной лекции. М.: Знание, 1954. С. 4.

ческое движение – это конкретный наследник либерализма, носитель динамической идеи свободы, которая осуществляется в драматическом ходе истории. Либерализм и социализм, весьма далёкие от противостояния друг другу, как того хотела бы устаревшая полемика, связаны внутренними тесными отношениями. Либерализм – это идеальная вдохновляющая сила, социализм – практическая созидаящая сила» [16, р. 120–121].

Размышляя над книгой норвежского политолога Олы Иннсета «Открываем либерализм заново: политика, философия и политическая экономия раннего неолиберализма (1920–1947)» [19], В. А. Гуторов и А. А. Ширинянц отмечают, что «исходный момент, обозначивший в ретроспективном плане начало споров о “новом либерализме” (социальном либерализме – А. Д.), связан с модификацией программных установок австрийских социал-демократов в 1920-е гг.: одержав победу на выборах в органы местного самоуправления, руководство партии пыталось реализовать в ставшей “красной” Вене – столице Австрийской республики – идею “муниципального социализма”, в реализации которой, помимо самих социал-демократов, принимали активное участие коммунисты и социальные либералы» [4, с. 401].

Как известно, теоретики «либерального социализма» поддерживают смешанную экономику, которая включает в себя общественную собственность на капитальные материальные ценности. Можно констатировать, что либеральный социализм объединяет либеральные принципы с социализмом, поддерживает частично регулируемую рыночную экономику. «Цель кооперативов – не наибольшая прибыль, но наибольшая степень благосостояния членов кооператива: они не только не подчиняют человека капиталу, но, наоборот, ставят своей задачей избавить человека от такого подчинения» [17, с. 45–46], – утверждал известный экономист и социолог М. И. Туган-Барановский. Такой же точки зрения придерживается философ и религиозный мыслитель С. Л. Франк, по мысли которого истинная свобода человека включает в себя как политическую, так и экономическую свободы: «Если человек должен быть свободен и не может быть средством в руках другого человека, значит, морально недопустимы хозяйственная эксплуатация и социальные привилегии. Это и есть социализм. Другими словами, лозунги освобождения личности и демократизации общества, применённые к экономической жизни, образуют идею социализма. Отсюда должно было быть ясно, что социализм не предполагает подавления индивидуальности, так как его принципы, как и либерализма, и демократии, опираются на общую для них идею – идею самоценности личности»⁷. В этой связи Т. В. Кисельникова отмечает: «Можно сделать вывод, что часть российских либералов вполне осознанно разрабатывала пути дальнейшего развития социальной теории, защищающей лич-

⁷ Франк С. Л. Политика и идеи: (О программе «Полярной Звезды») // Франк С. Л. Сочинения. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 81.

ность, посредством синтеза принципов либерализма и социализма: индивидуальной свободы с социальной справедливостью» [12, с. 74].

Концептуальный взгляд на социальную теорию либерализма изложен в статье французского философа, теоретика культуры М. Канто-Спербер, в которой она предлагает новый взгляд на социализм как на реализацию идей либерализма. В своих рассуждениях она исходит из того, что «марксизм более не является философией социализма, (и тогда) встаёт вопрос: какой философией его заменить? ... Философия социализма – это либерализм. Либерализм недогматический и действительно открытый» [11, с. 5]; при этом подчёркивает, что к самому понятию относились с недоверием: «Либеральный социализм называли противоречием в терминах, оксюмороном или химерой, столь же мало правдоподобной, как козёл с оленьими рогами» [11, с. 5]. Автор утверждает, что понятие «социализм», которому незаслуженно приписывают негативный оттенок, может нести в себе позитивные коннотации. «Нельзя отрицать, – пишет философ, – что создание либеральной и социалистической партий в большинстве европейских традиций способствовало сильной поляризации демократических политических систем: социалисты слева, либералы справа. Кроме того, между социализмом и либерализмом, как кажется, проходит чёткий концептуальный разрыв в понимании как личности, так и общества ... Либерализм провозглашает автономию гражданского общества, защищает примат частной сферы и отвергает любое вмешательство государства в дела экономические и социальные ... Социализм, казалось бы, является полной противоположностью. Он критикует радикальный индивидуализм, настаивает на необходимости ограничивать свободу от государственного вмешательства и заботиться о всеобщем благосостоянии» [11, с. 6]. Характеризуя субстанциональную основу социализма, а также апеллируя к изменчивой семантике понятия «социальный либерализм» в соответствии с определённой системой ценностей социума, М. Канто-Спербер отмечает: «параметры вопроса меняются ... ответ на вопрос о совместимости либерализма с социализмом зависит от того, как мы определяем каждое из этих движений ... Существует две возможности: либо социализм и либерализм различны, но между ними нет логических противоречий и тогда возможно, чтобы они время от времени объединялись, например, для защиты принципов демократии. Либо, и это более радикальный тезис, социализм следует принимать как одну из интерпретаций либерализма. Такое определение отстаивает либеральный социализм» [11, с. 6–7].

Соглашаясь с французским мыслителем в принципиальной позиции и следуя представленной логике, можно сделать вывод о назревшей необходимости внимательного пересмотра нашего политологического аппарата, что потребует, в свою очередь, анализа исторических фактов беспристрастно. Вывод заставит нас иначе взглянуть на историческое прошлое и, возможно, увидеть в нём дальнейшую перспективу страны.

Применительно к советской эпохе можно констатировать, что периодически социализм и либерализм объединялись в силу объективных причин, связанных прежде всего с экономикой. Именно поэтому была взята за основу кооперация, синтезирующая в себе либеральную идеологию и социалистическую форму хозяйствования. Таким образом, в разные периоды истории Советской России под прикрытием официальной политической семантики о непримиримой борьбе социализма с «загнивающим капитализмом» шли процессы принятия разумных практических решений для конкретных экономических задач, сопряжённые с медленной либерализацией производства. Однако идеология «вымораживала» ростки реального развития позитивных экономических процессов. Кооперация в этом смысле выступала как пример зафиксированной «новой этики» с глубинными признаками возможности выхода в политическое пространство. Разумеется, для формирования обозначенного явления необходимо было время и хотя бы постепенная, но отмена идеологически окостеневшего политологического аппарата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретические проблемы либерального социализма постепенно организовывали политологическую повестку не только в мире, но и в стране. Стоящие крупномасштабные задачи выработки путей развития как в идеологической, так и экономической сферах заставляли задуматься о стиле управления. Проведённое исследование позволяет предположить, что в экономике СССР, где превалировала государственная собственность на средства производства, возникали сферы, в которых устанавливался демократический стиль управления в лице производственных и потребительских кооперативов. Могло ли это со временем поколебать идеологическую природу страны, сказать трудно. Условно говоря, на вопрос, состоялась ли бы «оттепель» без XX съезда КПСС (14–25 апреля 1956 г.), однозначного ответа нет. Но ростки либерализации всей системы вызревали в разных областях общественной жизни, в первую очередь в экономике, ведь страна только что за счёт внутренних сил, энергии и жертвенности народа победила в страшной войне. Внутренние ресурсы при всех потерях и усталости населения были огромны.

К концу XX столетия произошло постепенное наращивание позитивных тенденций, которые толкнули маятник истории России от консерватизма, приведшего к «эпохе застоя» в СССР, в сторону либерализма. Реформы середины 80-х гг., получившие название «Перестройка», стали новой идеологией советской партийной номенклатуры. Они повлекли за собой демократизацию социально-политического и экономического курсов страны. Кооперативы вновь стали востребованными. Они по-прежнему продолжают играть важную роль в России и во всём мире, «способствуя системной сбалансиро-

ванности интересов различных участников производства, формируя ядро “экономики солидарности”» [5, с. 123].

Идеи коллективизма и солидарности, которые составляли основу социалистической теории, всегда были и будут неотъемлемой частью российского менталитета. По мнению Т. В. Кисельниковой, «изъятие социалистических идей из российской культуры, в которой они глубоко укоренены, обедняет и деформирует саму культуру» [12, с. 71]. Аналогичны и рассуждения российского социолога Ф. Э. Шереги, по мысли которого «в России вряд ли когда-нибудь произойдёт освобождение от чувства социальной общности, поскольку для россиян это равнозначно отказу от своей “духовной плоти” и формирующей её системы морали. По той же причине очень трудно реализовать в наших условиях модель капитализма “классического” (американского) типа. Для страны более приемлем государственный капитализм» [18, с. 715–716]. Это связано, скорее всего, с особенностью менталитета россиян. Как отмечают в совместной статье В. Г. Егоров и А. В. Абрамов, «российские исследователи фиксируют любопытный феномен общественного сознания россиян, определяемый учёными как когнитивный диссонанс: среднестатистический россиянин уверен в необходимости глубокого вмешательства государства в экономику, но при этом не доверяет государственным и политическим институтам. Очевидно, что россияне являются приверженцами самой идеи государственного порядка как такового, но их решительно не устраивает та форма, в которую этот порядок облекается» [6, с. 61–62]. Им вторит другой исследователь А. В. Головченко, по мысли которого «ситуация сегодня в России сложилась специфическая. Никто явно не отказывается от ценностей и институтов либеральной демократии, от либеральных основ права и экономики. Но при этом не так много тех, кто прямо считает либеральную технологию модернизации политики, экономики и права неперспективной для нашей страны» [3, с. 6].

В заключение можно констатировать, что социализм, установившийся в Советской России, по сути был либеральным, несмотря на перегибы в разные периоды его почти вековой истории. Остаётся только сожалеть о том, что взвешенный подход в оценке социализма, претендовавшего на установление нового идеала общественного устройства, заключался в обобществлении средств производства и огосударствлении экономики, а не в разумном сочетании частного и общественного интересов. Возможно, это позволило бы избежать «застоя» экономики и политических потрясений 1990-х гг., приведших к громадным негативным и даже трагическим последствиям для страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билимович А. Д. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005. 190 с.

2. Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 108–122.
3. Головченко А. В. Моральные инверсии современного российского либерализма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 10.11.2021).
4. Гуторов В. А., Ширинянц А. А. О новом «историческом прочтении» либеральной традиции // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 398–406.
5. Дементьев В. Е., Хабибуллин Р. И. Коллективные предприятия: анализ зарубежного опыта // Россия и современный мир. 2016. № 2 (91). С. 123–135.
6. Егоров В. Г., Абрамов А. В. Аксиологический контекст политической модернизации России // Инновации и инвестиции. 2014. № 9. С. 57–63.
7. Егоров В. Г. Место и роль кооперации в рыночной экономике (теоретический анализ): дис. ... докт. экон. наук. М., 2014. 620 с.
8. Ефременко Д. В. Нормальная катастрофа: ещё раз об исторических развилках 1980–1990-х годов // Россия и современный мир. 2014. № 2 (83). С. 58–80.
9. Кабанов В. В. Судьбы кооперации в Советской России: проблемы, историография // Судьбы российского крестьянства / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 212–248.
10. Канакина В. А. Развитие кооперации в России // Молодой учёный. 2014. № 21 (80). С. 322–326.
11. Канто-Спербер М. Философия либерального социализма // Неприкосновенный запас. 2004. № 6 (38). С. 5–22.
12. Кисельникова Т. В. Либеральный социализм (к истории вопроса) // Вестник томского государственного университета. 2003. № 276. С. 71–76.
13. Кочкарова З. Р. Исторический опыт развития кооперации в 20–40 гг. XX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2008. № 1. С. 12–18.
14. Лубков А. В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. 272 с.
15. Пасс А. А., Рыжий П. А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5 (37). С. 114–122.
16. Росселли К. Либеральный социализм. Рим: MONDO OPERAIO, 1989. 179 с.
17. Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989. 495 с.

18. Шереги Ф. Э. Идеологические предпочтения россиян // Вестник Российской академии наук. 1999. Т 69. № 8. С. 714–721.
19. Innset O. Reinventing Liberalism: The Politics, Philosophy and Economics of Early Neoliberalism (1920–1947). Cham: Springer, 2020. 196 p.

REFERENCES

1. Bilimovich A. D. *Kooperatsiya v Rossii do, vo vremya i posle bol'shevikov* [Cooperation in Russia before, during and after the Bolsheviks]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 190 p.
2. Vilkov A. A., Shestov N. I., Abramov A. V. [Social demand for the future of Russia within political projects and mass political consciousness]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd state university. Series 4. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 108–122.
3. Golovchenko A. V. [Moral inversions of contemporary Russian liberalism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2017, no. 3. Available at: <https://www.evestnik-mgou.ru> (accessed: 10.11.2021).
4. Gutorov V. A., Shirinyants A. A. [On the new "historical reading" of the liberal tradition]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2021, no. 74, pp. 398–406.
5. Dementiev V. E., Habibullin R. I. [Collective enterprise: an analysis of foreign experience]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2016, no. 2 (91), pp. 123–135.
6. Egorov V. G., Abramov A. V. [Axiological Context of Russia's Political Modernization]. In: *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2014, no. 9, pp. 57–63.
7. Egorov V. G. *Mesto i rol' kooperatsii v rynochnoi ekonomike (teoreticheskii analiz): dis. ... dokt. ekon. nauk* [The place and role of cooperation in a market economy (theoretical analysis): Dr. Sci. thesis in Economic sciences]. Moscow, 2014. 620 p.
8. Efremenko D. V. [Normal catastrophe: once again about the historical forks in the 1980s–1990s]. In: *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2014, no. 2 (83), pp. 58–80.
9. Kabanov V. V. [The fate of cooperation in Soviet Russia: problems, historiography]. In: Afanasyev Yu. N., ed. *Sud'by rossiiskogo krest'yanstva* [The fate of the Russian peasantry]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1995, pp. 212–248.
10. Kanakina V. A. [Development of cooperation in Russia]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2014, no. 21 (80), pp. 322–326.
11. Canto-Sperber M. [Philosophy of liberal socialism]. In: *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency ration], 2004, no. 6 (38), pp. 5–22.
12. Kiselnikova T. V. [Liberal socialism (to the history of the issue)]. In: *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university bulletin], 2003, no. 276, pp. 71–76.

13. Kochkarova Z. R. [Historical experience of the development of cooperation in the 20–40s 20th century]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 2008, no. 1, pp. 12–18.
14. Lubkov A. V. *Solidarnaya ekonomika. Kooperativnaya modernizatsiya Rossii (1907–1914 gg.)* [Solidarity economy. Cooperative Modernization of Russia (1907–1914)]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2019. 272 p.
15. Pass A. A., Ryzhii P. A. [Nationalization of industrial co-operation in the Soviet Union in the second half of the 1950s: causes and consequences]. In: *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2012, no. 5 (37), pp. 114–122.
16. Rosselli C. Socialismo liberale (Rus. ed.: *Liberal'nyi sotsializm*. Rome, MONDO OPERAIO Publ., 1989. 179 p.).
17. Tugan-Baranovskii M. I. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social foundations of cooperation]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 495 p.
18. Sheregi F. E. [Ideological preferences of Russians]. In: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1999, vol. 69, no. 8, pp. 714–721.
19. Innset O. Reinventing Liberalism: The Politics, Philosophy and Economics of Early Neoliberalism (1920–1947). Cham, Springer, 2020. 196 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.11.2021

Статья размещена на сайте: 29.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денильханов Асланбек Хаважович – кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член коллегии Адвокатской палаты г. Москвы; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

Aslanbek K. Denilkanov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Philosophy of Language and Communication, Lomonosov Moscow State University; Lomonosov MSU Business School; Member of the Board, Moscow Bar Association; e-mail: aslanbekk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Денильханов А. Х. Кооперация в контексте либерального социализма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Denilkanov A. K. Cooperation in the context of liberal socialism. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.51

Ежов Д. А.

Финансовый университет при Правительстве РФ
125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

ХАЙП-ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА В НОВОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ актуальных тенденций формирования федеральной новостной повестки с использованием хайп-технологий.

Процедура и методы. Исследование основано на коммуникативном подходе, используются методы наблюдения, традиционного анализа документов и кейс-стади.

Результаты. На основе анализа конкретной ситуации выявлены эффекты применения хайп-технологий в конструировании политического контента. Установлено, что присутствие политических и государственных деятелей в роли героев информационных сюжетов обуславливает приобретение ими политической окраски, что наиболее рельефно становится выражено под воздействием хайп-технологий, генерирующих репутационные риски.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в научно-преподавательской деятельности в ходе рассмотрения технологий создания политического контента в современных медиа, а также в работе политических технологов и журналистов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

хайп-технологии, медийный ажиотаж, средства массовой информации, интернет-мемы, политический контент, репутационные риски, новостная повестка

СТРУКТУРА

Введение

Создание политического контента с помощью хайпа: анализ кейса

Эффекты применения хайп-технологий в условиях новой медиареальности

Заключение

D. Ezhov

Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy pr. 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

TECHNOLOGIES OF HYPE AS A TOOL FOR CREATING POLITICAL CONTENT IN A NEW MEDIA REALITY

ABSTRACT

Aim. To analyze current trends in the formation of the federal news agenda using technologies of hype.

Methodology. The study is based on a communicative approach. Methods of observation, traditional analysis of documents and case studies were used.

Results. Based on the analysis of a specific situation, the effects of using technologies of hype in the construction of political content in media were revealed. It has been established that the presence of politicians and public officials as characters of the news stories contributes to their politicization, which becomes most emphasized under the influence of hype technologies generating reputational risks.

Research implications. The results of the research can be used in academic and teaching activities addressing the technologies for creating political content in modern media, as well as in the work of political technologists and journalists.

KEYWORDS

technologies of hype, media hype, mass media, Internet-memes, political content, reputational risks, news agenda

ВВЕДЕНИЕ

В условиях возрастающей степени влияния средств массовой информации на протекание политических процессов всё более значимым становится изучение непосредственных инструментов конструирования политического контента. Значимой характеристикой формируемой медиареальности является создание медийного ажиотажа вокруг событий, в которых тем или иным образом задействованы политические и государственные деятели. Фактическим результатом становятся централизация сюжета в информационной повестке и её политизация [3]. При этом последнее в наибольшей степени характерно для случаев, когда природа освещаемого события не является собственно политической и ожидаемый эффект создаётся преимущественно за счёт стилистики подачи материала средствами массовой информации и статуса героев информационных сюжетов, что непосредственным образом позиционирует новую медиареальность.

Альтернативным наименованием технологий создания медийного ажиотажа являются «хайп-технологии» [2]. Первоначально слово «хайп»¹ распространялось в молодёжном сленге, однако, учитывая интерес учёных-исследователей к данному феномену, материализовавшемуся в ряде публикаций [4; 5; 7], можно констатировать факт введения термина «хайп» в понятийный аппарат науки. Объектом исследовательского внимания в рамках предлагаемой статьи являются хайп-технологии в контексте их проникновения в процесс продуцирования политического контента; в качестве предмета выступают актуальные тенденции создания политического контента и эффекты от его генерации в условиях новой медиареальности, характеризующейся значительной степенью распространения хайп-технологий. Рабочая гипотеза сводится к предположению, что придание информационным сюжетам эффекта политизации посредством использования хайп-технологий может приводить к различным последствиям для героев информационной повестки, вплоть до негативных в отношении их политической карьеры.

¹ hype (англ.) – шумиха.

В научных исследованиях хайп рассматривается в качестве нового тренда современного коммуникационного пространства [5]. Среди социальных precedентов, получивших статус хайпа, нашли отражение в литературе появление Ю. Дудя и его интервьюирование В. Познера [4], рэп-баттл Oxxxymiron vs Dizaster [4], участие К. Собчак в качестве кандидата в выборах Президента РФ в 2018 г. [4]. Характерным примером предвыборного хайпа стало обещание сбрить усы кандидатом в Президенты РФ от КПРФ П. Грудининым, данное и выполненное им в 2018 г. [2]. В качестве кейса, демонстрирующего инклюзивность хайпа и его технологический потенциал трансформировать внешне нейтральные информационные поводы в политический контент за счёт интеграции в обсуждение сюжетов соответствующих ньюсмейкеров и лидеров мнения, следует рассматривать ситуацию с установкой и последующим демонтажем памятника Алёнке в городе Нововоронеж Воронежской области [3]. Принимая во внимание, что использование хайп-контента является актуальным трендом медиасреды наряду с распространением мемов и различных фейков [6], представляется очевидным, что хайп-технологии в системе инструментов создания политического контента в условиях новой медиареальности занимают одно из центральных мест. При этом особое внимание в литературе уделяется значению контента комического характера, распространение которого в наибольшей степени характерно для интернет-среды [8]. В контексте оценки политико-технологического эффекта хайпа и его вирусного распространения посредством потенциала интернета представляется оправданным включение в состав теоретической базы исследования работ, в которых раскрывается влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы [1; 9] в условиях новой медиареальности.

СОЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА С ПОМОЩЬЮ ХАЙПА: АНАЛИЗ КЕЙСА

В большинстве случаев поводами для генерации хайпа являются фразы и действия, произносимые и совершаемые героями потенциальных сюжетов, или события, участниками которых они являются. Поскольку наш исследовательский интерес лежит в области создания политического контента посредством хайп-технологий, обратимся к анализу конкретного кейса с участием политических деятелей, ставшего предметом медийного ажиотажа.

Одним из наиболее громких подобных случаев за последнее время стала информационная кампания, развернувшаяся вокруг задержания в Лысогорском районе Саратовской области депутата Государственной думы РФ от КПРФ В. Рашкина с разделанной тушей лося в багажнике автомобиля. В ночь с 28 на 29 октября 2021 г. транспортное средство под управлением В. Рашкина было остановлено представителями органов правопорядка. В машине, помимо туши лося, были обнаружены инструменты для разделки со следами крови. Со слов самого депутата, он приехал погостить к друзьям в Саратов-

скую область и в день инцидента во время ночной прогулки по лесу нашёл практически уже разделанную тушу убитого животного, после чего вернулся к своим товарищам и предложил отвезти находку в полицию, куда и направился в компании одного из своих знакомых. На вопрос правоохранителей о происхождении инструментов для разделки депутат дал ответ, что нашёл их в лесу вместе с тушей. Следует отметить, что, согласно имеющимся официальным данным, В. Рашкин в момент задержания отказался от медицинского освидетельствования на предмет наличия алкогольного опьянения². Подключение к информационному освещению темы федеральных медиа спровоцировало возникновение хайпа, что делает выбор соответствующего кейса для анализа в контексте настоящего исследования оправданным.

Примечательно, что новость о случившемся с В. Рашкиным не только оперативно распространилась средствами массовой информации и активно обсуждалась в социальных сетях, но и стала одним из сюжетов новостной федеральной повестки на несколько месяцев вперёд, достаточно быстро приобретая политическую окраску с учётом фактора статуса главного героя. Тема задержания действующего депутата от крупнейшей оппозиционной партии мгновенно стала поводом для многочисленных политических спекуляций. Так, отдельные представители КПРФ были склонны рассматривать инцидент с В. Рашкиным как «грандиозную провокацию»³, считая, что депутат задержан незаконно. По факту выхода новости со стороны партии можно было наблюдать склонность к отрицанию произошедшего. Так, пресс-секретарь лидера КПРФ А. Ющенко заявил следующее: «Пока ничего не известно. Какая может быть реакция на опубликование какого-то телеграм-канала⁴ Mash? Это сегодняшние кадры, вчерашние? Задержали его? Что ему предъявляют? У нас пока нет информации»⁵. Подобные заявления явно демонстрируют низкую степень доверия к телеграм-каналам как источникам достоверных сведений, через которые первоначально распространилась информация о событии, являющемся предметом настоящего исследования. В то же время нельзя отрицать вероятность попытки со стороны пресс-службы КПРФ не афишировать случившегося в целях минимизации репутационных потерь для партии. В этих условиях представляется характерным, что для источников новостных

² Ахтырко А. «Можете присесть, Валерий». За что задержали коммуниста Рашкина // Газета.ru. [29.10.2021]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/10/29/14147683.shtml> (дата обращения: 12.01.2022).

³ «Грандиозная провокация». Представитель КПРФ и юристы – о причастности Рашкина к охоте на лося // Секрет фирмы : [сайт]. [29.10.2021]. URL: <https://secretmag.ru/news/grandioznaya-provokaciya-predstavitel-kprf-i-yuristy-o-prichastnosti-rashkina-k-okhote-na-losya-29-10-2021.htm> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Здесь и далее – инструмент социальной сети «Telegram» (прим. ред.).

⁵ В КПРФ прокомментировали задержание Рашкина с убитым лосем // News.ru. [29.10.2021]. URL: <https://news.ru/society/v-okruzhenii-rashkina-nazvali-syurprizom-zaderzhanie-deputata-s-myortvym-losem> (дата обращения: 12.01.2022).

порталов в КПРФ инцидент и вовсе стал сюрпризом, поскольку «Рашкин никогда не увлекался охотой, это очередная атака на него»⁶.

Заметим, что подобные предположения могли возыметь эффект в период предвыборной борьбы, да и вряд ли они выглядели бы обоснованными в конкретной ситуации, когда все факты налицо. Впрочем, принимая во внимание логику представителей КПРФ, увидевших в произошедшем атаку со стороны политических оппонентов, предположим, что, делая подобные заявления, они могли руководствоваться сложившейся скандальной репутацией В. Рашкина как публичного политика. Так, общеизвестны факты поддержки с его стороны акций и проектов внесённого Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов А. Навального⁷. На фоне пандемии коронавируса COVID-19 В. Рашкин обнародовал свою позицию антипрививочника. В частности, он являлся организатором проводившегося под видом встречи с депутатом митинга противников вакцинации, на котором к нему пытался прорваться впоследствии задержанный участник мероприятия, одетый в костюм Чебурашки с ящиком апельсина⁸. Примечательно, что митинг проходил в июне 2021 г., как раз во время кампании по выборам депутатов Государственной думы РФ восьмого созыва. В контексте обсуждения истинного происхождения инцидента на охоте прозвучали предположения со стороны экспертов и представителей различных политических сил, сводившиеся к тому, что за обвинением В. Рашкина в незаконной охоте на лося могли стоять его оппоненты в рамках внутрипартийной борьбы за лидерство на случай смены председателя КПРФ Г. Зюганова. В частности, близкой по содержанию позиции придерживается политолог С. Марков, выдвигая одну из версий в рамках экспертной оценки произошедшего⁹.

В итоге представителям КПРФ участие В. Рашкина в незаконной охоте пришлось признать, а раскрутка в средствах массовой информации темы инцидента с депутатом получила своё продолжение. Из-за широкого общественного резонанса дело было передано в Следственный комитет России. По мере того, как ажиотаж вокруг сюжета стал набирать обороты, его содержательная составляющая обрастала новыми подробностями, вступающими в противоречие с первоначальной версией инцидента. По прошествии более чем двух недель после события, спустя буквально несколько часов после того, как Генеральная прокуратура РФ попросила депутатов лишить В. Раш-

⁶ В КПРФ прокомментировали задержание Рашкина с убитым лосем // News.ru. [29.10.2021]. URL: <https://news.ru/society/v-okruzhenii-rashkina-nazvali-syurprizom-zaderzhanie-deputata-s-myortvym-losem> (дата обращения: 12.01.2022).

⁷ «Рандеву» Навального с Рашкиным подтверждает связь блогера с коммунистами // Политэксперт : [сайт]. [07.11.2019]. URL: <https://politexpert.net/172274-randevu-navalnogo-s-rashkinym-podtvzhdet-svyaz-blogera-s-kommunistami> (дата обращения: 12.01.2022).

⁸ Человека в костюме Чебурашки задержали на митинге антипрививочников в Москве // НТВ. Ru. [26.06.2021]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2571161> (дата обращения: 12.01.2022).

⁹ Рашкин и лось: Марков озвучил необычные версии происшествя // Русская весна : [сайт]. [30.10.2021]. URL: <https://rusvesna.su/news/1635536768> (дата обращения: 12.01.2022).

кина неприкосновенности, он выпустил на своём Youtube-канале видео, в котором признался в факте убийства лося, отказавшись от выдвинутой первоначальной версии о своей любви к ночным прогулкам по лесу, таким образом признавшись в незаконной охоте¹⁰. Именно в опубликованном видео В. Рашкин отметил, что по лесу «гулял» с тепловизором и выстрелил в сторону силуэта парнокопытного, внешне похожего на крупного кабана. Обнаружив в принятом им за кабана убитого лося, депутат разделал тушу, а один из товарищей помог ему убрать её в багажник автомобиля. При этом непосредственный участник инцидента уточнил, что стал жертвой обстоятельств, не владея информацией о запрете охоты в данном месте, ссылаясь на информацию об обратном, полученную во время застолья с друзьями. Между тем, согласно экспертному мнению егеря Н. Данилина, прокомментировавшего соответствующий эпизод в средствах массовой информации, функциональные возможности тепловизора вполне позволяют отличить лося от кабана¹¹.

25 ноября 2021 г. по представлению Генерального прокурора РФ депутаты нижней палаты российского парламента проголосовали за лишение неприкосновенности своего коллеги. Фактическим основанием для соответствующего представления, со слов Генерального прокурора РФ И. Краснова, стали «неуклюжие попытки ввести в заблуждение органы правопорядка, да и не только их относительно обстоятельств обнаружения в багажнике его автомобиля туши животного»¹². Им также был сделан акцент на том, что «этот без преувеличения позор»¹³ стал известен благодаря средствам массовой информации. Таким образом, незаконная охота на лося закончилась для депутата уголовным делом. Реконструируя биографию В. Рашкина как публичного политика, отметим, что анализируемый нами кейс является далеко не единственным фактом, демонстрирующим любовь депутата к живой природе. Так, по иронии судьбы, в 2019 г. он активно выступал в защиту национального парка «Лосиный остров»¹⁴.

ЭФФЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ХАЙП-ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

В продолжение анализа кейса обратимся к комплексной оценке вызванных им эффектов. Случай освещения инцидента с В. Рашкиным в средствах массовой информации является примером пролонгированного и многоэтапного

¹⁰ Рашкин признался в убийстве лося // РБК : [сайт]. [18.11.2021]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/11/2021/6195b4369a7947863c79b6a2> (дата обращения: 12.01.2022).

¹¹ Что теперь ждет лосеубийцу Рашкина // Вести.Ru. [25.11.2021]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2644465> (дата обращения: 12.01.2022).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Валерий Рашкин в Твиттере: ЗА спасение общенационального достояния Национального парка «Лосиный остров»; ПРОТИВ правового, градостроительного и экологического беспредела. Власти пытаются изъять часть парка для строительства дорог // Twitter : [сайт]. URL: <https://twitter.com/rashkinv/status/1129720702712647680> (дата обращения: 12.01.2022).

хайпа, который в результате имел для его фигуранта последствия, фактически стоившие ему депутатской неприкосновенности. Выдвинутый тезис о пролонгированном и многоэтапном характере хайпа объясняется его «медийным перехватом» в популярных телепрограммах и социальных сетях, что способствовало трансформации сюжета в объект шуток, мемов, различных видов народного творчества, демонстрируя общественную реакцию на событие и являясь следствием внимания к теме со стороны федеральных новостных медиа.

1 ноября 2021 г. в эфире программы «Вечерний Ургант» её ведущий И. Ургант, упомянув об инциденте с депутатом, выдвинул версию о самоубийстве лося. Согласно сделанному предположению, не голосовавший за КПРФ лось, увидев В. Рашкина, мог застрелиться из-за стыда. В эфире от 19 ноября И. Ургант в свойственной ему манере прокомментировал чистосердечное признание В. Рашкина в убийстве лося и подверг его сценической реконструкции, сделав акцент на построении речи депутата, соответствующей, по мнению ведущего, стилистике классических детских рассказов о животных.

Если интеграция политического контента в интерпретацию сюжета И. Ургантом имеет исключительно развлекательный контекст, то в стихотворении, написанном на смерть лося поэтом В. Емелиным, прослеживается крайне политизированное содержание. Автор стихотворения в аллегорической форме переносит на себя образ лося, застреленного В. Рашкиным, проводя обличительные аналогии между браконьерами и народными избранниками¹⁵.

Пользователи социальных сетей также не обошли стороной убийство лося депутатом. Так, получила широкое распространение художественная вариация в стиле советского агитационного плаката, названная «Памяткой нетрезвому охотнику» и содержащая изображения лося и кабана с соответствующими пояснениями («Кабан не лось!», «Лось не кабан!») (рис. 1)¹⁶.

В этом же контексте исследовательский интерес может представлять мем¹⁷ в твиттер-аккаунте Князь Ковбасы (@Knyz_Kovbas) с изображением гибрида лося и кабана, сопровождаемым надписью: «А Рашкин выйдет?» (рис. 2)¹⁸.

¹⁵ Цит. по: Рудина А. «Лось-provokator». Соцсети о туше лося в багажнике депутата Рашкина // Радио Свобода : [сайт]. [01.11.2021]. URL: <https://www.svoboda.org/a/losj-provokator-sotsseti-otushe-losya-v-bagazhnik-deputata-rashkina/31538399.html> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁶ Цит. по: Лучшие шутки и мемы про депутата Рашкина, который целился в кабана, а попал в лося // MAXIM : [сайт]. [19.11.2021]. URL: <https://www.maximonline.ru/humor/luchshie-shutki-i-memy-pro-deputata-rashkina-kotoryi-celilsya-v-kabana-a-podstreilil-losya-id693069> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁷ Мем (англ. *memе*) – информация в той или иной форме (медиаобъект, т. е. объект, создаваемый электронными средствами коммуникации), как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в интернете разнообразными способами (прим. ред.).

¹⁸ Цит. по: Лучшие шутки и мемы про депутата Рашкина, который целился в кабана, а попал в лося // MAXIM : [сайт]. [19.11.2021]. URL: <https://www.maximonline.ru/humor/luchshie-shutki-i-memy-pro-deputata-rashkina-kotoryi-celilsya-v-kabana-a-podstreilil-losya-id693069> (дата обращения: 12.01.2022).

Рис. 1 / Fig. 1. Памятка нетрезвому охотнику / Memo to a drunk hunter

Источник: Лучшие шутки и мемы про депутата Рашкина, который целился в кабана, а попал в лося // MAXIM : [сайт]. [19.11.2021]. URL: <https://www.maximonline.ru/humor/luchshie-shutki-i-memy-pro-deputata-rashkina-kotoryi-celilsya-v-kabana-a-podstretil-losya-id693069> (дата обращения: 12.01.2022).

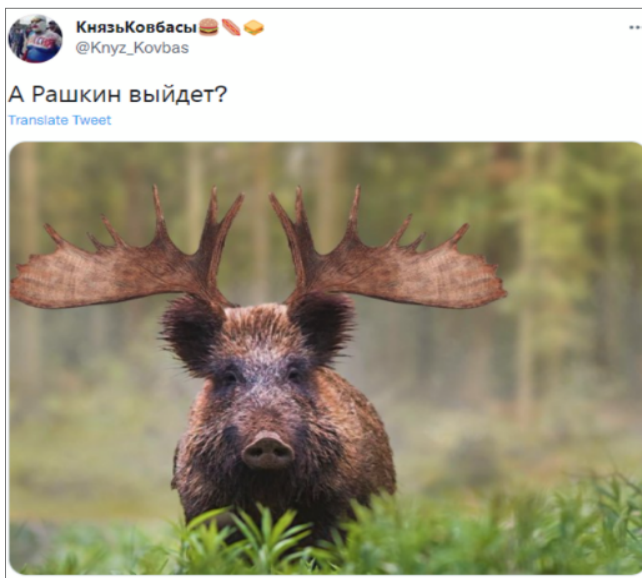

Рис. 2 / Fig. 2. Мем «А Рашкин выйдет?» / Meme “Will Rashkin come out?”

Источник: Лучшие шутки и мемы про депутата Рашкина, который целился в кабана, а попал в лося // MAXIM : [сайт]. [19.11.2021]. URL: <https://www.maximonline.ru/humor/luchshie-shutki-i-memy-pro-deputata-rashkina-kotoryi-celilsya-v-kabana-a-podstretil-losya-id693069> (дата обращения: 12.01.2022).

Появление шуток и мемов мы можем расценивать в качестве эффекта пролонгированного и многоэтапного хайпа. В частности, блогер Корефан (@dabkor) публикацию фото В. Рашкина и кабана сопровождает надписью¹⁹: «Рашкин не виноват, заявил проходящий по делу кабан. Он охотился на меня, а тут приперся пьяный лось и прям подлез под пулю...» (рис. 3)²⁰.

Рис. 3 / Fig. 3. Мем «Рашкин не виноват...» / Meme “Rashkin is not the one to blame...”

Источник: Лучшие шутки и мемы про депутата Рашкина, который целился в кабана, а попал в лося // MAXIM : [сайт]. [19.11.2021]. URL: <https://www.maximonline.ru/humor/luchshie-shutki-i-memy-pro-deputata-rashkina-kotoryi-celilsya-v-kabana-a-podstrelil-losya-id693069> (дата обращения: 12.01.2022).

В качестве свидетелей инцидента в твите²¹ Евгении Твардовской (@EvgeniaTvar) выступают «зайчики и белочки»²², подтверждающие случайность убийства Рашкиным лося. Как мы видим, значительная часть мемов и комментариев в социальных сетях в содержательном отношении сосредоточена вокруг факта «возникновения путаницы» между лосем и кабаном, зафиксированного в воображении депутата В. Рашкина. Однако в интернете находят отражение и другие элементы кейса, словесное воплощение которых остро политизировано. Например, в твиттер-аккаунте Хроника деградации (@sergeenko_i) опубликовано четверостишие, апеллирующее к партий-

¹⁹ Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены (прим. ред.).

²⁰ Там же.

²¹ Твит – текстовое сообщение длиной до 140 символов в социальной сети «Twitter» (прим. ред.).

²² Там же.

ной принадлежности В. Рашкина: «Зачем убил Валерий лось? / Он не хотел, ему пришлось. / Вокруг палатки лось скакал / и громко Ленина ругал»²³. В твиттер-аккаунте Бездомная национальность (@Lndcalling) выдвигается версия, что «Рашкин убил лось, приняв его за солдата НАТО»²⁴. Таким образом, можно утверждать факт явной политизации сюжета пользователями социальных сетей.

Пролонгированный эффект хайпа в случае кейса с депутатом В. Рашкиным нашёл воплощение в формировании аналогий, заполнивших информационное и интернет-пространство. Так, в декабре 2021 г. региональное отделение партии «Единая Россия» в Ростовской области исключило из своих рядов депутата Поляковского сельского поселения Неклиновского района В. Латышева, который попал на запись оперативной съёмки, когда предлагал подчинённым экономить на еде для детей-сирот и давать котлеты только в день приезда представителей проверяющих инстанций²⁵. Комментируя произошедшее, депутат Государственной думы РФ А. Хинштейн назвал бывшего коллегу по партии «котлесосом»²⁶, а пользователи интернета окрестили В. Латышева «донским Рашкиным», поводом для чего послужили фотографии с охоты, на которых ростовский депутат был запечатлён на фоне убитого животного²⁷.

В целом в ходе анализа кейса выявлена тенденция к расширению географии распространения хайпа за счёт федерального масштаба инцидента. Дополнительным аргументом является факт появления мема с участием лось из посёлка Караваево Костромской области²⁸, которым сопровождались сообщения средств массовой информации о неявке В. Рашкина в суд по причине болезни в феврале 2022 г. В упомянутом меме, сопровождаемом подписью «Вы Рашкина не видели?», лось, стоя на дороге, заглядывает в окно маршрутки. Таким образом, костромской лось стал героем федеральной повестки²⁹.

²³ Твит – текстовое сообщение длиной до 140 символов в социальной сети «Twitter» (прим. ред.).

²⁴ Там же.

²⁵ «Давайте добавим дешёвый пирожок». Как депутат с Дона хотел сэкономить на детях и попал на видео // 161.ru – Ростов-на-Дону онлайн. [09.12.2021]. URL: <https://161.ru/text/criminal/2021/12/09/70306754> (дата обращения 12.01.2022).

²⁶ Эрзбек Д. «Таких “котлесосов” к ним подпускать нельзя»: Хинштейн заявил о том, что экономившего на детях депутата исключат из «Единой России» // Daily Storm : [сайт]. [09.12.2021]. URL: <https://dailystorm.ru/news/takih-kotlesosov-k-nim-podpuskat-nelzya-hinshteyn-zayavil-ekonomivshego-na-detyah-deputata-isklyuchat-iz-edinoj-rossii> (дата обращения: 12.01.2022).

²⁷ Банишевская Ю. Донской Рашкин. Депутата Латышева выгнали из «Единой России» за скандал с котлетами для детей-сирот // Царьград : [сайт]. [14.12.2021]. URL: https://tsargrad.tv/articles/donskoj-rashkin-deputata-latysheva-vygnali-iz-edinoj-rossii-za-skandal-s-kotletami-dlja-detej-sirot-2_462556 (дата обращения: 12.01.2022).

²⁸ Лось под Костромой вышел в свет и заставил горожан перекреститься // KOSTROMA. TODAY – Первый региональный портал. [03.12.2021]. URL: <https://kostroma.today/news/los-pod-kostromoj-vyshel-v-svet-i-zastavil-gorozhan-perekrestitsya> (дата обращения: 12.01.2022).

²⁹ Лось из посёлка Караваево в результате «дела Рашкина» стал интернет-мемом // МК.RU – Кострома : [сайт]. [11.02.2022]. URL: <https://kostroma.mk.ru/social/2022/02/11/los-iz-poselka-karavaevo-v-rezultate-dela-rashkina-stal-internetmemom.html> (дата обращения: 12.01.2022).

Заметим, что из политических и государственных деятелей В. Рашкин становится не первой жертвой хайпа. Например, в похожей ситуации в 2018 г. оказалась министр труда, занятости и миграции Саратовской области Н. Соколова, посоветовавшая в целях обеспечения возможности жить в течение месяца на прожиточный минимум в размере 3500 рублей «есть макаронки», потому что они «стоят одинаково», после чего лишилась занимаемой должности³⁰. Последствия стрим-трансляции беседы министра с депутатами стали классическим примером репутационного эффекта хайпа. Примечательно, что в преддверие этого в ответ на предложение не менять стоимости потребительской корзины до 2020 г., оставив её на уровне 3500 рублей, один из саратовских депутатов вступил с министром в публичную полемику, пояснив, что «питание ослика из ленинградского зоопарка стоит 10 600 рублей в месяц, хоряка – 2 700»³¹.

В то же время в целях объективности обратим внимание на то, что неосторожные действия и неуместные высказывания политиков не всегда становятся роковыми для лиц, с которыми они ассоциируются. Так, в декабре 2021 г. саратовский депутат-единоросс Ю. Литневская, выступая на заседании областной думы, посвятила коллегам из фракции КПРФ стихотворение В. Гафта «Муха Москвы», фактически сравнив коммунистов с «навозными мухами», и пожелала стать им «пчёлами»³². Информация об имевшем место факте распространилась по интернету, однако не вызвала значительного интереса со стороны аудитории и не повлекла ощутимых имиджевых последствий. Полагаем, в данном случае как таковой хайп оказался несостоявшимся ввиду отсутствия тенденции к его развёртыванию и дальнейшей пролонгации за счёт фактора локальности события. Таким образом, приведённый пример следует рассматривать в качестве проявления несостоявшегося хайпа, несмотря на наличие для этого внешних предпосылок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведённого исследования сделаны следующие выводы.

Представляется очевидным, что объём и скорость распространения информации в современных медиа настолько беспрецедентны, что любая оплошность публичного лица потенциально способна спровоцировать медийный ажиотаж. В наиболее уязвимом положении находятся политические и государственные деятели, т. к. потенциальный хайп на их поступках и вы-

³⁰ Чиновница посоветовала народу «есть макаронки» и держать пост // Комсомольская правда : [сайт]. [14.10.2018]. URL: <https://www.kp.ru/daily/26894/7/3938247> (дата обращения: 12.01.2022).

³¹ Там же.

³² Демидов А. Российский депутат сравнила коллег с навозными мухами // Газета.Ru : [сайт]. [15.12.2021]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/12/15/n_17016943.shtml (дата обращения: 12.01.2022).

сказываниях, несоответствующих общепринятым в социуме нормам, создаёт значительные репутационные риски для дальнейшей карьеры.

По причине интеграции в ретранслируемые сюжеты политических и государственных деятелей в роли главных или второстепенных героев можно утверждать, что соответствующие информационные поводы приобретают политическую окраску, несмотря на характер их первоначального содержания. Хайп-технологии в этих условиях не только выступают в качестве инструмента создания политического контента путём преобразования сопутствующей информационной повестки, но и формируют потенциал для использования тем, ставших предметом медийного ажиотажа, в интересах политических оппонентов героя события. Можно констатировать, что нарастающее развитие хайпа в федеральной новостной повестке в отношении отдельных событий способствует пролонгации ажиотажа вокруг них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы, акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16
2. Ежов Д. А. Выборы в условиях шоуизации // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 2 (25). С. 130–144. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.515
3. Ежов Д. А. Политизация хайпа в условиях шоуизации // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. С. 93–99. DOI: 10.34823/SGZ.2021.2.51554
4. Ефанов А. А. «Хайпы» в современном поле медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1 (27). С. 63–69.
5. Ефанов А. А. Хайп как новый коммуникационный тренд // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3-2 (20). С. 144–150.
6. Киуру К. В., Кривоносов А. Д. Трансформации медиасреды как объект исследования теории массовой коммуникации // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 4. С. 711–723. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).711-723
7. Самарин Д. А. Хайп как современный медиафакт в пространстве языка и культуры: за и против // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4 (91). С. 83–90. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-8
8. Семенова Е. А. От балагана до хайпа (Проблемы современной интернет-коммуникации) // Наука телевидения. 2019. Т. 15. № 2. С. 43–64. DOI: 10.30628/1994-9529-2019-15.2-43-64
9. Федорченко С. Н. Цифровые технологии в политическом процессе: новые вызовы и перспективы // Право и государство. 2020. № 3-4 (88-89). С. 161–175. DOI: 10.51634/2307-5201_2020_34_161

REFERENCES

1. Volodenkov S. V. [Influence of internet communication technologies on contemporary social and political processes: scenarios, challenges, and actors]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2019, no. 5 (153), pp. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16
2. Ezhov D. A. [Show-oriented elections: the technologies and social consequences]. In: *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2018, vol. 9, no. 2 (25), pp. 130–144. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.515
3. Ezhov D. A. [Politicization of hype in the context of showization]. In: *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2021, no. 2, pp. 93–99. DOI: 10.34823/SGZ.2021.2.51554
4. Yefanov A. A. [«Hypes» in the present media field]. In: *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education], 2018, no. 1 (27), pp. 63–69.
5. Yefanov A. A. [Hype as a new communication trend]. In: *Sovremennyy diskurs analiz* [Modern discourse analysis], 2018, no. 3-2 (20), pp. 144–150.
6. Kiuru K. V., Krivososov A. D. [Media environment transformations as an object of study of the theory of mass communications]. In: *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and practical issues of journalism], 2018, vol. 7, no. 4, pp. 711–723. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(4).711-723
7. Samarin D. A. [Hype as a modern media fact in the space of language and culture: pros and cons]. In: *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2019, no. 4 (91), pp. 83–90. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-8
8. Semenova E. A. [From farce to hype (issues of modern internet communication)]. In: *Nauka televideniya* [The art and science of television], 2019, vol. 15, no. 2, pp. 43–64. DOI: 10.30628/1994-9529-2019-15.2-43-64
9. Fedorchenko S. N. [Digital technologies in the political process: new challenges and prospects]. In: *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], 2020, no. 3-4 (88-89), pp. 161–175. DOI: 10.51634/2307-5201_2020_34_161

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.01.2022

Статья размещена на сайте: 12.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ежов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: president@lenta.ru

Dmitriy A. Ezhov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: president@lenta.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ежов Д. А. Хайп-технологии как инструмент создания политического контента в новой медиареальности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Ezhov D. A. Technologies of hype as a tool for creating political content in a new media reality. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 329

Жичкин В. В.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ПРОГРАММЫ НЕПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ VIII СОЗЫВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ предвыборных программ непарламентских политических партий как ключевого документа для понимания партийной идеологии, оценки её отношения к действиям власти, а также порядка действий в случае избрания. Задачи исследования: выяснить, есть ли взаимосвязь между объёмом программы партии и её результатом на выборах; установить, связано ли число и качество описания инициатив с результатом партий на выборах; дать характеристику программам партий, исходя из языковых особенностей написания программ.

Процедура и методы. Осуществлён анализ программ политических партий «Яблоко», «Российская партия Свободы и Справедливости», «Родина», «Партия Пенсионеров», «Новые Люди» (на момент выборов являлась непарламентской партией), «Коммунистическая партия Коммунисты России», «Зелёные», «Зелёная альтернатива», «Гражданская платформа» а также манифеста партии «Роста», который использовался партией в качестве предвыборной программы. В работе используются методы изучения документов, контент-анализ и сравнительный метод.

Результаты. Установлено, что наилучшего результата среди непарламентских политических партий добились те, объём программ у которых составляет не менее 10 тыс. знаков, что количество включаемых в программу инициатив для избирателя не менее важно, чем качество и подробность их описания, и что языковые особенности, выявленные путём анализа часто упоминаемых в рамках программы слов, позволяют дать базовую характеристику документу, а также определить идеологические и политические особенности и направленности партии.

Практическая значимость исследования заключается в сопоставлении программных документов партий с результатами выборов, что позволяет выявить наиболее удачные стратегии составления политических документов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

предвыборная программа, непарламентские партии, выборы в Государственную Думу VIII созыва, сравнительный анализ

СТРУКТУРА

Введение

Сравнение объёма предвыборных программ

Предвыборные инициативы

Анализ слов-индикаторов

Закключение

V. Zhichkin

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

ELECTION PROGRAMS OF NON-PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES IN THE ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE VIII TH CONVOCAATION. COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To analyze the election programs of non-parliamentary political parties as the key documents for understanding the party ideology, assessing its attitude to the actions of the authorities, as well as the actions procedure in case of election. Research objectives: to find out if there is a correlation between the volume of the party program and its result in the elections; to establish whether the amount and quality of descriptions of initiatives are related to the results of parties in elections; and, thirdly, to characterize the party programs based on the language features of writing programs.

Methodology. The analysis of the programs of the political parties "Yabloko", "Russian Party of Freedom and Justice", "Motherland", "Pensioners Party", "New People" (at the time of the elections it was a non-parliamentary party), "Communist Party of Communists of Russia", "Green", "Green Alternative", "Civil Platform" as well as the manifesto of the party "Growth", which was used by the party as an election program, was carried out. The methods of studying documents, content analysis, and a comparative method are used in the paper.

Results. It has been established that the best results among non-parliamentary political parties were achieved by those whose program volume is at least 10 thousand characters. It has been revealed that the number of initiatives included in the program for the voter is as important as the quality and detail of their description, and the linguistic features, identified through the analysis of frequently mentioned within the framework of the program of words, allow to give a basic description of the document as well as to determine the ideological and political features and directions of the party.

Research implications of the article is in the comparison of the program documents of the parties with the election results, which makes it possible to identify the most successful strategies for compiling political documents.

KEYWORDS

election program, non-parliamentary parties, elections to the State Duma of the VIIIth convocation, comparative analysis

ВВЕДЕНИЕ

Предвыборная программа партии является ключевым документом для понимания её идеологии, оценки её представителями действий власти, а также порядка действий в случае избрания. В силу этого анализ программного документа и сопоставление его данных с результатами выборов позволяют выявить наиболее удачные стратегии в составлении подобного рода документов. Помимо этого, исследование позволит глубже разобраться в подходах партий к составлению программ.

Согласно Федеральному закону «О политических партиях»¹ непарламентскими партиями считаются политические партии, не представленные в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации.

Анализ предвыборных программ политических партий – распространённое направление исследований как в отечественной [1; 5], так и в зарубежной [9] политологии. Ключевым научным направлением в случае исследования нескольких программ в рамках одной работы является сравнительная политология. Так, М. В. Гаврилова проводит комплексный сравнительный анализ программ отечественных партий от начала XX в. до 2007 г. По её словам, «с помощью программы политические партии не только определяют себя как политическую организацию с определённой позицией, но и выражают интересы тех или иных социальных групп» [2, с. 3].

Д. В. Руденкин и А. В. Данилова в своём исследовании методом контент-анализа установили идеологическую принадлежность партий с помощью выявления слов-индикаторов той или иной идеологии в партийных программных документах партий-победителей на выборах в Государственную Думу VI созыва. Интересная особенность идеологической нагрузки программ была выявлена уже на этапе сбора данных: «слова-индикаторы в программе “Единой России” встречаются только 342 раза (для сравнения: в программе “Справедливой России” – 1245 раз; программе “ЛДПР” – 842 раза; в программе “КПРФ” – 613 раз). При том, что объём всех предвыборных программ был вполне сопоставим» [6, с. 6]. С. А. Шпагин, анализируя результаты участия непарламентских партий в выборах, предшествующих избранию в Госдуму, пришёл к выводу, что «перспективы попадания непарламентских партий в Государственную Думу в настоящее время представляются очень сомнительными» [7]. К аналогичным выводам в своём исследовании приходит Д. А. Ежов, отмечая, что «электоральные перспективы малых партий по состоянию на данный момент представляются невысокими» [3, с. 91]. С другой стороны, А. Ю. Шутов утверждает, что «усложнившаяся социальная структура и возросшая гражданская ответственность рождают запрос на расширение политического участия определённых социальных групп» [8, с. 99]. После проведения Единого дня голосования 2021 г. стало очевидно, что как минимум одна непарламентская партия смогла избавиться от приставки «не-» и сформировать фракцию в Государственной Думе, что актуализирует рассмотрение вопроса о причинах такого успеха одних и неудачи других непарламентских партий.

Аналогичные исследования проводились и за рубежом после изменения партийной представленности в парламенте той или иной страны. Так,

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 №95-ФЗ «О политических партиях» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102071991> (дата обращения: 27.02.2022).

словацкий исследователь П. Спач рассматривает ранее непарламентские политические партии в Чехии, которым на выборах в Палату депутатов 2010 г. удалось получить места в парламенте. Появление новых сил в чешском парламенте, по словам П. Спача, привело к «трансформации партийного спектра страны» [10, р. 1].

При этом исследование программ политических партий не ограничивается политологическими работами: аналогичная проблематика встречается в исторических, социологических и юридических исследованиях.

Так, юридические основания программ политических партий исследовались Ю. А. Евтюхиным, который пришёл к выводу, что сегодня каждая политическая партия обязана публиковать свою программу в интернете и присылать копию программы в ЦИК РФ, но при этом никакая ответственность для партии за несоблюдение данного требования, как и за неисполнение партией содержания программы, не предусмотрена [4, с. 108].

Несмотря на большое число исследований на обозначенную тему, сравнительный анализ предвыборных программ непарламентских партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва до текущего момента не проводился – в первую очередь, в силу новизны данного события. В качестве материала для исследования были взяты предвыборные программы десяти непарламентских партий², выдвинувших списки кандидатов на выборы

² «Свобода и закон. Надежда на будущее». Программа партии «Яблоко» на выборах Государственной Думы VIII созыва (2021) // Яблоко: [сайт]. URL: <https://www.yabloko.ru/program2021> (дата обращения: 27.02.2022).

Программа Российской партии Свободы и Справедливости // Российская партия Свободы и Справедливости: [сайт]. URL: <https://my.rpss.party/?p=program> (дата обращения: 17.01.2022).

Программа партии «Родина» на выборах депутатов государственной думы VIII созыва 2021 г. // Партия Родина: [сайт]. URL: <https://rodina.ru/partiya/documentsForRead/48> (дата обращения: 27.02.2022).

Предвыборная программа Партии пенсионеров «Сердцем за страну» // Партия пенсионеров: [сайт]. URL: <https://pensioner.party/predvybornaya-programma> (дата обращения: 27.02.2022).

Программа партии «Новые люди» // Партия Новые люди: [сайт]. URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 27.02.2022).

Программа коммунистической партии «Коммунисты России» на выборах Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва // Коммунистическая партия Коммунисты России: [сайт]. URL: <https://komros.info/predvybornaya-programma-kprk> (дата обращения: 27.02.2022).

Предвыборная программа российской экологической партии «Зелёные» // Зелёные. Российская экологическая партия: [сайт]. URL: <https://partygreen.ru/documents/programma> (дата обращения: 27.02.2022).

Программа партии «Зелёная альтернатива» // Зелёная альтернатива. Политическая партия экологов: [сайт]. URL: <https://zaecology.ru/programma-partii> (дата обращения: 27.02.2022).

Предвыборная программа Политической партии «Гражданская Платформа» // Политическая партия «Гражданская платформа»: [сайт]. URL: <https://праваяпартия.рф/4628> (дата обращения: 27.02.2022).

Манифест Партии Роста «За Дело» // Партия Роста: [сайт]. URL: <https://rost.ru/about/manifest> (дата обращения: 27.02.2022).

в Государственную Думу VIII созыва: «Яблоко», «Российская партия Свободы и Справедливости», «Родина», «Партия Пенсионеров», «Новые Люди» (на момент выборов являлась непарламентской партией), «Коммунистическая партия Коммунисты России», «Зелёные», «Зелёная альтернатива», «Гражданская платформа» а также манифест партии «Роста», который использовался партией в качестве предвыборной программы.

СРАВНЕНИЕ ОБЪЁМА ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ

Первым, базовым параметром сравнения является **объём предвыборных программ** непарламентских партий. На первый взгляд может показаться, что такое примитивное сравнение не принесёт нового знания о программах партий, однако решение, которое принимает руководство партии касаясь объёма своей предвыборной программы, де-факто позволяет определить роль программы в избирательной кампании партии в целом. Партии оказываются перед сложным выбором: либо выразить в своей программе позицию по всем ключевым социально-экономическим, идеологическим и историческим вопросам и тем самым нарастить объём программы, либо ограничиться самыми важными для партии темами. В эпоху «клипового мышления» сокращение объёмов предвыборных программ является вынужденным решением, если партия хочет вовлечь в свои ряды молодых единомышленников. В то же время на предвыборной программе, занимающей 2–3 страницы, невозможно построить избирательную кампанию. Таким образом, в случае короткой программы её значимостькратно уменьшается.

В результате исследования было установлено, что программы непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва имеют следующий объём (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Объём предвыборных программ непарламентских партий, участвовавших в выборах в Государственную думу VIII созыва /
The volume of pre-election programs of non-parliamentary parties participating in the elections to the State Duma of the VIII convocation

Наименование политической партии	Объём предвыборной программы (тыс. знаков с пробелами)
«Новые Люди»	47,2
«Коммунистическая партия Коммунисты России»	36,3
«Партия Пенсионеров»	19,7

Наименование политической партии	Объём предвыборной программы (тыс. знаков с пробелами)
«Зелёные»	13,1
«Яблоко»	12,8
«Роста»	9,1
«Зелёная альтернатива»	8,6
«Гражданская платформа»	6,8
«Родина»	6,6
«Российская партия Свободы и Справедливости»	6,2

Таким образом, становится очевидной многократная разница в объёмах предвыборных программ непарламентских партий. Важно отметить, что именно партия с самой объёмной из рассматриваемых программ смогла преодолеть 5%-ный барьер и сформировать фракцию в новом созыве Государственной Думы. При этом все партии, имеющие программу объёмом менее 10 тыс. знаков, набрали менее 500 тыс. голосов (менее 0,8%). Такое сопоставление говорит о сохраняющейся значимости для избирателей возможности ознакомиться с позицией партии по широкому кругу вопросов, несмотря на большой объём программы.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Вторым параметром для сравнения является **количество предложений, инициатив**, представленных в предвыборных программах партий. Исходя из количества инициатив, также определяются широта **направленности тем**, находящихся в фокусе внимания партии, и ключевая для партии тема, включающая больше всего предложений.

В результате исследования было установлено, что программы непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва имеют следующее количество направлений и предложений (см. табл. 2).

Сопоставление параметров объёма и числа инициатив предвыборных программ партий говорит о существовании разных подходов к составлению документа. Не все программы партий, оказавшиеся в лидерах по объёму документа, заняли ту же позицию по числу предложений. Стоит отметить, что предложения, представленные в программе КПКР, были встроены в сплошной текст программы и не разграничивались с идеологической и описательной частями. Предложения предвыборной программы партии «Яблоко» были представлены в короткой, тезисной форме, без описания и раскрытия, и в некоторых случаях состояли из 2–3 слов. Предложения, отражённые в

Таблица 2 / Table 2

Предвыборные инициативы непарламентских партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва / Election initiatives of non-parliamentary parties in the elections to the State Duma of the VIII convocation

Политическая партия	Число инициатив	Распределение инициатив по направлениям и акценты
«Яблоко»	145	равномерно распределены по 5 направлениям с акцентом на улучшении качества жизни
«Коммунистическая партия Коммунисты России»	103	неравномерно распределены по 20 направлениям с акцентом на социальной поддержке граждан (23 предложения)
«Партия Пенсионеров»	96	равномерно распределены по 14 направлениям с акцентом на предложениях в сфере здравоохранения (18 предложений)
«Новые Люди»	80	равномерно распределены по 8 направлениям с акцентом на экономическое развитие (15 предложений)
«Российская партия Свободы и Справедливости»	57	равномерно распределены по 5 направлениям с акцентом на правозащитной теме (14 предложений)
«Зелёные»	42	условно распределены по 10 блокам в рамках 1 направления, абсолютное преобладание экологической темы
«Родина»	35	равномерно распределены по 14 направлениям без ярко выраженных акцентов на какой-либо теме
«Роста»	22	нет распределения по направлениям в рамках документа, акцент на экономическом росте (8 предложений)
«Зелёная альтернатива»	21	условно распределены по 4 блокам в рамках 1 направления, абсолютное преобладание экологической темы
«Гражданская платформа»	20	нет распределения по направлениям в рамках документа, акцент на экономическом развитии (10 предложений)

программе «Новых людей», наоборот, имели описательную часть и были в значительной степени раскрыты.

Чёткая структура, дифференциация на разделы и подразделы представлены у 6 из 10 партий. 4 предвыборных программы («Гражданская платформа», «Зелёная альтернатива», «Коммунисты России» и «Роста») представляют собой тексты, не разделённые на тематические блоки, что усложняет восприятие документов. Ключевые темы у большинства партий не совпадают, однако в целом было выявлено преобладание экономических и экологических вопросов в программах партий. Принцип распределения предложений по направлениям также не повторялся, каждая партия самостоятельно определяла, какой теме следует уделить отдельный блок в программе. При разнообразии тематических направлений имеет место повторение некоторых блоков-разделов. Блоки «социальная политика», «здравоохранение», «экономика» встречаются во всех программах, имеющих чёткое тематическое распределение.

Сопоставление параметров числа инициатив предвыборных программ партий, их распределения по тематическим блокам и результатов партий на выборах говорит о важности чёткого структурирования партийных инициатив, а также разнообразия в тематике предложений. При этом, выбирая между числом инициатив в программе и подробностью их описания, партии, набравшие больше голосов, отдавали предпочтение второму варианту.

АНАЛИЗ СЛОВ-ИНДИКАТОРОВ

Третьей линией сравнения являются **языковые особенности и часто упоминаемые слова** в представленных предвыборных программах партий. Анализ производится методом подсчёта слов, часто используемых в отдельно взятой предвыборной программе. При этом в анализе не учитываются слова, не имеющие смысловой нагрузки (*не, в, без, до, из, к, на, по, о, от, перед, при, через, с, у, когда, который, которые, которая, мы и прочие*), и составные части названия партии.

В результате анализа было установлено, что изучаемые программы имеют следующее языковые особенности:

1. в программе партии «Яблоко» наиболее часто встречаются слова **«развитие»** (14), **«отказ»** (8), **«запрет»** (8), что говорит о превалировании в программе партии инициатив над оценками, оппозиционной направленности программы (в силу преобладания негативных коннотаций) и чёткой структуре программы (повторение слов в начале предложений);

2. в программе партии «Коммунистическая партия Коммунисты России» наиболее часто встречаются слова **«против»** (16), **«советской (советский)»** (14), **«бесплатный (бесплатного)»** (14), что говорит о резком противопоставлении точек зрения партии и действующей власти, частом упоминании опыта Советского Союза и социалистической направленности инициатив;

3. в программе «Партии Пенсионеров» наиболее часто встречаются слова **«обеспечение»** (16), **«социальный»** (15), **«старшее»** (7), что говорит о патерналистской направленности программы и об акценте инициатив на старшем поколении;

4. в программе партии «Новые Люди» наиболее часто встречаются слова **«только»** (20), **«повысить»** (12), **«сделать»** (11), что говорит, с одной стороны, о большом числе конкретных инициатив, с другой, о яркой эмоциональной окраске программы в целом;

5. в программе партии «Российская партия Свободы и Справедливости» наиболее часто встречаются слова **«отмена»** (6), **«борьба»** (6), **«снижение»** (6), что говорит о явном противопоставлении оценок партии решениям действующей власти, а также о позиционировании себя как активной действующей силы.

6. в программе партии «Зелёные» наиболее часто встречаются слова **«экологическая»** (8), **«отходов»** (10), **«окружающей»** (6), что говорит об однозначной экологической направленности деятельности партии и отсутствии других политических интересов;

7. в программе партии «Родина» в силу незначительного объёма и разрозненности текста **повторы слов не представляют научного интереса;**

8. в программе партии «Роста» наиболее часто встречаются слова **«свобода»** (5), **«частный»** (4), что говорит о тяготении программы к либеральной идеологии;

9. в программе партии «Зелёная альтернатива» наиболее часто встречаются слова **«экологический»** (11), **«природы»** (5), **«окружающей»** (4), что, аналогично программе партии «Зелёные», говорит об однозначной экологической направленности;

10. в программе партии «Гражданская платформа» в силу незначительного объёма и разрозненности текста **повторы слов не представляют научного интереса.**

Таким образом, языковые особенности, обнаруженные в предвыборных программах, посредством анализа частоты упоминаемости слов позволили охарактеризовать направленность исследуемых программ, а в некоторых случаях – предположить их идеологическую составляющую. У всех программ, за исключением двух экологических партий, часто упоминаемые слова не повторяются, что говорит об эффективности подобного метода в оценке подобных документов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении представляется возможным сделать ряд выводов.

Во-первых, сопоставление объёмов предвыборных программ непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII со-

зыка и их результатов на выборах говорит о том, что, несмотря на тенденцию к сокращению предвыборных документов, избиратель отдаёт предпочтение партиям с широкими, подробно расписанными программами. Все непарламентские партии, набравшие на выборах более 500 тыс. голосов, имели предвыборные программы объёмом более 10 тыс. знаков с пробелами. Более того, единственная из непарламентских партий, которая смогла сформировать в Государственной Думе свою фракцию, имела максимальный из рассматриваемых объём предвыборной программы. Наглядное сопоставление представлено в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Сопоставление объёма предвыборных программ непарламентских партий и их результатов на выборах в Государственную думу VIII созыва / Comparison of the volume of pre-election programs of non-parliamentary parties and their results in the elections to the State Duma of the VIII convocation

Наименование политической партии	Результат на выборах в Государственную Думу VIII созыва (голосов)	Объём предвыборной программы (тыс. знаков с пробелами)
«Новые Люди»	2 997 676	47,2
«Партия Пенсионеров»	1 381 890	19,7
«Яблоко»	753 280	12,8
«Коммунистическая партия Коммунисты России»	715 621	36,3
«Зелёные»	512 420	13,1
«Родина»	450 437	6,6
«Российская партия Свободы и Справедливости»	431 559	6,2
«Зелёная альтернатива»	357 855	8,6
«Роста»	291 483	9,1
«Гражданская платформа»	86 964	6,8

Источник: Подсчёты автора по данным ЦИК России³.

³ Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации: [сайт]. URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi (дата обращения: 27.02.2022).

Во-вторых, число инициатив, представленных в программе партии, не коррелирует с результатами выборов, однако структурная целостность документа является важным фактором при ознакомлении избирателя с программой. Избиратели отдают предпочтение не только количеству или только качеству описываемых партиями предложений, а разумному их соотношению. Короткие, тезисные инициативы, не имеющие разъяснения в рамках программы, не эффективны, так же как и избыточно подробные описания. Тематически инициативы партий сходятся в области экономической и экологической политики.

В-третьих, языковые особенности, выявленные путём анализа часто упоминаемых в рамках программы слов, позволили дать базовую характеристику каждому отдельно взятому документу, а также сопоставить их между собой. Анализ также дал возможность определить идеологические и политические особенности и направленности рассматриваемых программ непарламентских партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин В. Н., Федоркин Н. С. Предвыборная программа – основной ресурс избирательной кампании. М.: РЦОИТ, 2001. 96 с.
2. Гаврилова М. В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI вв. (лингвистический аспект). СПб.: Невский институт языка и культуры, 2011. 243 с.
3. Ежов Д. А. Политические партии накануне парламентских выборов – 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 4. С. 83–91.
4. Евтюхин Ю. А. Предвыборная программа: идеологический документ или юридический акт? // Социогуманитарный вестник. 2011. № 7. С. 107–111.
5. Каверзина Н. П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПРФ и ЛДПР) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 40–44.
6. Руденкин Д. В., Данилова А. В. «Идеология победителей»: какие взгляды выражали в своих программах партии, вошедшие в Государственную Думу РФ VI созыва [Электронный ресурс] // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 9. URL: <http://soc-journal.ru> (дата обращения: 27.02.2022).
7. Шпагин С. А. Непарламентские партии в современной России: у порога Государственной Думы? // Electoral Politics: [сайт]. 2021. № 1. URL: <http://electoralpolitics.org> (дата обращения: 27.02.2022).
8. Шутов А. Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 84–100.

9. Braun D., Schmitt H. Different emphases, same positions? The election manifestos of political parties in the EU multilevel electoral system compared // *Party Politics*. 2020. Vol. 26. № 5. P. 640–650.
10. Spáč P. New Political Parties in Czech Republic: Anti-politics or Mainstream? // Bratislava, *Alternative Politics? The Rise of New Political Parties in Central Europe* / ed. G. Mesežnikov, O. Gyárfášová, Z. Bútorová. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 2013. P. 127–148.

REFERENCES

1. Amelin V. N., Fedorkin N. S. *Predvybornaya programma – osnovnoi resurs izbiratel'noi kampanii* [The election program is the main resource of the election campaign]. Moscow, RTSOIT Publ., 2001. 96 p.
2. Gavrilova M. V. *Analiz programm rossiiskikh politicheskikh partii nachala XX i XXI vv. (lingvisticheskii aspekt)* [Analysis of the programs of Russian political parties at the beginning of the 20th and 21st centuries (linguistic aspect)]. St. Petersburg, Nevskii institut yazyka i kul'tury Publ., 2011. 243 p.
3. Ezhov D. A. [Political parties on the eve of the parliamentary elections – 2021: starting positions and electoral prospects]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and social sciences. Bulletin of Financial university], 2021, vol. 11, no. 4, pp. 83–91.
4. Evtukhin Yu. A. [Election program: an ideological document or a legal act?]. In: *Sotsiogumanitarnyi vestnik* [Socio-humanitarian Bulletin], 2011, no. 7, pp. 107–111.
5. Kaverzina N. P. [The discursive representation of the past in the text of a political program (Based on the program of the Communist Party of the Russian Federation of the Liberal Democratic Party of Russia)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2019, no. 438, pp. 40–44.
6. Rudenkin D. V., Danilova A. V. ["Ideology of the winners": what ideas were represented in the programs of political parties which were successful during the last parliament elections in Russia]. In: *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013, no. 9. Available at: <http://soc-journal.ru> (accessed: 27.02.2022).
7. Shpagin S. A. [Non-parliamentary parties in contemporary Russia: on State Duma's doorstep]. In: *Electoral Politics*, 2021, no. 1. Available at: <http://electoralpolitics.org> (accessed: 27.02.2022).
8. Shutov A. Yu. [From the modern history of multiplicity of parties establishing in contemporary Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], 2013, no. 5, pp. 84–100.
9. Braun D., Schmitt H. Different emphases, same positions? The election manifestos of political parties in the EU multilevel electoral system compared. In: *Party Politics*, 2020, vol. 26, no. 5, pp. 640–650.
10. Spáč P. New Political Parties in Czech Republic: Anti-politics or Mainstream? In: Mesežnikov G., Gyárfášová O., Bútorová Z., eds. *Bratislava, Alternative Politics? The Rise of New Political Parties in Central Europe*. Bratislava, Inštitút pre verejné otázky, 2013, pp. 127–148.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.02.2022

Статья размещена на сайте: 01.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жичкин Валерий Владимирович – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: Valerie-zh@ya.ru

Vladimir V. Zhichkin – Postgraduate student, the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: Valerie-zh@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Жичкин В. В. Предвыборные программы непарламентских политических партий на выборах в Государственную Думу VIII созыва: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Zhichkin V. V. Election programs of non-parliamentary political parties in the elections to the State Duma of the VIIIth convocation. Comparative analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 324, 329

Попов А. В.*Независимый исследователь,
г. София, Республика Болгария*

ДЕМОКРАТИЯ В БОЛГАРИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ становления и оценка динамики развития институтов демократии в Болгарии с конца 1980-х гг. до настоящего времени.

Процедура и методы. Методологической основой исследования служит теория «дефектной демократии» В. Меркеля и А. Круассана. Изучение становления и развития демократических институтов в Болгарии осуществлено на основе компаративного и институционального подходов. Процесс демократизации болгарского государства и общества оценён по трём критериям: становление и развитие партийной системы, деятельность СМИ и их взаимодействие с государственными политическими институтами, уровень коррупции и бюрократизации в стране. Эмпирической основой исследования стали анализ политических кейсов последних лет, а также оценка динамики индексов свободы, свободы СМИ, восприятия коррупции и т. п.

Результаты. Установлено, что функционированию «дефектной демократии» в Болгарии способствует целый ряд факторов: зависимость СМИ от аппарата публичной власти и финансовых олигархических структур, отсутствие эффективной судебной системы, изменения в партийном ландшафте (увеличение популярности популистских, ультрарадикальных и антиевропейских партий), высокий уровень коррупции. Однако, несмотря на наличие целого ряда проблем, которые испытывает Болгария, в настоящее время общего кризиса демократии в стране не наблюдается.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование даёт представление об особенностях демократии в Болгарии, причинах неудач рецептированной западной модели демократии, кризисов в социально-экономической и в политической сферах. Автор предлагает объяснение имеющегося у части болгарского общества недовольства проводимой политикой. Основные положения и выводы работы могут использоваться в учебном процессе при преподавании целого ряда политологических дисциплин («Основы демократии», «Политические режимы»), а также в практической деятельности общественных активистов и других субъектов политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

болгарская модель демократии, «дефектная демократия», коррупция, институты демократии, партийная система, СМИ, гражданское общество

СТРУКТУРА

Введение

Институты демократии в Болгарии глазами экспертов

Критерии демократизации болгарского государства и общества

Заключение

A. Popov

*An Independent researcher,
Sofia, Republic of Bulgaria*

DEMOCRACY IN BULGARIA: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES

ABSTRACT

Aim. To analyze the formation and assess the dynamics of the development of democratic institutions in Bulgaria since the late 1980s until now.

Methodology. The methodological basis of the study is the theory of “defective democracy” by V. Merkel and A. Croissant. The study of the formation and development of democratic institutions in Bulgaria was carried out on the basis of comparative and institutional approaches. The process of democratization of the Bulgarian state and society was evaluated according to three criteria: the formation and development of the party system, the activities of the media and their interaction with state political institutions, the level of corruption and bureaucratization in the country. The empirical basis of the article was the analysis of political cases of recent years, as well as an assessment of the dynamics of freedom indices, freedom of the media, perceptions of corruption, etc.

Results. It has been established that the functioning of “defective democracy” in Bulgaria is facilitated by a number of factors: the dependence of the media on the apparatus of public power and financial oligarchic structures, the lack of an effective judicial system, changes in the party landscape (increasing popularity of populist, ultra-radical and anti-European parties), a high level of corruption. However, despite the presence of a number of problems that Bulgaria is experiencing, at present there is no general crisis of democracy in the country.

Research implications. The study gives an idea of the features of democracy in Bulgaria, the reasons for the failures of the received Western model of democracy, crises in the socio-economic and political spheres. The author offers an explanation for the dissatisfaction of a part of the Bulgarian society with the current policy. The main provisions and conclusions of the work can be used in the educational process when teaching a number of political science disciplines (“Fundamentals of Democracy”, “Political Regimes”), as well as in the practical activities of social activists and other political subjects.

KEYWORDS

Bulgarian model of democracy, “defective democracy”, corruption, democratic institutions, party system, media, civil society

ВВЕДЕНИЕ

С конца 80-х гг. XX столетия в Болгарии происходит переход от однопартийной политической системы и плановой экономики советского образца к рецепированной по западным стандартам многопартийности, выборной на альтернативной основе государственной власти и рыночной экономике. С приходом в страну западных ценностей и демократических институтов, у большинства болгарских граждан возникала иллюзия, что не пройдет и пяти – десяти лет, как в стране установится эффективная социально-экономическая и политическая система, позволяющая развиваться частному бизнесу, национальная валюта (болгарский лев) сможет конкурировать с ино-

странными валютами передовых западноевропейских стран, уровень жизни и благосостояния большинства граждан будет постоянно расти, а институты прямой демократии (выборы, референдумы) сформируют конкурентную многопартийную систему, выражающую интересы различных социальных групп.

Однако, как показала практика, не все ожидания болгарского народа смогли воплотиться в жизнь. За прошедшие более чем тридцать лет, с момента перехода Болгарии от социалистической к капиталистической модели развития, продолжает снижаться общественное доверие к институтам государственной власти в целом и к судебным инстанциям, выступающим одним из барометров демократизации политической системы, в частности.

Всё это обусловило цель исследования – осуществить анализ становления и развития институтов демократии в Болгарии с конца 1980-х гг. до настоящего времени. К числу задач исследования относятся определение и развёрнутая характеристика демократических структур современного болгарского государства, оценка достоинств и недостатков демократизации Болгарии по трём критериям:

- 1) становление и развитие партийной системы;
- 2) деятельность СМИ и их взаимодействие с государственными политическими институтами;
- 3) уровень коррупции и бюрократизации.

Об актуальности выбранной проблематики свидетельствует тот факт, что различным аспектам демократизации Болгарии, таким как: процесс партизации политической жизни, используемые избирательные системы, соблюдение и реализация прав и свобод человека, особенности легитимации политических институтов и т. п., – посвящены труды таких выдающихся учёных, как Дж. Доусон [9; 10], А. А. Жуковская [2], П. Кандель [3], Г. Карасимеонов [4], Т. Карозерс [5], С. Кристова [8], Н. А. Подчасов [7], Е. Станоева [11; 12] и др. Однако, несмотря на значительные достижения, специализированного исследования, касающегося достоинств и недостатков болгарской модели демократии в сравнительно-политологическом ключе, в полной мере до настоящего времени не осуществлялось.

ИНСТИТУТЫ ДЕМОКРАТИИ В БОЛГАРИИ ГЛАЗАМИ ЭКСПЕРТОВ

Стремление Болгарии к демократизации политической системы и рыночной экономике после 1989 г. не в последнюю очередь было обусловлено распространением среди граждан ценностей либеральной демократии, ставших популярными в постсоциалистических государствах в конце 80-х – начале 90-х гг. XX вв. Национальный сценарий демократического развития в Болгарии амбивалентно сочетал прогрессивные либеральные новации с остаточными нелиберальными формальными и неформальными института-

ми, присущими постсоциалистическим государствам, которые не до конца отказались от элементов системы госуправления предшествующего политического режима. Поверхностно-либеральные институциональные реформы скрывали зачастую нелиберальные параметры политической жизни Болгарии, соответственно, сдерживая дальнейшие конструктивные изменения в стране.

Сегодня среди политических экспертов всё чаще высказывается скептицизм по отношению к демократии в Болгарии. Одни определяют эволюцию страны как движение к самодержавию, в котором государственные ресурсы и институты используются для обслуживания частных интересов власти, тем самым порождая коррупцию на разных уровнях социума¹. Другие исследователи определяют Болгарию как «новейшую автократию»², в которой существует нелиберальный консенсус, что сближает страну с такими государствами, как Венгрия и Польша, серьёзно отступившими от ценностей либеральной демократии.

Не присоединяясь ни к одной из точек зрения, предпримем попытку объективно разобраться в вынесенном в заголовок вопросе.

Стоит отметить, что импульс к демократическим преобразованиям в конце 1980-х гг. начался «не снизу вверх», т. е. не от гражданского общества (как в большинстве тогдашних стран социалистического лагеря), а «сверху вниз» – от руководящей на тот период Болгарской коммунистической партии. Соответственно, понимание будущих изменений в Болгарии отличалось от того, как их трактовали национальные гражданские общества и оппозиция Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы. Именно этим обстоятельством можно объяснить экономический и технократический варианты либеральной модели (получившие широкое развитие после 1989 г.), сочетающейся с такими нелиберальными нарративами, как этнический национализм и социальный консерватизм.

Как отмечают Дж. Дуусон и Ш. Ханли, Болгария является одним из тех государств Восточной Европы, которые страдают от «полости» демократии [10, р. 23]. Демократизации политической системы Болгарии способствовал и тот факт, что в 2007 г. страна стала членом Европейского Союза. Вместе с тем она так и не приобрела права на вхождение в Шенгенскую зону, поскольку в связи с высоким уровнем коррупции в государстве решение было заблокировано рядом стран ЕС (среди которых – Нидерланды и Финляндия)³.

¹ Vassileva R. Is Bulgaria the EU's next rule of law crisis? [Электронный ресурс]. URL: <https://s3.eu-central-1.amazonaws.com/euobs-media/00b17c366ea78c061bdaa337> (дата обращения: 18.01.2022).

² Vassileva R. Bulgaria's autocratic model [Электронный ресурс]. URL: <http://neweasterneurope.eu/2018/09/27/bulgarias-autocratic-model> (дата обращения: 18.01.2022).

³ Входит ли Болгария в ЕС и Шенгенскую зону // Visasam.ru. URL: <https://visasam.ru/emigration/europe-emigration/bolgariya-evrosoyuz-i-shengen.html> (дата обращения: 21.01.2022).

Таким образом, страна попала в посткоммунистическую «ловушку», оказавшись, по мнению А. Семиженко, «в серой зоне между социализмом и капитализмом, где старые правила не действуют, а новые – до сих пор нечёткие», когда несколько «обеспеченных семей формируют всю болгарскую политику, решают, кого выдвигать на выборы и каким будет процесс голосования»⁴. Солидаризируется с данной точкой зрения и Т. Карозерс, отнёсший Болгарию к числу гибридных государств, исходя из следующих её особенностей:

- 1) интересы граждан недостаточно учитываются или игнорируются;
- 2) низкий уровень политического участия в межвыборный период (как в «делегативной демократии»);
- 3) частое нарушение правовых норм;
- 4) выборы дают неопределённые результаты, а следовательно, имеют низкую легитимность;
- 5) низкий уровень доверия к институтам государства;
- 6) несовершенное функционирование государства [5, с. 59].

На взгляд П. Канделя [3, с. 22], опирающегося на концепцию «дефектной демократии» В. Меркеля и А. Круассана [6, с. 20], в Болгарии установилась демократическая политическая система, в которой проводятся свободные выборы, присутствуют частично свободные СМИ, закрепляются и реализуются гражданские права и свободы граждан, но одновременно с этим присутствуют проблемы в системе госуправления, изъяны в судебной системе при невысоком уровне участия в политических процессах граждан и слаборазвитой политической культуре, что не позволяет стране провести демократизацию политического режима, затрагивающую все политические институты болгарского государства.

По мнению болгарской исследовательницы Э. Станоевой, современное положение дел в болгарской политике и обществе демонстрирует антидемократические тенденции и обращение к воинствующему национализму [11, р. 194]. Не в последнюю очередь это можно объяснить особенностями политической культуры болгар, в которой присутствуют патриархальные и подданнические черты и которая в значительной степени является амбивалентной, сочетающей интерес граждан к политике с нежеланием приобщаться к ней, приобретать политические знания, быть политически информированными. Т. Чавдарова отмечает хрупкость и нестабильность демократической морали болгар⁵.

Наряду с этим у граждан Болгарии старшего поколения по-прежнему сохраняется «остальгия» (в переводе с нем. "ostalgie") – ностальгия по временам

⁴ Семиженко А. Болгария: голоса. Политолог // Далі буде : [сайт]. URL: <http://dalibude.com.ua/daniel-smilov18> (дата обращения: 23.01.2022).

⁵ Чавдарова Т. Коррупция в посткоммунистической Болгарии [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.com/37688705-Bolgarii-ponyatie-korruptcii-t-chavdarova.html> (дата обращения: 27.01.2022).

коммунизма, соседствующая с настроениями «демоустальгии» (“demostalgie”) средних возрастных групп – романтизацией событий 1989 г., когда оппозиция отстаивала права человека, гражданские свободы и иные демократические ценности.

Как нам представляется, мнения экспертов свидетельствуют о том, что путь Болгарии от нелиберальной политической культуры к либеральному плюрализму зачастую может быть долгим и мучительным.

КРИТЕРИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Рассмотрев мнения представителей научного сообщества по поводу процесса демократизации постсоветской болгарской политической системы, проведём оценку современного состояния демократии в стране на основе таких критериев, как: состояние партийной системы, деятельность СМИ и их взаимодействие с аппаратом публичной власти, уровень коррупции и бюрократизации властных структур.

Одним из базовых элементов политической системы в любом государстве выступают политические институты, к числу которых относятся **политические партии**, т. к. установившаяся в стране партийная система оказывает влияние на расстановку политических сил в парламенте, порядок формирования кабинета министров, взаимодействие с институтами гражданского общества. В начале 1990-х гг. в стране ключевую роль играли две политические партии – Болгарская социалистическая партия и Союз демократических сил, но уже к концу XX вв. болгарский парламент (Национальная ассамблея) пополнился рядом новых политических партий⁶. Несмотря на различный идеологический спектр представленных в Национальной ассамблее партий, между ними вплоть до середины 2000-х гг. не возникало серьёзных разногласий по политической повестке и принимаемым решениям, однако с появлением в 2005 г. партии «Атака», придерживающейся крайне правой идеологии, обострилась дискуссия по поводу выбора позиции евроскептицизма или еврооптимизма относительно вхождения в состав ЕС.

Спустя всего лишь несколько лет после вхождения Болгарии в ЕС в стране возросла популярность антиевропейских и националистически ориентированных партий (прежде всего партии «Атака»). Причина успеха евроскептиков объясняется тем, что, несмотря на евроинтеграцию, уровень благосостояния большинства болгар существенно не изменился. Это отрезвило болгарское общество и способствовало снижению еврооптимистических настроений. «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), ставшая правящей партией в 2009 г., во многом дискредитировала себя действиями,

⁶ Партийная система Республики Болгария: евро-социализм [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/1873534/ekonomika/partijnaya_sistema_respubliki_bolgariya_evro_sotsializm_revisited (дата обращения: 25.01.2022).

способствующими превращению правоохранительных органов и судебных инстанций в политически зависимых от исполнительной власти, негласной поддержке теневой экономики, схем различного давления в попытке получить политическую, экономическую и другие виды ренты.

Накануне проведения досрочных выборов в болгарский парламент (2021 г.) с обвинением партии ГЕРБ выступил министр внутренних дел Б. Рашков, заявивший о подкупе избирателей (за один голос потенциальным избирателям предлагали по 30 левов)⁷. Данный инцидент оказал влияние на электоральные предпочтения избирателей, и ГЕРБ, выступающая в альянсе с партией «Союз демократических сил» (СДС), уступила свои лидирующие позиции партии «Есть такой народ»⁸.

Однако в результате июньских выборов 2021 г. (равно как и выборов, состоявшихся в апреле того же года) 5 партиям, преодолевшим четырёхпроцентный барьер, не удалось договориться о формировании коалиционного кабинета министров, и следующие досрочные парламентские выборы состоялись уже осенью 2021 г. В ходе третьих досрочных парламентских выборов поддержку со стороны избирателей получила образованная в 2021 г. коалиционная партия «Продолжаем перемены» (набравшая 25,65%)⁹, а один из её лидеров К. Петков возглавил кабинет министров.

Анализируя сложившуюся в Болгарии партийную систему, нельзя не согласиться с мнением профессора Г. Карасимеонова, считающего, что она переживает «кризис легитимности» [4, с. 33]. Это подтверждают и социологические исследования, по данным которых доверяют партиям лишь 8–9% болгар¹⁰. Столь печальные итоги опросов объясняются тем, что практически все сформированные после 2000-х гг. партии являются централизованными и зависимыми от исполнительной власти. К тому же в отличие от партий в странах Западной Европы они не имеют длительной истории, а следовательно, не укоренены в болгарском социуме. Это объясняет частую смену партий, представленных в болгарском парламенте, появление новых партий, стремящихся вступить в коалицию с уже существующими более крупными партиями, а также готовность избирателей голосовать за новые политические силы в надежде на проведение реформ (подтверждает правильность

⁷ В Болгарии обвинили партию ГЕРБ в подкупе избирателей перед выборами // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/3312960.html> (дата обращения: 25.01.2022).

⁸ Bulgaria faces fresh elections as Socialists refuse to form a government // Reuters : [сайт]. [01.05.2021]. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/bulgaria-faces-fresh-elections-socialists-refuse-form-government-2021-05-01> (дата обращения: 27.01.2022).

⁹ Окончательно: ЦИК объяви кой колко мандата получава в новия парламент [Электронный ресурс]. URL: <https://blitz.bg/politika/okonchatelno-tsik-obyavi-koy-kolko-mandata-poluchava-v-noviya-parlament> (дата обращения: 27.01.2022).

¹⁰ Новинков А. Развитие политических партий в Болгарии // In Bulgaria online. [14.06.2010]. URL: <https://in-bulgaria.online/politika/Razvitie-politicheskikh-partiiy-v-Bolgarii> (дата обращения: 27.01.2022).

концепции перспективного голосования), направленных на улучшение благосостояния большинства граждан.

Не менее важным критерием уровня демократии выступает **деятельность СМИ**, освещение ими различных политических событий, открытость и доступность информации, возможность формировать общественное мнение и оказывать воздействие на властно-управленческие процессы. В Болгарии, как и в ряде постсоциалистических стран, присутствует монополизм в медиасфере. Так, например, Медиа-Группа политика-олигарха Д. Пеевского насчитывает 12 крупных газет, им контролируется почти 80% распространения печатных медиа¹¹.

Взаимоотношения власти и немногочисленных независимых национальных медиа в Болгарии являются напряжёнными. Как справедливо замечает Дж. Доусон, болгарская медиасфера является заложницей неформальных соглашений между экономическими элитами и их политическими союзниками [9, р. 12]. В силу этого даже часть молодых и высокообразованных болгар тяготеет к отнюдь нелиберальным идеалам, ратует за этнический национализм и социальный консерватизм, входящие в противоречие с либерально-демократическими ценностями.

В Болгарии имеются примеры противоправного обращения с представителями «четвёртой ветви власти», принимающими участие в антикоррупционных расследованиях. В 2008 г. главному редактору сайта новостей Frognews.bg А. Стефанову были нанесены тяжкие телесные повреждения за деятельность в рамках проекта «Опасные» («Opasnite»), связанного с раскрытием злоупотреблений болгарских чиновников¹². Ещё одним примером воздействия на СМИ служит безосновательное задержание полицией осенью 2018 г. журналистов независимых изданий «Rise Romania» и «Bivol Bulgaria» А. Биро и Б. Д. Стоянова, расследовавших коррупционный кейс мошенничеств с фондами ЕС, выделенными Болгарии¹³. Их задержание произошло в тот момент, когда ими был зафиксирован факт сожжения компрометирующих документов лицами, в отношении которых проводилось журналистское расследование.

Наиболее резонансным случаем воздействия на независимые СМИ можно рассматривать совершённое осенью 2018 г. убийство известного журналиста В. Мариновой, расследовавшей факты хищения средств из фондов ЕС,

¹¹ Разрыв с Пеевски // The economist : [сайт]. [20.09.2013]. URL: https://www-economist-com.translate.goog/eastern-approaches/2013/09/20/breaking-up-with-peeovski?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 27.01.2022).

¹² Brunwasser M. Bulgarian journalist critically hurt in attack // The New York Times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2008/09/24/world/europe/24iht-24bulgaria.html> (дата обращения: 19.01.2022).

¹³ Why two journalists investigating EU funds fraud were arrested in Bulgaria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ecpmf.eu/news/threats/why-two-journalists-investigating-eu-funds-fraud-were-arrested-in-bulgaria> (дата обращения: 21.01.2022).

предназначенных для строительства объектов инфраструктуры Болгарии. Основным фигурантом этого коррупционного дела выступает компания «GP Group». Маринова доказывала причастность к нецелевому использованию денежных средств из фондов ЕС премьер-министра Б. Борисова и руководителя компании «Lukoil-Bulgaria» В. Златева¹⁴. Примечательно то, что, несмотря на быструю реакцию Европейской комиссии, потребовавшей скорейшего расследования убийства, болгарское правительство отрицало, что преступление совершено из-за журналистской деятельности В. Мариновой. По официальным данным, гибель журналистки произошла на бытовой почве и была связана с сокрытием другого преступления (изнасилования)¹⁵. Однако этот и подобные ему инциденты позволили Европейской комиссии констатировать тот факт, что при отсутствии свободных СМИ в стране не может идти речи о наличии полноценной демократии.

Стоит отметить и то обстоятельство, что в соседней с Болгарией Словакии убийство журналиста Я. Куцяка, расследовавшего дела о налоговых мошенничествах политиков у себя в стране, вызвало масштабные протесты и отставку правительства Г. Фицо¹⁶. Тогда как убийство В. Мариновой и доказательства, представленные властью после изобличения преступника, не повлекли за собой ни политических протестов, ни постановки вопроса об отставке премьер-министра Б. Борисова.

Резюмируя сказанное, отметим, что в Болгарии, несмотря на наличие монополистических тенденций в печатных СМИ, присутствует конкуренция на медиарынке. С 1989 г. издание различных газет не регулируется законодательно, отсутствует какой-либо ревизионный орган, следящий за количеством опубликованных печатных материалов. На 2007 г. в стране насчитывалось свыше 900 печатных СМИ, однако в последующем из-за частых экономических кризисов их число существенно сократилось.

Несмотря на столь неплохие показатели, свобода болгарских СМИ западными экспертными сообществами оценивается не столь позитивно. Так, например, на основе оценки международной неправительственной организации «Фридом Хаус» в 2018 г. болгарские масс-медиа названы несвободными (занимают 111 место с индексом 32,55 баллов). В 2021 г. положение дел в лучшую сторону не изменилось: 112 место (37,29 баллов). Состояние свободы СМИ в стране в целом было определено как «плохое»¹⁷.

¹⁴ Журналистка Виктория Маринова найдена убитой после эфира о коррупции // BBC News : [сайт]. [08.10.2018]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-45780590> (дата обращения: 23.01.2022).

¹⁵ Поймай меня. Что известно об убийце болгарской журналистки // Телеканал 360° : [сайт]. [18.10.2018]. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/pojmaj-menja> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁶ Последнее расследование убитого журналиста // OCCRP : [сайт]. URL: <https://www.occrp.org/ru/amurderedjournalistslastinvestigation> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁷ Всемирный индекс свободы прессы // Nonews : [сайт]. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/worldwide-press-freedom-index> (дата обращения: 24.01.2022).

Стоит отметить, что индекс свободы слова, предлагаемый «Репортёрами без границ», осуществляющими оценку свободы СМИ в 180 странах на основании целого ряда критериев (независимость, плюрализм, нормативно-правовые ограничения, прозрачность и т. д.), снижается в Болгарии ежегодно с 2000-х гг. Для примера: на 2003 г. страна занимала 34 место в рейтинге, в 2007 г. – 51, а в 2012 г. – 80. В 2018 г. в Индексе свободы Болгария занимала уже 111-е место из 180 представленных в рейтинге стран¹⁸, показав худший результат из всех стран ЕС. В течение 2020 г. показатели Болгарии не изменились, тогда как в 2021 г. на основании данных «Репортёров без границ» страна опустилась ещё на одну позицию, заняв 112 место (снова продемонстрировав худшие показатели среди стран ЕС)¹⁹.

Всё это характеризует болгарскую прессу как испытывающую серьёзные ограничения в свободе информации. В представленном докладе представители экспертного сообщества отметили, что журналисты, проводящие независимые расследования, подвергаются «преследованиям, запугиванию и насилию со стороны государства»²⁰, что негативно сказывается на свободе СМИ. К числу вышеуказанных обстоятельств добавляется и применение властью в Болгарии так называемой «мягкой цензуры», включающей в себя упрощение процедуры лицензирования для проправительственных СМИ, которые в перспективе могут оказывать воздействие на редакционную политику издательств и контент публикуемых материалов.

Не менее важным показателем демократизации любого государства выступает отсутствие либо низкий **уровень коррупции в политической системе** [1, с. 39], что свидетельствует о транспарентности деятельности политических институтов, их подотчётности гражданскому обществу. В Болгарии данная проблема оказывает серьёзное воздействие на общественное сознание и вызывает недоверие со стороны определённой части болгарского социума к аппарату публичной власти. Свидетельством этого может послужить отчёт 2016 г. Центра по изучению демократии в Болгарии, в соответствии с которым было установлено (в ходе опросов болгарских граждан), что в течение жизни каждый пятый гражданин этой страны хотя бы один раз сталкивался с заключением коррупционных сделок (т. е. брал или давал взятку) [7, с. 23].

Подсчитываемый организацией Transparency International индекс восприятия коррупции (ИВК) (чем меньше его значение, тем ниже коррумпированность) неуклонно снижается с конца 1990-х гг. Так, например, в 1998 г. ИВК

¹⁸ World Press Freedom Index // Reporters Without Borders : [сайт]. URL: <https://rsf.org/en/ranking> (дата обращения: 24.01.2022).

¹⁹ Болгария заняла 112-е место по свободе слова // Русская Болгария : [сайт]. [20.04.2021]. URL: <https://rus.bg/obschestvo/obschestvo/32567-bolgariya-zanyala-112-e-mesto-po-svobode-slova> (дата обращения: 24.01.2022).

²⁰ Там же.

в Болгарии был минимальным, составляя всего 29 баллов. В 2000 г. он уже достигал 35 единиц, в 2007 г. – 41, а в 2014 г. – 43 балла²¹. В 2017 г. Болгария была признана самым коррумпированным государством ЕС, и данные показатели не улучшились ни в 2018, ни в 2020 гг.²². К 2021 г. Болгария ещё более ухудшила свои позиции, заняв лишь 78 место в глобальном рейтинге, по-прежнему сохраняя за собой последнее место в ЕС (со средним показателем в 66 баллов по региону)²³. Она уступает по целому ряду антикоррупционных показателей таким странам, как Словения, Мальта, Италия, Польша, Греция и Румыния. Таким образом, на протяжении длительного периода времени ИВК колеблется от 41 до 43 баллов. К числу самых коррумпированных инстанций в стране отнесены государственные и муниципальные органы власти.

Аналогичного мнения придерживаются и представители Европейской комиссии, учтившие болгарских чиновников в хищении 113 млн. евро, которые были предоставлены стране в качестве инвестиций на поддержку речной и морской отраслей с 2014 по 2020 гг.²⁴. Несмотря на задержание ряда высокопоставленных чиновников, подозреваемых в совершённом преступлении в трёх болгарских городах (Бургасе, Софии, Ямболе), похищенные денежные средства вернуть не удалось. Данное обстоятельство позволило Европейской комиссии сделать вывод о ряде проблем, негативно сказывающихся на уровне демократизации страны: аморфная, подверженная частым изменениям законодательная база, создающая негативные условия для ведения бизнеса, высокий уровень коррупции, невысокий уровень доверия граждан судебной системе; это не в последнюю очередь подтверждается тем фактом, что Болгария с 2007 г. (с момента включения её в состав ЕС) находится под евромониторингом за национальными судебными инстанциями и иными органами власти.

На основании доклада Европейской комиссии, созданного в 2017 г., был сделан вывод относительно неисполнения страной в полном объёме ни одной из данных ей рекомендаций²⁵. В связи с тем, что Европейская комиссия признала неудовлетворительными результаты противодействия коррупции в Болгарии, был продлён внешний мониторинг за политическими институ-

²¹ Индекс коррупции в Болгарии 2022 // Take-profit.org : [сайт]. URL: <https://take-profit.org/statistics/corruption-index/bulgaria> (дата обращения: 28.01.2022).

²² «Богадельня Европы»: что не так с Болгарией. Почему уровень жизни в Болгарии оказался самым низким в ЕС // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/08/12396559.shtml?updated> (дата обращения: 28.01.2022).

²³ Коррупция в Болгарии процветает // Бургас : [сайт]. [26.01.2022]. URL: <https://bourgas.ru/korruptsiya-v-bolgarii-procvetaet> (дата обращения: 28.01.2022).

²⁴ «Богадельня Европы»: что не так с Болгарией. Почему уровень жизни в Болгарии оказался самым низким в ЕС // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/08/12396559.shtml?updated> (дата обращения: 28.01.2022).

²⁵ Доклад на Комисията до Европейския Парламент и Съвета 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/comm-2017-750_bg.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

тами в стране²⁶. В начале 2020 г. болгарская прокуратура начала проверку в отношении главы государства Р. Радева в связи с предположением его причастности к коррупционным действиям, связанным с использованием им должностного положения и махинациями с недвижимым имуществом, в период занятия им должности командующего ВВС Болгарии²⁷.

В ответ на действия правоохранителей, поддерживаемых премьер-министром Б. Борисовым, Р. Радев заявил о лишении доверия правительства, обвинив кабинет министров в отстаивании интересов различных лоббистских групп, что может привести к распаду государства. Противоборство президента (избранного в 2017 г. и поддерживаемого большинством избирательного корпуса) и правительства (в лице главы правительства Б. Борисова) завершилось победой главы государства Р. Радева и переизбранием его на второй срок в 2021 г.

Ещё один скандал с коррупционной подоплёкой разразился в марте 2022 г. в связи с изданием Министерством сельского хозяйства Болгарии постановления о запрете добычи мидий весной и летом в акватории Чёрного моря²⁸, что послужило основанием для проведения работниками рыболовецких артелей юго-восточной Болгарии (для которых данный промысел является единственным источником средств к существованию) пикета с требованием снять данные ограничения, а в случае невыполнения данных требований обещанием перекрыть железнодорожные пути и автомобильные трассы.

Частые коррупционные скандалы вызывают недоверие болгар к властным институтам. По сей день контроль над процессами принятия решений в государстве неформально (теневые зоны политики, экономики и юстиции) принадлежит неформальным группировкам преимущественно из числа членов бывшей коммунистической номенклатуры. Коррупция существенно снижает эффект от финансовой помощи ЕС, препятствует принятию Болгарии в Шенгенскую зону ЕС. По оценкам «Freedom House» («Нации в транзите 2018»), Болгария названа полуконсолидируемой демократией²⁹, и, начиная с 2009 г., когда впервые был подготовлен такой отчёт, позиции Болгарии неизменно ухудшаются. Авторы отчёта, апеллируя к усреднённым результатам раз-

²⁶ Еврокомиссия сохранил мониторинг коррупции в Болгарии // Российская газета : [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/05/21/evrokomissii-sohranit-monitoring-korrupcii-v-bolgarii.html> (дата обращения: 28.01.2022).

²⁷ «Идёт дело к распаду государства». Обвиненный в коррупции президент Болгарии по телевизору объявил о недоверии правительству // Новая газета : [сайт]. [04.02.2020]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/04/83774-prezident-bolgarii-lishil-pravitelstvo-svoego-doveriya> (дата обращения: 28.01.2022).

²⁸ В Болгарии рыбаки вышли на акцию протеста // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/society/3529311.html> (дата обращения: 10.03.2022).

²⁹ Zankina E., Gurov B. Nations in Transit 2018. Bulgaria. Country Profile // Freedom House : [сайт]. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/bulgaria> (дата обращения: 27.01.2022).

личных аналитических методик за 2015–2017 гг., отнесли Болгарию к числу электоральных (минимальных) демократий. Такая оценка в полной мере соответствует определению политической системы Болгарии как «дефектной демократии», данной в работах В. Меркеля и А. Круассана [6].

В отчёте 2021 г. «Freedom House» процесс демократизации в Болгарии, несмотря на вступление страны в ЕС и НАТО, проведение президентских, парламентских и иных выборов на транспарентной основе, оценивается как «крайне низкий» в связи с «ослаблением судебной системы», нестабильностью политической системы (в стране за короткий период сменилось три кабинета министров), что сказывается на эффективности борьбы с преступностью и коррупцией. В отчёте также отмечается, что последние двенадцать лет болгарская модель демократии пребывает в стагнации, абсолютно перестав развиваться с 2019 г. По мнению экспертов, страна по-прежнему являет «дефектную демократию» с самыми низкими оценками в графе «коррупция» (4,25 балла) и «независимые СМИ» (4 балла). Страна получила общую оценку демократии всего в 3,29 из 7 баллов и занимает 52-е место, попав в число стран ЕС с самыми низкими оценками демократии (её соседями выступают Венгрия (55-е место) и Румыния (62-е))³⁰.

Проанализировав национальную модель болгарской демократии по трём ключевым критериям: состояние партийной системы и конкуренция партий в борьбе за власть, наличие независимых СМИ и их взаимодействие с аппаратом публичной власти, уровень коррупции и бюрократизации властных структур, – приходим к выводу о наличии как положительных, так и отрицательных тенденций развития институтов демократии в Болгарии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенность Болгарии состоит в том, что процесс демократизации политической системы и переход к рыночной экономике дались стране нелегко, не в последнюю очередь потому, что сопровождались ошибками, допускаемыми руководством государства [2, с. 9]. Не избежала Болгария и тенденций, характерных практически для всех бывших социалистических стран, вставших на путь копирования западной модели политических и экономических отношений без учёта национальных особенностей страны.

Болгария пошла на ряд уступок Западу для того, чтобы войти в состав ЕС и НАТО, однако даже это не изменило отношения к ней с их стороны, по-прежнему считающих Болгарию «дефектной демократией», т. е. демократией с рядом недостатков. Рецепция западной модели демократии во многом

³⁰ The Economist: Болгария продолжает попадать в группу «дефектных демократий» // Nachedeu : [сайт]. URL: <https://www.nachedeu.com/the-economist-болгария-продолжает-попадать-в-группу> (дата обращения: 28.01.2022).

определила евроатлантический курс внутренней и внешней политики страны, проводимый зачастую в ущерб национальным интересам.

Проблемой болгарской демократии является идейная разобщённость болгарского социума, оказывающая влияние на развитие гражданского общества. После всплеска гражданской активности в 1989 г. она быстро пошла на спад из-за неудачно проведённых социально-экономических реформ. Несмотря на то, что на настоящее время в стране действуют различные некоммерческие организации, большинство из них либо малочисленны, либо имеют ограниченные финансовые ресурсы и функционируют в основном в неополитической сфере (образование, культура и т. д.).

Проведённый анализ позволил установить, что проблемы болгарской демократии обусловлены наличием ряда факторов: зависимости СМИ от аппарата публичной власти и финансовых олигархических структур, отсутствия эффективной судебной системы, изменений в партийном ландшафте (увеличения популярности популистских, ультрарадикальных и антиевропейских партий), высокого уровня коррупции. Однако, несмотря на наличие проблем, которые испытывает Болгария, в настоящее время общего кризиса демократии в стране не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Р. А. Противодействие коррупции, как один из ключевых векторов государственной политики: мировой и российский опыт // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 1. С. 38–53. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-38-53
2. Жуковская А. А. Национальный опыт трансформации процессов в республике Болгария // Studia Humanitatis : [сайт]. 2017. № 2. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 28.01.2022).
3. Кандель П. «Балканская» демократия между историей и «транзитологией» // Власть. 2007. № 10. С. 15–25.
4. Карасимеонов Г. Партийная система в Болгарии в 2001–2009 гг.: трансформация и эволюция политических партий // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 1. С. 24–41.
5. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.
6. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (II) // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 20–30.
7. Подчасов Н. А. Тема коррупции в политической жизни современной Болгарии // Страны Восточной Европы: Власть, бизнес, коррупция / отв. ред. Л. Н. Шаншиева. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 23–36.
8. Cristova C. Populism: the Bulgarian case // Sociedade E Cultura. 2010. № 13 (2). P. 221–232.
9. Dawson J. Cultures of democracy in Serbia and Bulgaria: how ideas shape publics. London: Routledge; Farnham: Ashgate, 2014. 212 p.

10. Dawson J., Hanley S. East Central Europe: The Fading Mirage of the "Liberal Consensus" // *Journal of Democracy*. 2016. № 27 (1). P. 20–34.
11. Stanoeva E. Bulgarien: politik der nostalgie // *Transit: Europäische Revue*. 2017. № 50. P. 192–205.
12. Stanoeva E. Illiberal Consensus without an Authoritarian Core: The Case of Bulgaria // *Cultures of History Forum*. 2017. № 12. URL: <https://cultures-of-history.uni-jena.de/> (дата обращения: 27.01.2022). DOI: 10.25626/0068

REFERENCES

1. Alekseev R. A. [Anti-corruption as one of the key vectors of state policy: world and Russian experience]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanii* [The Journal of Political Studies], 2020, vol. 4, no. 1, pp. 38–53. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-38-53
2. Zhukovska A. A. [The National experience of the transformation processes in the Republic of Bulgaria]. In: *Studia Humanitatis*, 2017, no. 2. Available at: www.st-hum.ru (accessed: 28.01.2022).
3. Kandel P. ["Balkan" democracy between history and "transitolog"]. In: *Vlast'* [The Authority], 2007, no. 10, pp. 15–25.
4. Karasimeonov G. [The Party System in Bulgaria 2001–2009: Transformation and Evolution of Political Parties]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow State University Bulletin. Series 12: Political science], 2011, no. 1, pp. 24–41.
5. Carothers T. [End of the transition paradigm]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2003, no. 2, pp. 42–65.
6. Merkel W., Croissant A. [Formal and Informal Institutions in Defective Democracies (II)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2002, no. 2, pp. 20–30.
7. Podchasov N. A. [The topic of corruption in the political life of modern Bulgaria]. In: Shanshieva L. N., ed. *Strany Vostochnoi Evropy: Vlast', biznes, korruptsiya* [Eastern European countries: Power, business, corruption]. Moscow, INION RAN Publ., 2018, pp. 23–36.
8. Cristova C. Populism: the Bulgarian case. In: *Sociedade E Cultura*, 2010, no. 13 (2), pp. 221–232.
9. Dawson J. *Cultures of democracy in Serbia and Bulgaria: how ideas shape publics*. London, Routledge, Farnham, Ashgate, 2014. 212 p.
10. Dawson J., Hanley S. East Central Europe: The Fading Mirage of the "Liberal Consensus". In: *Journal of Democracy*, 2016, no. 27 (1), pp. 20–34.
11. Stanoeva E. Bulgarien: politik der nostalgie. In: *Transit: Europäische Revue*, 2017, no. 50, pp. 192–205.
12. Stanoeva E. Illiberal Consensus without an Authoritarian Core: The Case of Bulgaria. In: *Cultures of History Forum*, 2017, no. 12. Available at: <https://cultures-of-history.uni-jena.de/> (accessed: 27.01.2022). DOI: 10.25626/0068

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.03.2022

Статья размещена на сайте: 04.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Попов Александър Валериев – независимый исследователь (г. София, Республика Болгария); e-mail: A.v.popov@mail.bg

Alexander V. Popov – an independent researcher, (Republic of Bulgaria); e-mail: A.v.popov@mail.bg

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Попов А. В. Демократия в Болгарии: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Popov A. V. Democracy in Bulgaria: achievements and challenges. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК316.77; 070; 323.232; 94(47+477)

Саймонс Г.

Независимый исследователь, г. Уппсала, Королевство Швеция

УКРАИНА И «НЕИЗБЕЖНОЕ» ВТОРЖЕНИЕ РОССИИ: НОВЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОРУДИЯ ПРОПАГАНДЫ И МАНИПУЛЯЦИЙ*

АННОТАЦИЯ

Цель. Обозначить типы пропаганды, используемые основными западными средствами массовой информации до начала Специальной военной операции России, начатой 24 февраля 2022 г.

Процедура и методы. Автор использовал научные источники, посвящённые применению пропаганды, а также подходы средств массовой информации к освещению вооружённых конфликтов. Был проведён критический анализ материалов по данной теме из средств массовой информации за период с ноября 2021 г. по февраль 2022 г. Его результаты позволили выявить идеализированную иерархию в международных отношениях, которую основные западные средства массовой информации используют в своих сообщениях.

Результаты. Результаты данного индикативного исследования показывают, что основные западные средства массовой информации вовлечены в текущие глобальные геополитические трансформационные процессы (переход от однополярности к многополярности), а также указывается, что проамериканские западные державы предпринимают попытки противодействовать подъёму государств, бросивших вызов этой системе, с целью уменьшения их влияния; и таким образом сохранить гегемонию США.

Теоретическая и/или практическая значимость. Применяя пропагандистские методы в сфере международных отношений, новые средства массовой информации играют ключевую роль в попытках манипулирования умами разных слоев общества. И, скорее всего, в будущем эта тенденция будет усиливаться. Основной причиной этого является усиление геополитической напряжённости, результатом которого являются изменения в глобальном миропорядке. В данной статье украинский «кризис» 2020–21 гг. и нарратив западных средств массовой информации о «неизбежном» вторжении России будут использованы в качестве иллюстрации того, как формулируются пропагандистские высказывания для создания эффекта противодействия Российскому влиянию и интересам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пропаганда, конфликт, Украина, Россия, США, манипуляции, средства массовой информации

СТРУКТУРА

Введение

Пропаганда и манипуляция

Средства массовой информации и вооружённый конфликт

Украина: западные средства массовой информации и «неизбежное» вторжение России

Заключение

* Позиция, изложенная в статье, является личной точкой зрения автора.

G. Simons

An Independent researcher, Uppsala, Sweden

UKRAINE AND THE “IMMINENT” RUSSIAN INVASION: NEW MASS MEDIA AS A MEANS OF PROPAGANDA AND MANIPULATION*

ABSTRACT

Aim. The aim of this article is to identify the types of mass mediated propaganda in Western mainstream media sources before the Special Military Operation began on 24 February 2022.

Methodology. The author used academic literature on propaganda use, and mass media approaches to covering armed conflicts. A critical analysis of mass mediated materials of the topic, in the period from November 2021 until February 2022, was used to derive the communicated and signalled idealised hierarchies in international relations by Western mainstream media sources.

Results. The results of this indicative study suggest that Western mainstream media are engaged in the current global geopolitics of transformation (from Unipolar to Multipolar order), and there is an attempt by the US-led Western powers to obstruct the rise of challenging powers and their influence and hence to preserve US hegemony.

Research implications. New mass media is playing a crucial role in attempting to manipulate the minds of different publics with the use of propaganda in the field of international relations. This trend is likely to continue to increase in the future. The underlying reason for this is the increase in geopolitical tensions resulting from a transformation in the global order. In this article, the 2020-21 Ukraine ‘crisis’ and the Western media’s narrative of the ‘imminent’ Russian invasion shall be used to illustrate how the propaganda is formulated for the effect of obstructing Russian interests and influence.

KEYWORDS

propaganda, conflict, Ukraine, Russia, United States, manipulation, mass media

ВВЕДЕНИЕ

Новые средства массовой информации в корне переформатировали способы ведения организованных информационных кампаний [7]. В том, что информация используется как инструмент убеждения и манипуляций, нет ничего нового в истории конфликтов и конкуренции. Это явление приобретает всё более эндемичный характер по мере развития информационных технологий и обострения в глобальной геополитике. «Подобно тому, как Холодная война и эпоха террора осуществлялись посредством информационной войны» [11, р. 149]. Такие средства передачи информации, как пропаганда, могут быть использованы как для объединения, так и для разобщения целевой аудитории, а также для приведения в боевую готовность и мобилизации либо для демобилизации в зависимости от той политической цели, которую преследует организатор процесса передачи информации. Роль, которую играют

* The position stated in the article is the personal point of view of the author.

средства массовой информации в организованной кампании по убеждению, также вполне очевидна в контексте сконструированной Новой Холодной войны, ставшей брендом.

В данной статье рассмотрены два направления, которые сообща работают на усиление геополитической напряжённости и конфликта. Одно направление – это стратегический уровень, где однополярный западно-центрический мировой порядок, сконцентрированный вокруг США, начинает трансформироваться [2]. Другое направление находится на локальном уровне, и это – всевозрастающая геополитическая конкуренция между игроками на международной арене, которая стала возможна после распада Советского Союза. То, что происходит в настоящем, – это борьба между западными соперниками, в результате которой Украина начала распадаться по нескольким направлениям (культура, язык, этническая принадлежность, политика, экономика и т. д.), но всё это привело к патовой ситуации [10]. В связи с этим возникают следующие вопросы: каковы изначальные нарративы манипулятивной пропаганды, которую ведёт Запад на Украине? А также каковы возможные цель и исход этой информационной стратегии?

Настоящая статья состоит из трёх разделов. В первом представлены определение и механизмы работы пропаганды и манипуляции. Во второй части приведены примеры роли и последствий использования средств массовой информации и вооружённого конфликта, где читателям преподносится информационное отображение физического окружения, обработанное с целью создания необходимого восприятия описываемых событий и реакции на них. В заключительном разделе рассматриваются конкретные примеры современного «кризиса» на Украине и нарратив западных СМИ о «неизбежном» вторжении России, а также прямых или косвенных последствий, которых предполагается достичь. Данное исследование охватывает информационную войну, которая происходила до физической военной операции и, следовательно, не затрагивает событий, произошедших после 24 февраля 2022 г.

ПРОПАГАНДА И МАНИПУЛЯЦИЯ

Информационное воздействие – это широкий набор информационных и коммуникационных инструментов, которые используются в войне идей и «реальностей», происходящих параллельно с реальным конфликтом в реальном государстве. Используемая информация может варьироваться от «белой» (правдивой и корректно описанной) до «чёрной» (вводящей в заблуждение и ложно описываемой), могут применяться разнообразные технические и концептуальные средства (такие как: военная хитрость, психологическое воздействие, операции в компьютерных сетях и пропаганда) [8]. В исследовании пропаганды времён Первой мировой войны утверждается, что она имела несколько целей и была связана с конфликтом и политикой.

«Тем не менее война имеет более запутанную связь с процессом пропаганды, чем это обозначено в типологии содержания, и играет роль функциональной и аналитической связи между стратегиями поведения и, следовательно, политикой» [5, р. 221]. Более того, был сделан вывод: «пропаганда является отражением безмерности, рациональности и наличия умысла в современном мире. Она является новой движущей силой общества, поскольку общество разделено и размыто, и над ним, скорее, одержит победу иллюзия, чем применение силы» [5, р. 222].

Оперативное значение пропаганды в войне и политике понятно и очевидно в рамках тех целей, которых хочет достичь пропагандист, и это – лёгкий путь к победе в конфликте или конкурентной борьбе посредством мягкого ниспровержения когнитивной сферы объекта воздействия, а не жёсткого (и непредсказуемого) принуждения к физическим действиям. «Эти технологии могут варьироваться очень широко от символических до физических действий, но центральная и простая цель этих действий заключается в изменении при помощи манипуляций общественного мнения, восприятия и, в конце концов, поведения таким образом, чтобы это было выгодно тем, кто применяет эти технологии» [4, р. IX]. Прогресс в развитии технологий передачи информации не сделал пропаганду чем-то устаревшим. «Средства массовой информации всё еще работают в согласии с интересами элиты» [6, р. 167]. Однако они могут распространять манипуляции и обман гораздо шире и быстрее, чем прежние технологии.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ

Связи между международной нестабильностью, войной и информацией насчитывают почти столетие. Г. Лассуэлл писал: «Первая мировая война являлась признаком дестабилизации, которая с тех пор усилилась, и пропагандисты неустанно обостряли каждую потенциальную возможность довести её до состояния привычного действия, неважно, деструктивного или конструктивного» [5, р. XVII]. В современном глобальном мире регламент и правила ведения войны становятся всё более размытыми как в трактовках, так и на практике. Рочестер [9] отмечает, что в современном нестабильном контексте международных отношений старые правила и средства управления конфликтом больше не применяются согласно новой международной обстановке. В современной системе международных отношений, где «потoki информации сталкивают нас друг с другом, но опасными и часто непредсказуемыми способами» [12, р. 213], они перемешиваются и наполняются другими опасностями и рисками. Таким образом, средства массовой информации могут играть и действительно играют ключевую роль в конфликтах. М. Эскьяер и соавторы [3, р. 207] выдвигают на первое место «центральную роль средств массовой информации и информационных технологий в процессе хаотично-

го конструирования конфликтов, определения их отличительных свойств и очерчивания их системы. Как уже предполагалось, именно с этими постоянными опасениями и связана политика репрезентации. Однако новым здесь является то, что медиатизация привела к появлению таких информационных модальностей, которые оказывают влияние не только на то, как конфликты предъявляются общественности, но и на то, как они разворачиваются».

Главным направлением в западных средствах массовой информации является документирующая роль в покорном патронаже вооружённых конфликтов, созданных для обслуживания политических предпочтений правительств западных государств, которые замаскированы под такие филантропические концепции, как «гуманитарное вмешательство» или «Ответственность по Защите» (R2P). СМИ обеспечивают создание «необходимых» мифов и нарративов, которые поддерживают такую агрессию и одновременно представляют страну, на которую она направлена, злоумышленником, а не жертвой [13]. Другими словами, для того, чтобы добиться одобрения общественности, события освещаются крайне избирательно и субъективно. Это же можно наблюдать и в других средствах передачи информации, «социальные средства массовой информации и общественные отношения являются конструктами, зависящими от логических умозаключений» [7, р. 207]. Эти инструменты и стратегии необязательно контролируют то, как мыслит общественность, однако оказывают влияние на то, о чём она думает.

Как отмечают наблюдатели, мейнстрим в западных средствах массовой информации имеет тенденцию содействовать пропаганде, исходящей от западных правительств и организаций. «Для западных средств массовой информации неважно, какие заявления делают официальные западные источники, которые находятся близко к таким властным структурам, как Белый Дом, Пентагон или Госдеп. Их заявления нужно принимать за чистую монету и при этом не важно, насколько очевидным является их своекорыстие или насколько от них пахнет лицемерием, они должны получать приоритет, указанный этими источниками» [1, р. 158]. Текущий украинский кризис, сконструированный средствами массовой информации, является идеальной иллюстрацией концептуальных и теоретических положений, упомянутых выше.

УКРАИНА: ЗАПАДНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И «НЕИЗБЕЖНОЕ» ВТОРЖЕНИЕ РОССИИ

Утверждение, что русские собираются вторгнуться на территорию Украины, не является чем-то, чего не происходило в недавнем прошлом. Но это наиболее часто транслируемый ложный нарратив, который без конца повторяют западные правительства, организации и средства массовой информации с момента правительственного переворота 2014 г., когда президент

Украины В. Янукович был свергнут при поддержке США и ЕС [1]. Вследствие этого нынешняя фаза военной истерии с привлечением средств массовой информации уже имела место в прошлом, причём по разным поводам. И в прошлом это «неизбежное» вторжение, столь долго провозглашаемое, так в конечном итоге и не было реализовано, несмотря на настойчивые заверения. Распространяемая западными СМИ военная пропаганда по украинскому нарративу о «неизбежном российском вторжении» имеет очевидные геополитические и геоэкономические подтексты и заставляет публику поверить в ничем не подкреплённые утверждения. Именно это является ключом к достижению более крупных геополитических и геоэкономических целей.

Все заголовки в выпусках многих ведущих западных СМИ содержат одно и то же неоспоримое выражение: «неизбежное вторжение [нападение] России на Украину». Примечательно то, насколько широкомасштабно используются схожий язык и риторика, привлекаются одни и те же анонимные западные источники, информация считается неоспоримой или не подлежит обсуждению. Вполне очевидно, что сейчас используется пропагандистский стиль эхо-камеры, который позволяет получить всеобщее одобрение и сформировать общественное восприятие таким образом, чтобы убедить публику в «неизбежности», которая и даёт основания для понимания ситуации как неотложной и экстраординарной. В случае противодействия будет применена такая же тактика. Используемый в сообщениях язык тоже обличительный, однако понять это можно, только если отступить от эмоций и проанализировать его рационально. В то время как некоторые заголовки предупреждали, что русское 'вторжение' является «неизбежным»¹, в другом предсказании утверждалось, что вторжение состоится 16 февраля 2022 г.²; в других отмечалось, что оно «может быть неминуемым»³ – из этого следует, что существует несколько степеней уверенности в достоверности заявления о вторжении. У СМИ есть некое «окно» между уровнями обмана, которое они готовы разыгрывать. Так, Блумберг Ньюс (Bloomberg News) выступили с ложным заявлением о том, что Россия уже вторглась на Украину, а затем опровергли ложную новость неким неправдоподобным объяснением⁴. Развитие

¹ Davis E. U. S. Warns of Imminent Russian Invasion of Ukraine // U. S. News : [сайт]. [11.02.2022]. URL: <https://www.usnews.com/news/national-news/articles/2022-02-11/u-s-warns-of-imminent-russian-invasion-of-ukraine> (дата обращения: 20.03.2022).

² Ward A., Forgey Q. Putin could attack Ukraine on Feb. 16, Biden told allies // Politico : [сайт]. [11.02.2022]. URL: <https://www.politico.com/newsletters/national-security-daily/2022/02/11/putin-could-attack-ukraine-on-feb-16-biden-told-allies-00008344> (дата обращения: 20.03.2022).

³ Herszenhorn D. M. U. S. Warns war could be 'imminent' in Ukraine // Politico : [сайт]. [11.02.2022]. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-russia-european-union-diplomats-leave> (дата обращения: 20.03.2022).

⁴ Statement on Publishing Error // Bloomberg News: [сайт]. [05.02.2022]. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-04/statement-on-publishing-error?fbclid=IwAR0sgf8WT2I9u_xLmk9XUJkpxa0b95_mldEEIqB_WnyhfADOsQQDby492k (дата обращения: 20.03.2022).

украинского кризиса было хорошо прописано в сценарии, чтобы тщательно распределить роли злодеев, жертв и «хороших парней».

Так называемый украинский кризис и угрозы «неизбежного» нападения России можно отследить с ноября 2021 г., когда проходили военные учения России⁵. Тогда западные разведывательные агентства заявляли о массовых скоплениях российских войск «у украинских границ» (т. е. в пределах территории России). Это иллюстрирует важность манипулятивного и вводящего в заблуждение языка информационных сообщений в западных источниках, которым они пользовались для создания впечатления о вторжении, а также для проталкивания своей повестки дня, превращая Россию в пассивный или реактивный объект международных отношений.

Западная коалиция, возглавляемая США, старалась заявить о своих неоднократных попытках дипломатического разрешения ситуации и о том, что именно Россия не была открыта диалогу или конструктивным переговорам, а также о том, что она становится всё более воинственной. Всё это сопровождалось серией театральных драматических сценариев по выводу персонала дипмиссий, а также призывами к иностранным гражданам покинуть страну⁶. И всё же здесь пренебрегли тем основным фактом, что группа под предводительством США говорит, но не слушает, выдвигая требования и используя бестактную форму дипломатии, чтобы заставить Россию пойти на уступки и занять оборонительную позицию⁷. В то же самое время западными лидерами, такими как Дж. Байден, Б. Джонсон, Э. Макрон и О. Шольц, была предпринята попытка составить проект резолюции по «защищающейся» Украине в случае нападения России, чтобы воспользоваться им как предлогом для поставок вооружения на Украину и введения санкций⁸. И всё же спешка с эвакуацией граждан и дипломатических представительств, которая позволяет провести параллели с фиаско 2021 г. в Афганистане, противоречила той видимости трудного решения, которую пытались создать.

Следует отметить, что, хотя фасадом и дымовой завесой являлся постоянно повторяемый нарратив о неизбежном вторжении России на Украину, эта часть всё же является геополитическим механизмом, призванным заста-

⁵ Timeline: How did the recent Ukraine-Russia crisis start? // Al Jazeera : [сайт]. [13.02.2022]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/13/timeline-how-the-ukraine-russia-crisis-reached-the-brink-of-war> (дата обращения: 19.03.2022).

⁶ Taylor C., Wilkie C. U. S. closes its embassy in Kyiv, citing 'dramatic acceleration' of Russian troops // CNBC : [сайт]. [14.02.2022]. URL: <https://www.cnbc.com/2022/02/14/ukraine-asks-for-meeting-with-russia-as-us-warns-invasion-imminent.html> (дата обращения: 19.03.2022).

⁷ Simons G. Modern Diplomacy in an Unstable Global Order: Emotions, Obstruction and Coercion // Valdai Club : [сайт]. [07.02.2022]. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/modern-diplomacy-in-an-unstable-global-order/?fbclid=IwAR1ZqTAsC5jb-47FNI8yigSwCzgpCI_vCa3Nx88N7BJoZ9Z42Psw71gQRx0 (дата обращения: 20.03.2022).

⁸ Chazan G., Olearchyk R., Stacey K. Olaf Scholz to Warn Vladimir Putin of Western Resolve on Ukraine // Financial Times : [сайт]. [13.02.2022]. URL: <https://www.ft.com/content/c61ed027-ca55-43d4-88f1-60f8cde13f6e> (дата обращения: 20.03.2022).

вить Россию оправдываться и защищаться по этому вопросу, что позволит Украине получить возможное преимущество военного разрешения конфликта и занять Донбасс, «завершив» таким образом процесс смены режима, начатый Евромайданом в 2014 г. Особенно это касается того, что западные медиа совершенно не упомянули о разворачивании в этом районе половины армии Украины (пропаганда бездействия). Развёртывание вооружённых сил на территории России было актом военной дипломатии, который должен был сигнализировать о том, что ситуация 2022 г. может пойти по сценарию 2008 г. с Грузией М. Саакашвили.

Это было понятно министру обороны Украины, который публично выступал с призывами сохранять спокойствие и заявлял, что дислокация российских войск не указывает ни на какое неизбежное вторжение⁹. В итоге даже Президент Украины В. Зеленский осознал всю опасность участия в рискованной игре, затеянной США, и возразил Дж. Байдену, что не существует никакого неизбежного нападения России и что разговоры об этом подкосят и так уже слабую украинскую экономику. Более того, он призвал США и его союзников представить доказательства предполагаемого «неизбежного» вторжения¹⁰. Однако на других украинских официальных лиц, присоединившихся к всё усиливающимся призывам к спокойствию и использованию дипломатических методов (таких как посол Украины в Великобритании, который предположил, что Украина даже помыслить не может об уступках относительно членства в НАТО), было оказано сильное давление с целью заставить забрать свои слова обратно¹¹. Все вышеупомянутые украинские политики и дипломаты упоминали, что западные политические лидеры и средства массовой информации разжигают напряжённость и повышают риски в ситуации, где Украина является объектом, а не субъектом событий и процессов.

Поскольку в настоящее время фокус внимания возглавляемых США западных стран сосредоточен на сдерживании и ограничении способности России оказывать влияние на Европу с целью сохранения своей жёсткой власти над ними в этом регионе, Россия постепенно восстанавливается от

⁹ Krasnolutska D., Choursina K. Ukraine's Defense Minister Downplays Risk of Russian Invasion // Bloomberg News : [сайт]. [25.01.2022]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-25/ukraine-s-defense-minister-downplays-risk-of-russian-invasion> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁰ Collinson S. New discord between Ukraine and US plays right into Putin's hands // CNN : [сайт]. [28.01.2022]. URL: <https://edition.cnn.com/2022/01/28/politics/president-joe-biden-zelensky-putin-russia-ukraine/index.html> (дата обращения: 20.03.2022); Ukraine's president asks for evidence on new Russia invasion warnings // Fox 29 Philadelphia : [сайт]. [13.02.2022]. URL: <https://www.fox29.com/news/ukraine-president-possible-russia-invasion-warnings> (дата обращения: 20.03.2022).

¹¹ Isachenkov V., Coates S. Ukrainian ambassador forced to walk back claims nation could drop NATO bid // The Sydney Morning Herald : [сайт]. [14.02.2022]. URL: <https://www.smh.com.au/world/europe/ukraine-could-drop-nato-bid-to-avoid-war-uk-ambassador-20220214-p59we9.html> (дата обращения: 20.03.2022).

последствий распада Советского Союза. Красной линией стало постепенное продвижение НАТО за пределы, обозначенные в 1989 г., которое так и не прекратилось. Для США не было бы «проблемой», если бы Россия так и не пришла в себя и стала бы зависимым государством. Однако дела обстоят по-другому, поскольку Россия берёт курс на более независимую и настойчивую позицию в международной политике и политике безопасности. Несмотря на отрицание того факта, что обещания или заверения об ограничении расширения НАТО на восток всё-таки были даны, существует множество доказательств обратного¹². Эти две несовместимые геополитические позиции необходимо принимать во внимание, если хочется понять, к каким итогам стремится США.

У США есть два стратегических императива, посредством которых они пытаются создать образ сильного государства и отделиться от союзных государств, сателлитов и государств-соперников путём манипуляций и массовой пропагандистской кампании, целью которой является создание необходимого впечатления и нужной реакции. Один из таких стратегических императивов – геополитический. Его цель – удерживать Германию в зависимости от интересов и требований США положении и не позволить ей сформировать независимое мышление и образ действий¹³. Отсюда вытекает второй стратегический императив – геоэкономический: саботировать завершение и ввод в действие газопровода Северный поток – 2 и, таким образом, блокировать для России источник доходов и влияния под превентивным предлогом о «неизбежном вторжении России на Украину»¹⁴, создавая препятствия для осуществления целей и задач внешней политики России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во введении к данной статье было обозначено два вопроса: каковы изначальные нарративы манипулятивной пропаганды, которую ведёт Запад на Украине? Каковы возможные цель и исход этой информационной стратегии? Ответ на оба вопроса, поскольку они, в сущности, взаимосвязаны, – это чрезвычайно манипулятивный поток информации, где пропаганда использует как заведомую клевету, так и ложь, основанную на преднамеренных ошибках. Можно различить разные виды пропаганды – громкие заявления,

¹² Wiegrefe K. Is Vladimir Putin right? // Spiegel International : [сайт]. [15.02.2022]. URL: <https://www.spiegel.de/international/world/nato-s-eastward-expansion-is-vladimir-putin-right-a-bf318d2c-7aeb-4b59-8d5f-1d8c94e1964d> (дата обращения: 20.03.2022).

¹³ Whitney M. The crisis in Ukraine is not about Ukraine. It's about Germany // Ron Paul Institute : [сайт]. [15.02.2022]. URL: www.ronpaulinstitute.org/archives/featured-articles/2022/february/15/the-crisis-in-ukraine-is-not-about-ukraine-its-about-germany (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁴ Cookman L. Nord Stream 2: Why Russia's pipeline to Europe divides the West // Al Jazeera : [сайт]. [25.02.2022]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/1/25/ukraine-russia-what-is-nord-stream-2-and-why-is-it-contentious> (дата обращения: 20.03.2022).

красивые общеполитические призывы, подтасовывание фактов и приписывание себе победы. Все они направлены на создание многоуровневого воздействия на когнитивную сферу целевой аудитории. Сюда можно отнести и удержание Украины в состоянии страха и зависимости от США с целью проталкивания повестки вступления в НАТО, чтобы сделать страну податливым зависимым государством. В отношении России преследуется цель заставить её обороняться и уступать в сфере международных отношений. Результатом станет попытка создания когнитивного игрового поля, где всё будет подчинено интересам США. Подъём России в контексте мирового порядка, трансформирующегося в сторону не западноцентричного многополярного мира, рассматривается как прямой вызов однополярному порядку, установленному США, и как нечто, требующее противодействия. На Украине, несомненно, преследуются несколько геополитических и геоэкономических целей, но более важным является то, что Украина оказалась средством и предложением для того, чтобы создать впечатление кризиса, а также поводом взять под контроль информационные потоки вокруг спроектированного кризиса с целью ограничить Россию и Германию в выборе оперативных средств. Это – геополитическая игра в покер с высокими ставками, где восприятие является козырем над реальностью.

Перевод с английского Е. В. Приказчиковой

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Boyd-Barrett O. Western mainstream media and the Ukraine crisis: A study in conflict propaganda. New York: Routledge, 2017. 209 p.
2. Cooley A., Nexon D. Exit from hegemony: The unravelling of the American global order. New York: Oxford University Press, 2020. 280 p.
3. Eskjaer M. F., Hjarvard S., Mortensen M. The dynamics of mediatized conflicts. New York: Peter Lang, 2015. 221 p.
4. Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda and persuasion: New and classic essays. Thousand Oaks: Sage, 2006. 287 p.
5. Lasswell H. D. Propaganda technique in World War 1. Cambridge: MIT Press Classic, 1971. 233 p.
6. MacLeod A. Propaganda in the information age: Still manufacturing consent. Abington: Routledge, 2019. 171 p.
7. Motion J., Heath R. L., Leitch S. Social media and public relations: Fake friends and powerful publics. New York: Routledge, 2016. 224 p.
8. Paul C. Information operations doctrine and practice: A reference handbook. Westport, CT: Praeger Security International, 2008. 175 p.
9. Rochester J. M. The new warfare: Re-thinking rules for an unruly world. New York: Routledge, 2016. 159 p.
10. Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the borderlands. London: I. B. Tauris, 2016. 347 p.

11. Snow N. Information war: American propaganda, free speech and opinion control since 9-11. New York: Seven Stories Press, 2003. 173 p.
12. Trere E. Hybrid media activism: Ecologies, imaginaries, algorithms. New York: Routledge, 2019. 222 p.
13. Zollmann F. Media, propaganda and the politics of intervention. New York: Peter Lang, 2017. 276 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.03.2022

Статья размещена на сайте: 16.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Саймонс Грегори Джон – независимый исследователь (Швеция); e-mail: gregmons@yahoo.com

Gregory J. Simons – an independent researcher (Sweden); e-mail: gregmons@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Саймонс Г. Украина и «неизбежное» вторжение России: новые средства массовой информации как орудия пропаганды и манипуляций // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Simons G. Ukraine and the “imminent” Russian invasion: new mass media as a means of propaganda and manipulation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 327.8

Шаройченко Н. Д.*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ «МЯГКОЙ СИЛЕ» РОССИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЁРСТВА

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать использование структурами ЕС применяемых ими понятий «гибридные угрозы» и «мягкая сила» в контексте политики России по отношению к странам Восточного партнёрства, являющимся зоной столкновения стратегических интересов РФ и ЕС.

Процедура и методы. Представления ЕС о так называемых «гибридных угрозах» и «мягкой силе» России, а также особенности противодействия им исследуются с помощью анализа теоретических подходов и дискурс-анализа.

Результаты. Демонстрируется, что «мягкая сила» России в отношении стран Восточного партнёрства определяется структурами ЕС как «гибридная угроза».

Теоретическая и практическая значимость. В данной статье раскрываются понятия «мягкой силы» и «гибридных угроз» применительно к России, ЕС и странам Восточного партнёрства в условиях всё более частого использования данных терминов в международных отношениях и их неоднозначной трактовки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейский Союз, гибридные угрозы, мягкая сила, Глобальная стратегия Европейского Союза, Россия, Восточное партнёрство

СТРУКТУРА

Введение

«Гибридные угрозы» и «мягкая сила»: теория и практика

Основные виды «гибридных угроз» для ЕС в Восточном партнёрстве и противодействие им

Заключение

N. Sharoichenko*Lomonosov Moscow State University
Lomonosovskiy prosp. 27 str. 4, Moscow 119991, Russian Federation*

EUROPEAN UNION POLICY IN THE AREA OF COUNTERING SOFT POWER OF RUSSIA IN THE STATES OF THE EASTERN PARTNERSHIP

ABSTRACT

Aim. To analyze how the EU perceives the concepts “hybrid threats” and “soft power” in the context of Russian policy towards the Eastern Partnership states, which are a zone of clashing strategic interests of Russia and the EU.

Methodology. The research on the EU's perception of the so-called hybrid threats and soft power of Russia and the peculiarities of countering them is carried out using analysis of theoretical approach and discourse analysis.

Results of the study show that Russia's soft power relating to the Eastern Partnership states is viewed as a hybrid threat by the EU.

Research implications. The article explores and clarifies the terms "soft power" and "hybrid threats" applied to Russia, the EU and the Eastern Partnership countries considering the fact that these notions are used more and more frequently in International Relations and are interpreted ambiguously.

KEYWORDS

European Union, hybrid threats, soft power, European Union Global Strategy, Russia, Eastern Partnership

ВВЕДЕНИЕ

Глобальная стратегия Европейского союза «Общее видение, общие действия: более сильная Европа», утверждённая в июле в 2016 г., обозначила новый, мультинаправленный и комплексный характер обеспечения безопасности в Европе. Одними из ключевых проблем «защиты Союза», помимо терроризма, экономической нестабильности и изменения климата, стали так называемые «гибридные угрозы»¹. Данный термин изначально относился к военным операциям и сформировался вследствие развития концепции гибридных войн, активно используемой США в контексте борьбы с терроризмом, работы НАТО и потенциальных угроз со стороны России [8, р. 28; 1, с. 7]. ЕС признаёт, что понятие «гибридные угрозы» является «политически субъективным»² и ему сложно дать точное определение, так как оно простирается от сфер информационной безопасности и критической инфраструктуры до подрывания авторитета правительств и влияния на общественное мнение [11, р. 148]. При этом самым общим объяснением концепции являются «сложности, создаваемые местным влиянием сильных государств, не входящих в ЕС», к которым ЕС в своей сфере влияния («соседстве») относит Турцию, Китай, Саудовскую Аравию³ и главным образом Россию [5, р. 64; 10, р. 13, 97]. Таким образом, «гибридные угрозы» являются частью интерпретации Европейским союзом политической реальности современных международных отношений и напряжённых отношений с Россией.

¹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения: 23.12.2020).

² Fiott D., Parkes R. Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats [Электронный ресурс] // EUISS Chailot Paper 151. April 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (дата обращения: 23.12.2020).

³ Countering hybrid threats: EU and the Western Balkans case [Электронный ресурс]. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU\(2018\)603851_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU(2018)603851_EN.pdf) (дата обращения: 23.12.2020).

Данная работа ставит целью изучение содержания понятия «гибридные угрозы» для ЕС, а также рассмотрение мер противодействия данным «угрозам» после принятия Глобальной стратегии 2016 г. Для этого в статье с помощью дискурс-анализа будет исследовано, как ЕС воспринимает «гибридные угрозы» и определяет необходимые ответные действия на примере столкновения интересов ЕС и России в странах Восточного партнёрства⁴. Данное направление политики является самым ярким примером использования термина «гибридные угрозы» и его переплетения с понятием «мягкая сила», что особенно типично для внешнеполитической стратегии ЕС по отношению к России [14, p. 72–73].

Актуальность данного исследования обусловлена развитием политического дискурса по проблематике «гибридных угроз» как в отношениях России и ЕС, так и в российско-американских⁵, евро-китайских⁶ и американо-китайских отношениях⁷. «Гибридные угрозы» находятся в фокусе множества стратегических документов западных государств (например, меморандум НАТО об учреждении Европейского центра передового опыта по противодействию «гибридным» угрозам, План ЕС по борьбе с дезинформацией⁸, Стратегический план ЕС на 2019–2024 гг.⁹).

«ГИБРИДНЫЕ УГРОЗЫ» И «МЯГКАЯ СИЛА»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Европейский совет по внешней политике определяет «гибридные угрозы» как «использование спонсированных государством акторов, не всегда признающих себя государственными, не применяющих физическое насилие, цель которых – заставить объект угрозы подчиниться стратегическим интересам агрессора», и называет их троянским конём современности для

⁴ Восточное партнёрство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euneighbours.eu/ru/policy/vostochnoe-partnerstvo> (дата обращения: 25.12.2020).

⁵ Ball J. To Counter Hybrid Threats, U.S. Must Redefine Conception of Warfare // Global Security Review : [сайт]. [07.06.2019]. URL: <https://globalsecurityreview.com/reconceptualizing-acts-foreign-aggression> (дата обращения: 25.12.2020).

⁶ China as Hybrid Threat in Central and Eastern Europe // China Observers : [сайт]. [23.10.2020]. URL: <https://chinaobservers.eu/china-as-hybrid-threat-in-central-and-eastern-europe> (дата обращения: 25.12.2020).

⁷ Speranza L. China Is NATO's New Problem // Foreign Policy : [сайт]. [08.07.2020]. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/08/china-nato-hybrid-threats-europe-cyber> (дата обращения: 25.12.2020).

⁸ Action Plan against Disinformation: Report on Progress [Электронный ресурс] // European Commission. June 2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/factsheet_disinfo_elex_140619_final.pdf (дата обращения: 25.12.2020).

⁹ A New Strategic Agenda for the EU // European Council, Council of the European Union : [сайт]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/eu-strategic-agenda-2019-2024> (дата обращения: 25.12.2020).

безопасности ЕС¹⁰. Так, «гибридные угрозы» представляются неким промежуточным звеном между понятиями «мягкой» и «жесткой» сил, являясь по своим методам и практике реализации первой, но по своему масштабу и серьёзности для оценки угроз безопасности соответствуя второй. Именно из-за этого качества «гибридных угроз» ответ на них со стороны ЕС должен охватывать множество зон ответственности в политике, из-за чего «гибридные угрозы» и были внесены в Глобальную стратегию 2016 г. среди других крайне важных проблем, с которыми сталкивается Европа на пути к обеспечению своей безопасности и реализации внешнеполитических целей [18, р. 378; 7, р. 1262].

В отчётах европейских исследовательских центров и аналитических агентств часто можно встретить синонимичное употребление фраз «противодействие мягкой силе» / «влиянию» / «пропаганде» / «угрозам» в отношении России¹¹. По мнению эксперта «Вышеград Инсайт», преподавателя Карлова университета (Чехия) А. Кажарски, использование термина «мягкая сила» в отношении России некорректно, поскольку сам термин Россию представляет «извращённо», подразумевая «манипуляцию и дезинформацию»¹². Автор утверждает, что определение «мягкой» силы, по Дж. Наю, одному из главных теоретиков международных отношений современности, отражало чёткий контраст по отношению к «жесткой», грубой, военной силе и не предусматривало «угроз и взяток» [20, р. 157; 21, р. 75; 25, р. 255]. Подобные явления также наблюдаются, по мнению Кажарски, в китайской политике, что в очередной раз подтверждает концептуальное группирование России и Китая в блок, противостоящий целям и ценностям европейской политики¹³. Сам Дж. Най в 2018 г. разработал новый термин «sharp power» («острая сила») в отношении России и Китая, включающий в себя то, о чём писал Кажарски: информационное влияние, кибератаки и фейковые новости [2, с. 23; 12, р. 326]. Най отметил, что, если методы «мягкой» силы используются для распространения враждебной информации и обмана со стратегическими

¹⁰ Gressel G. Protecting Europe against hybrid threats // European Council on Foreign Relations: [сайт]. [25.06.2019]. URL: https://ecfr.eu/publication/protecting_europe_against_hybrid_threats/ (дата обращения: 27.12.2020).

¹¹ Kazharski A. To the Kremlin and Back Again: What Western Commentators Don't Get about "Russian Soft Power" // Visegrad Insight: [сайт]. [24.02.2020]. URL: <https://visegradinsight.eu/to-the-kremlin-and-back-again-soft-power/> (дата обращения: 27.12.2020); Актырк S. Five Faces of Russia's Soft Power // PONARS Eurasia Policy Memo No.623. November 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr623_Akturk_Nov2019_1.pdf (дата обращения: 27.12.2020); Lomtadze G. Russia's Soft and Hard Power in Georgia // Institute for Development of Freedom of Information: [сайт]. [17.03.2017]. URL: https://idf.ge/en/russias_soft_and_hard_power_in_georgias (дата обращения: 27.12.2020).

¹² Kazharski A. Указ. ист.; Hybrid threats // Kingdom of Belgium, Foreign Affairs, Foreign Trade and Development Commission: [сайт]. URL: https://diplomatie.belgium.be/en/policy/policy_areas/peace_and_security/hybrid_threats (дата обращения: 27.12.2020).

¹³ Kazharski A. Указ. ист.

целями, эта сила уже не «мягкая», и такое «продвижение» страны на мировой арене необходимо пресекать¹⁴.

С точки зрения А. Казанцева (МГИМО) и П. Рутленда (Университет Уэслиан, США), неприятие «мягкой силы» России на постсоветском пространстве объясняется боязнью ЕС усиления влияния РФ в странах Восточного партнёрства. Даже Беларусь, самое дружественное к РФ государство, якобы опасается потери собственного суверенитета и передачи политической власти Москве [23, р. 403]. В целом влияние России после событий в Грузии в 2008 г. и присоединения Крыма, которое, что примечательно, отдельно упоминается в Глобальной стратегии 2016 г. в контексте поддержки Украине¹⁵, расценивается как негативное и трактуется как «гибридная угроза» – угроза политического и информационного влияния. Авторы приводят цитату Президента РФ В. В. Путина: «образ России за рубежом создаётся не нами, он часто искажён и не отражает реальной ситуации...» – и при этом подчёркивают, что Россия «поздно вступила в гонку по “мягкой силе”, и её действия в Грузии и Украине, недостаточная экономическая власть и информационные скандалы, ассоциирующиеся со СМИ “Россия Сегодня”, не позволяют России использовать “мягкую силу” по назначению» [23, р. 410]. Всё это заставляет западные страны видеть в действиях России продолжение «шпионских» методов советской эпохи и «жёсткой» силы¹⁶. Как отмечает Ю. Киселева, российское понимание «мягкой силы» называют «гегемонистским», поскольку оно исходит из восприятия Россией себя как «великой державы», которая хочет «догнать и перегнать» другие сильные государства [16, р. 318].

Как видим, граница между «мягкой силой» и «гибридными угрозами» во внешнеполитическом восприятии России Европейским союзом очень условна. «Стандартная» «мягкая сила» (по теории Дж. Ная) ЕС и его партнёров демонстрируется в позитивном ключе и в Глобальной стратегии ЕС 2016 г.¹⁷, и во множестве документов органов ЕС, особенно Европейской службы внешних связей (ЕСВС)¹⁸, подчёркивается её важность в контексте обеспечения справедливого мирового порядка, в то время как влияние России рассматривается в негативном ключе по умолчанию.

¹⁴ Nye J. S. How Sharp Power Threatens Soft Power // Foreign Affairs : [сайт]. [24.01.2018]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 27.12.2020).

¹⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Указ. ист.

¹⁶ Леонтьев М. Мягкая сила // Однако : [сайт]. [09.02.2016]. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/myagkaya-sila-realnaya-effektivnaya-yavlyayetsya-proekciy-zhestkoy-sili> (дата обращения: 27.12.2020).

¹⁷ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. Указ. ист.

¹⁸ Several Outlets – Europe Must Learn Quickly to Speak the Language of Power // EEAS : [сайт]. [29.10.2020]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/87754/several-outlets-europe-must-learn-quickly-speak-language-power_en (дата обращения: 28.12.2020).

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ «ГИБРИДНЫХ УГРОЗ» ДЛЯ ЕС В ВОСТОЧНОМ ПАРТНЁРСТВЕ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ

Для определения «гибридных угроз» для ЕС в контексте отношений с Россией и со странами Восточного партнёрства, выявления способов борьбы с ними данное исследование в первую очередь опиралось на отчёт Института ЕС по исследованиям безопасности (ISS) – агентства ЕС, занимающегося экспертным анализом вопросов внешней политики, политики безопасности и обороны¹⁹. Флагманский отчёт «Защищая Европу: ответ ЕС на “гибридные угрозы”» – один из важнейших для анализа документов по этой теме в целом, богат на детализацию и анализ угроз конкретно со стороны России по отношению к ЕС и странам Восточного партнёрства. Турция и Китай, также появляющиеся в списке стран-источников «гибридных угроз», упоминаются всего несколько раз каждый, в то время как в каждом разделе документа речь идёт о России, часто непосредственно со словом «угроза» в одном предложении²⁰.

Отчёт начинается с утверждения, что «в Украине – и не только – ЕС старается противостоять враждебным действиям России», которые являются «нетрадиционными, гибридными угрозами» ключевым основам политики и безопасности ЕС²¹. Таким образом, область применения понятия «гибридных угроз» для ЕС сразу обозначается в отношении России и стран Восточной Европы. Данные «действия» подразделяются на три ключевых группы: *пограничное влияние, критическая инфраструктура и влияние в информационном поле*. В качестве объектов анализа в данной работе были выбраны первая и третья группы, так как второй раздел отчёта посвящён именно ЕС и различным аспектам его безопасности в отношении инфраструктуры.

Касаемо пограничного влияния авторы отчёта подчёркивают, что угрозой для стран перекрёстного влияния ЕС и России со стороны последней являются не «солдаты в зелёной форме без опознавательных знаков, пересекающие границы Украины», а целый комплекс геополитических факторов, связанных со столкновением интересов ЕС и России в регионе и безопасностью шенгенской зоны. По утверждению ISS, Россия занимается анти-европейской пропагандой, политизируя Шенгенское соглашение и распространяя «искажённую» информацию о приёме мигрантов и беженцев на территории ЕС²². Так, в отчёте говорится о том, что Россия распространяет информацию среди соседей, что Европа «закрывается» от России и стран постсоветского пространства, а украинцам и молдаванам выдаёт визы «бесконтрольно», чтобы

¹⁹ European Union Institute for Security Studies (EUISS) // European Union : [сайт]. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/agencies/iss_en (дата обращения: 29.12.2020).

²⁰ Fiott D., Parkes R. Specified source.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

сделать ЕС для них более привлекательным и поддержать «революции»²³. В документе также указывается, что ЕС намерен противостоять «агрессивной паспортизации» России в Грузии в качестве противовеса «прецеденту» упрощения виз для граждан Украины и Молдовы, что привлекало внимание ряда исследователей и до издания отчёта [17, р. 1467; 4, р. 94; 9, р. 497]. При этом в данном разделе отчёта не говорится о каких-либо тесных связях в постсоветском пространстве как факторе распространения российского влияния и «мягкой силы», что часто встречается у исследователей из государств Восточного партнёрства²⁴. Это, с одной стороны, говорит об отсутствии или игнорировании «внутренних» инсайтов и, с другой стороны, демонстрирует фокус исключительно на аспектах права пересечения границ. В данном случае Россия соблюдает все правила и также рассматривает среди приоритетов внешнеполитической деятельности охрану государственных границ, особенно в контексте рубежей НАТО²⁵.

Ответами на данный тип «гибридных угроз» ЕС видит развитие систем обмена информацией между странами-членами ЕС и их партнёрами, что уже активно реализуется в рамках мандата Агентства ЕС по безопасности внешних границ Frontex²⁶ и восточноевропейской повестки ECBC, и перераспределение средств, выделяемых на охрану границ, с целью покрыть расходы именно на борьбу с «нетрадиционными» угрозами. Больше всего в этой сфере проявляется нарратив «солидарности», т. к. в отчёте делается акцент на объединённые действия стран-членов ЕС и их восточных партнёров против возникающих угроз и «уязвимости», подчёркиваются их серьёзность и важность выработки мер защиты от них для ЕС и его соседей.

Пожалуй, самым разнообразным и интересным для анализа аспектом «гибридных угроз» в контексте России и Восточного партнёрства является информационно-коммуникационная сфера и кибербезопасность. Раздел, посвящённый этой теме в отчёте, назван «Сердца и умы» и начинается с громких слов «Не верьте правде». Как было подмечено в вышеупомянутой статье П. Рутленда и А. Казанцева, ISS часто ссылается на историю: на пропаганду СССР в период Холодной войны «против США и их союзников», которыми

²³ Fiott D., Parkes R. Specified source.

²⁴ Gogolashvili K. et al. Hybrid Threats in EaP Countries: Building a Common Response [Электронный ресурс] // Eastern Partnership Civil Society Forum. Tbilisi, Chisinau, Kyiv, Erevan, Brussels, 2019. URL: https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Policy-paper_2019_EN_hybrid-threats-in-eap-and-common-response.pdf (дата обращения: 29.12.2020).

²⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30.11.2016) // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkB6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 29.12.2020).

²⁶ Frontex: European Border and Coast Guard Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://frontex.europa.eu> (дата обращения: 29.12.2020).

тогда являлись активно кооперирующиеся страны Европы, и на отдел «Д» («дезинформация») в КГБ. В наше же время, по мнению авторов отчёта, доминирует не пропаганда, а дезинформация, которая влечёт за собой «нарушение доверия, антипатию» и «разрозненность» (множество раз повторяющийся нарратив), что имеет более глубокие последствия как для внутренней, так и для внешней политики ЕС, особенно в отношении восточных соседей²⁷. В связи с этим указывается, что необходимо реагировать на угрозы, адаптируясь к современным условиям информационного общества и демонстрируя «устойчивость» («resilience») ЕС и его соседей, упомянутую в Глобальной стратегии 2016 г. и означающую адаптацию к внешним событиям и эффективное реагирование на угрозы [3, с. 104; 15, р. 4].

С точки зрения ЕС, основной площадкой распространения «гибридных угроз» и негативно воспринимаемой «мягкой силы» России в данном случае часто являются социальные сети. ISS отмечает распространённость проправительственных «пустых» аккаунтов в Фейсбуке²⁸ и Твиттере, комментирующих события в странах Восточного партнёрства. Активность российских пользователей в Твиттере отмечали многие исследователи и аналитические агентства, подчёркивая распространение через него влияния России и пропаганды, например, во время Чемпионата мира по футболу в 2018 г. [19, р. 1].

Якобы усиливает «информационные угрозы» со стороны России фактор распространённости русского языка в странах Восточного партнёрства, из-за чего, с точки зрения ЕС, искажённая информация гораздо быстрее распространяется в данных государствах и усиливает негативное влияние РФ на население и политику соседних стран, даже в контексте дружественного сотрудничества, политической и экономической помощи²⁹. В рамках проекта «Восточное партнёрство 2.0» были опубликованы работы, поясняющие опасность пропаганды на русском языке для обществ Украины, Молдовы и Грузии, а также для восточноевропейского направления политики ЕС в целом³⁰. Особенно часто эта тема поднималась в Украине, где в июле 2019 г. был принят закон, исключивший русский язык из списка официальных, который

²⁷ Fiott D., Parkes R. Указ. ист.

²⁸ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории РФ с 21 марта 2022 г. (прим. ред.).

²⁹ Gotişan V. Russian soft power in Moldova: fake news, media propaganda and information warfare // Zentrum Liberale Moderne : [сайт]. [24.08.2020]. URL: <https://libmod.de/en/russian-soft-power-in-moldova-fake-news-media-propaganda-and-information-warfare> (дата обращения: 29.12.2020).

³⁰ Yermolenko V. Why Russian soft power is a threat for both Ukraine and Europe // Zentrum Liberale Moderne : [сайт]. [25.08.2020]. URL: <https://libmod.de/en/why-russian-soft-power-is-a-threat-for-both-ukraine-and-europe> (дата обращения: 29.12.2020).

Совет Европы счёл слишком радикальным³¹, а МИД РФ – противоречащим Конституции самой Украины³².

Рис. 1 / Fig. 1. Заголовок интернет-статьи “Чего добился прокремлёвский медиастратег в Беларуси?” / Internet Article Headline “What Have Pro-Kremlin Media Strategist Achieved in Belarus?”

Источник: What have pro-kremlin media strategists achieved in Belarus? //

EU vs DisInfo : [сайт]. URL: <https://euvsdisinfo.eu/what-have-pro-kremlin-media-strategists-achieved-in-belarus> (дата обращения: 29.12.2020).

В качестве основного инструмента по борьбе с дезинформацией выделяется Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (ЕС СтратКомм), созданная ЕСВС в 2015 г. после присоединения Россией Крыма для помощи делегациям ЕС в странах Восточного партнёрства [6, р. 137]. Главным проектом этой группы является «EU vs DisInfo» (ЕС против дезинформации), сайт с новостной аналитикой и базой данных по информационным угрозам от России [24, р. 1667; 22, р. 428]. Новостные статьи отличаются саркастическим тоном и сопровождаются концептуальными изображениями по теме (рис. 1, 2, 3). EU vs DisInfo также регулярно собира-

³¹ State Language Law of Ukraine fails to strike balance between strengthening Ukrainian and safeguarding minorities' linguistic rights, says Venice Commission // Council of Europe Communications : [сайт]. [06.12.2019]. URL: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/re-sult_details.aspx?ObjectId=09000016809933ef (дата обращения: 29.12.2020).

³² МИД счёл закон об украинском языке противоречащим Конституции Украины // РБК : [сайт]. [25.04.2019]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc1b8a89a79475385f006df> (дата обращения: 29.12.2020).

ет статистику по дезинформации, отражая, сколько случаев дезинформации произошло за период (месяц, неделя), на каких языках, какие главные темы были подняты в «искажённых» статьях. На сайте представлен и поиск по странам, датам и событиям, отражающий материалы, которые ЕС считает дезинформирующими.

Рис. 2 / Fig. 2. Заголовок интернет-статьи “Крёстный отец, Содом и русская угроза” / Internet Article Headline “The Godfather, the Sodom and the Russian Threat”.
 Источник: The Godfather, the Sodom and the Russian threat // EU vs DisInfo: [сайт]. URL: <https://euvvsdisinfo.eu/the-godfather-the-sodom-and-the-russian-threat> (дата обращения: 29.12.2020).

Важно также отметить, что, исходя из опыта создания ЕС СтратКом-ма и развития проектов по борьбе с дезинформацией в Южном соседстве и Балканском регионе в 2018 г., Европейская комиссия выпустила Коммюнике по борьбе с онлайн-дезинформацией и Кодекс практик по борьбе с дезинформацией³³. Данные документы обозначили запуск программы «медиаграмотности» в ЕС и соседних странах – специальных сайтов и материалов, доступных для общественности, на которые ЕС сделал основную ставку в борьбе с «гибридными угрозами» и «негативным» влиянием России [13, р. 28]. В программу входил и «пакет по выборам», подразумевающий разбор дезинформирующих новостей о выборах и обучение навыкам определения фейковых утверждений, в частности, на примере

³³ Communication – Tackling online disinformation: a European Approach // European Commission : [сайт]. [26.04.2018]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (дата обращения: 02.02.2021).

Украины³⁴. Как отмечает ISS, важно не только понять, какие новости являются «ложными», но «шагнуть дальше» и «критически определить, какие акторы стоят за данными новостями и какие цели они преследуют»³⁵.

Рис. 3 / Fig. 3. Заголовок интернет-статьи “Борьба с вирусом дезинформации: издание из Грузии” / Internet Article Headline “Fighting the Disinformation Virus: Georgia Edition”.

Источник: Fighting the disinformation virus: Georgia Edition // EU vs DisInfo : [сайт]. URL: <https://euvdisinfo.eu/fighting-the-disinformation-virus-georgia-edition> (дата обращения: 29.12.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сказать, что Европейский союз трактует «мягкую» силу России как «гибридную угрозу» в отношении стран Восточного партнёрства. Практически любое влияние России на соседей во многих европейских исследованиях и отчётах приравнивается к пропаганде и угрозам, что демонстрирует общий нарратив и понимание «гибридных угроз» в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. «Мягкая сила» России для ЕС представляется «искажённой» и больше соответствующей новому виду «острой» силы по Дж. Наю, использующейся для «обмана» и «распространения враждебной информации», что не соответствует «классической» «мягкой силе», по мнению западных политологов.

«Гибридные угрозы», связанные с пограничным влиянием России в странах Восточного партнёрства, понимаются в разрезе манипуляции ин-

³⁴ Fiott D., Parkes R. Указ. ист.

³⁵ Там же.

формацией и политических решений, направленных на привлечение граждан этих государств и создание положительного образа России, что является критичным в контексте разделения и конкуренции интересов России и ЕС в данных странах и особых визовых условий ЕС для граждан Украины и Молдовы.

Информационная сфера, коммуникации и дезинформация занимают крайне важное место в политике ЕС. Влияние России в регионе рассматривается как способ насаждения её интересов и пропаганда. Для борьбы с российским влиянием в ЕС созданы агентства и специальные информационные проекты, приняты планы действий и тематические документы. Все эти факты, а также ведущие нарративы в тексте отчёта о «гибридных угрозах» Института ЕС по исследованиям безопасности говорят о том, что именно распространяемая Россией информация более всего страшит Европейский Союз. Россия рассматривается Европой как опасный конкурент в битве за «сердца и умы» жителей стран Восточного партнёрства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозеров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. Т. 23. № 9. С. 5–11.
2. Леонова О. Г. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28
3. Романова Т. А., Павлова Е. Б. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 6. С. 102–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109
4. Addemer E., Delcour L. With a little help from Russia? The European Union and Visa Liberalization with Post-Soviet States // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 57. № 1. P. 89–112. DOI: 10.1080/15387216.2016.1178157
5. Bajarūnas E., Kerdžanskas V. Hybrid Threats: Analysis of Content, Challenges Posed and Measures to Overcome // Lithuanian Annual Strategic Review. 2018. Vol. 16. № 1. P. 62–70.
6. Bjola C., Pamment J. Digital Containment: Revisiting Containment Strategy in the Digital Age // Global Affairs. 2016. Vol. 2. № 2. P. 131–142.
7. Carrapico H., Barrinha A. The EU as a Coherent (Cyber) Security Actor? // Journal of Common Market Studies. 2017. Vol. 55. № 6. P. 1254–1272. DOI: 10.1111/jcms.12575
8. Casey G. C. America's Army in an Era of Persistent Conflict // Army Magazine. 2008. Vol. 58. № 10. P. 19–28.
9. Delcour L. 'You Can Lead a Horse to Water, but You Can't Make It Drink': the EU's and Russia's Intersecting Conditionalities and Domestic Responses in Georgia and Moldova // European Politics and Society. 2018. Vol. 19. № 4. P. 490–505.

10. Europe's Hybrid Threats: What Kinds of Power Does the EU Need in the 21st Century? / ed. G. Sadik. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. 135 p.
11. Giumelli F., Cusumano E., Besana M. From Strategic Communication to Sanctions: The European Union's Approach to Hybrid Threats // A Civil-Military Response to Hybrid Threats / ed. E. Cusumano, M. Corbe. London: Palgrave Macmillan; Cham, 2018. P. 145–167. DOI: 10.1007/978-3-319-60798-6_8
12. Gvosdev N. K. Is Russia Sabotaging Democracy in the West? // Orbis. 2019. Vol. 62. № 3. P. 321–333. DOI: 10.1016/j.orbis.2019.05.010
13. Hossov6 M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society // Media Literacy and Academic Research. 2018. Vol. 1. № 2. P. 27–35.
14. Huseynov V. Soft Power Geopolitics: How Does the Diminishing Utility of Military Power Affect the Russia-West Confrontation over the "Common Neighbourhood" // Eastern Journal of European Studies. 2016. Vol. 7. № 2. P. 71–90.
15. Juncos A. E. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? // European Security. 2017. Vol. 26. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809
16. Kiseleva Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power // Politics. 2015. Vol. 35. № 3-4. P. 316–329. DOI: 10.1111/1467-9256.12100
17. Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. № 8. P. 1461–1482.
18. Mälksoo M. Countering Hybrid Warfare as Ontological Security Management: The Emerging Practices of the EU and NATO // European Security. 2018. Vol. 27. № 3. P. 374–392.
19. Meier H. E. et al. Politicization of a Contested Mega Event: The 2018 FIFA World Cup on Twitter // Communication & Sport. 2019. № 1-26. P. 1–20. DOI: 10.1177/2167479519892579
20. Nye J. S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171.
21. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
22. Ördén H. Deferring Substance: EU Policy and the Information Threat // Intelligence and National Security. 2019. Vol. 34. № 3. P. 421–437.
23. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's 'soft power' // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9 (3). P. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287
24. Wagnsson C. Normative Power Europe Caving In? EU under Pressure of Russian Information Warfare // Journal of Common Market Studies. 2018. Vol. 56. № 5. P. 1161–1177. DOI: 10.1111/jcms.12726
25. Wigell M. Hybrid Interference as a Wedge Strategy: A Theory of External Interference in Liberal Democracy // International Affairs. 2019. Vol. 95. № 2. P. 255–275.

REFERENCES

1. Belozerv V. K., Solov'ev A. V. [Hybrid War in the Domestic Political and Scientific Discourse]. In: *Vlast'* [The Authority], 2015, vol. 23, no. 9, pp. 5–11.
2. Leonova O. G. [Sharp Power – The New Technology of Influence in a Global World]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 2, pp. 21–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28
3. Romanova T. A., Pavlova E. B. [Resilience in the European Union and Russia: Essence and Perspectives of the New Concept]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 6, pp. 102–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-102-109
4. Addemer E., Delcour L. With a little help from Russia? The European Union and Visa Liberalization with Post-Soviet States. In: *Eurasian Geography and Economics*, 2016, vol. 57, no. 1, pp. 89–112. DOI: 10.1080/15387216.2016.1178157
5. Bajarūnas E., Kerđanskas V. Hybrid Threats: Analysis of Content, Challenges Posed and Measures to Overcome. In: *Lithuanian Annual Strategic Review*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 62–70.
6. Bjola C., Pamment J. Digital Containment: Revisiting Containment Strategy in the Digital Age. In: *Global Affairs*, 2016, vol. 2, no. 2, pp. 131–142.
7. Carrapico H., Barrinha A. The EU as a Coherent (Cyber) Security Actor? In: *Journal of Common Market Studies*, 2017, vol. 55, no. 6, pp. 1254–1272. DOI: 10.1111/jcms.12575
8. Casey G. C. America's Army in an Era of Persistent Conflict. In: *Army Magazine*, vol. 58, no. 10, pp. 19–28.
9. Delcour L. 'You Can Lead a Horse to Water, but You Can't Make It Drink': the EU's and Russia's Intersecting Conditionalities and Domestic Responses in Georgia and Moldova. In: *European Politics and Society*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 490–505.
10. Sadik G., ed. Europe's Hybrid Threats: What Kinds of Power Does the EU Need in the 21st Century? Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2017. 135 p.
11. Giumelli F., Cusumano E., Besana M. From Strategic Communication to Sanctions: The European Union's Approach to Hybrid Threats. In: Consumano E., Corbe M., eds. *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*. London, Palgrave Macmillan, Cham, 2018, pp. 145–167. DOI: 10.1007/978-3-319-60798-6_8
12. Gvosdev N. K. Is Russia Sabotaging Democracy in the West? In: *Orbis*, 2019, vol. 62, no. 3, pp. 321–333. DOI: 10.1016/j.orbis.2019.05.010
13. Hossov6 M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society. In: *Media Literacy and Academic Research*, vol. 1, no. 2, pp. 27–35.
14. Huseynov V. Soft Power Geopolitics: How Does the Diminishing Utility of Military Power Affect the Russia-West Confrontation over the "Common Neighbourhood". In: *Eastern Journal of European Studies*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 71–90.

15. Juncos A. E. Resilience as the New EU Foreign Policy Paradigm: A Pragmatist Turn? In: *European Security*, 2017, vol. 26, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1080/09662839.2016.1247809
16. Kiseleva Y. Russia's Soft Power Discourse: Identity, Status and the Attraction of Power. In: *Politics*, 2015, vol. 35, no. 3-4, pp. 316–329. DOI: 10.1111/1467-9256.12100
17. Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia. In: *Europe-Asia Studies*, 2009, vol. 61, no. 8, pp. 1461–1482.
18. Mälksoo M. Countering Hybrid Warfare as Ontological Security Management: The Emerging Practices of the EU and NATO. In: *European Security*, 2018, vol. 27, no. 3, pp. 374–392.
19. Meier H. E., Mutz M., Glathe J., et al. Politicization of a Contested Mega Event: The 2018 FIFA World Cup on Twitter. In: *Communication & Sport*, 2019, no. 1-26, pp. 1–20. DOI: 10.1177/2167479519892579
20. Nye J. S. Soft Power. In: *Foreign Policy*, 1990, vol. 80, pp. 153–171.
21. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.
22. Ördén H. Deferring Substance: EU Policy and the Information Threat. In: *Intelligence and National Security*, 2019, vol. 34, no. 3, pp. 421–437.
23. Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's 'soft power'. In: *Journal of Political Power*, 2016, no. 9, vol. 3, pp. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287
24. Wagnsson C. Normative Power Europe Caving In? EU under Pressure of Russian Information Warfare. In: *Journal of Common Market Studies*, 2018, vol. 56, no. 5, pp. 1161–1177. DOI: 10.1111/jcms.12726
25. Wigell M. Hybrid Interference as a Wedge Strategy: A Theory of External Interference in Liberal Democracy. In: *International Affairs*, 2019, vol. 95, no. 2, pp. 255–275.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.03.2021

Статья размещена на сайте: 06.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаройченко Наталья Дмитриевна – аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: nsharoychenko@gmail.com

Natalia D. Sharoychenko – Postgraduate Student, Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nsharoychenko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Шаройченко Н. Д. Политика Европейского Союза по противодействию «мягкой силе» России в странах Восточного партнёрства // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Sharoichenko N. D. European Union policy in the area of countering soft power of Russia in the states of the Eastern partnership. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 378

T. Krotenko*State University of Management**Ryazanskiy prosp. 99, Moscow 109542, Russian Federation*

FUTURESHOCK AND CONTINUOUS DEVELOPMENT: EXPANDING THE SPACE OF EDUCATION AND MOBILITY OF THE PERSON

ABSTRACT

Aim. The purpose of the work is to consider the concept of “personality mobility” as a concept of education that is significant in the context of a permanent futureshock.

Methodology. The following methods were used: a) analysis of theoretical ideas about lifelong education, personal mobility, transdisciplinarity and continuity of education of a professional of the future; b) analysis of pedagogical and research experience in the field of modern education; c) local expert survey; d) content analysis of respondents’ answers to open-ended questions.

Results. Based on the study, the article presents a look at the purpose of education and knowledge in the life of a modern person acting in the information society. It is proved that continuous education is no longer an arbitrary choice of a person, but an imperative, not only social and economic, but physical, emotional, cultural.

Research implications. Conclusions are drawn about the need in the context of “educational impact” to diagnose the temporal properties of the subject of learning, for example, in order to assess the appropriateness of a particular learning step, assess a person’s readiness to present his level of learning, assess a particular stage of individual development in terms of sensitivity to the next portion knowledge, assessment of motivation, desire for the next “reset” and resumption of learning.

KEYWORDS

education, concepts of continuous education, personal mobility, self-education, permanent education, development, futureshock

СТРУКТУРА

[Introduction](#)[Materials and methods of research](#)[Research results](#)[Discussion of the results of the study](#)[Conclusion](#)

Кротенко Т. Ю.

Государственный университет управления
109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99, Российская Федерация

ФУТУРОШОК И НЕПРЕРЫВНОЕ РАЗВИТИЕ: РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть понятие «мобильность личности» как значимый в условиях перманентного футурошока концепт образования.

Процедура и методы. Использованы методы: а) анализ теоретических представлений о непрерывном образовании, мобильности личности, трансдисциплинарности и непрерывности обучения профессионала будущего; б) анализ педагогического и исследовательского опыта в сфере современного образования; в) локальный экспертный опрос; г) контент-анализ ответов респондентов на открытые вопросы.

Результаты. В статье на основании исследования представлен взгляд на предназначение образования и знаний в жизни современного человека, действующего в информационном обществе. Доказывается, что непрерывное образование – это уже не произвольный выбор человека, а императив, не только социальный и экономический, но физический, эмоциональный, культурный.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сделаны выводы о необходимости в контексте «образовательного воздействия» диагностировать темпоральные свойства субъекта учения, например, с целью оценки уместности того или иного обучающего шага, оценки готовности человека предъявлять свой уровень обученности, оценки того или иного этапа индивидуального развития с точки зрения сензитивности к очередной порции знания, оценки мотивации, стремления к очередной «перезагрузке» и возобновлению обучения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образование, концепты непрерывного образования, мобильность личности, самообразование, перманентное обучение, развитие, футурошок

INTRODUCTION

Today's subject of activity is a person who is forced not only to quickly and efficiently adapt to exponential transformations, but also to change the world around him in an innovative way, which neither the cognitive paradigm of pedagogy of the 20th century, nor the level of world scientific and technological progress of the last century assumed [9]. Education, given and received "once and for all", did not require personal mobility, it honestly provided the opportunity to perform professional functions at the required level [5].

Now, speaking of mobility, most often they mean two aspects of this phenomenon in psychology and pedagogy – mobility as a process, and mobility as a special quality of a person.

Considering mobility as a process in education, they usually mean the means and conditions of education that make it possible to form socially important qual-

ities at different age stages. Speaking of mobility as an integrative quality of a person, in this way they designate the ultimate goal, the result of educational and upbringing activities. In both cases, signs of mobility are singled out: high activity, rapid adaptability, personal interest in each action performed by the subject, enchanting creativity, unlimited openness, meaningful orientation in the information space, etc. [7].

The American sociologist and culturologist, a native of Russia, P. Sorokin, proposing the term “mobility” in the first third of the 20th century, spoke of moving from one social position to another [11]. There was a significant division into horizontal and vertical mobility. This meant, first of all, a change in status (both individual and group). Subsequent, already European, sociological studies affected the mobility of citizens and student students, discussed the rapid personal growth of the moving subject, the strengthening of human potential, guaranteed employment as a result of the emergence of powerful intercultural experience in the exchange of knowledge, enrichment of the inner world, the development of language skills, individual cultural progress. In the Soviet years, the term “mobility”, most often understood as geographical movement, was avoided and condemned the phenomenon behind it, while practically not affecting the personal structure of a mobile person, his positive features, development processes. The weakening of the ideological spring, the explosion of interest in the topic of “movements” led to the active scientific development of mobility issues [2]. In most cases, the researchers considered the youth contingent, seeing in it the embodiment of the idea of speed, the courage to search and discover, the desire for novelty, craving for travel and road adventures. Mobility channels have become another focus of scientists’ attention. Downward social mobility has been studied in conjunction with social inequality in post-Soviet societies.

For pedagogical science, research became landmark at the beginning of the 21st century. The terms “professional mobility”, “academic mobility” appear. The interest in this issue was influenced by the integration processes in education, in particular, the adoption of the Bologna Declaration in 1999. Parallel study at another, usually foreign university (as a sign of academic mobility), according to this document, is an essential part of the educational process. And university professors are subjects of professional mobility. Mobility is seen as one of the forms of training planning, which implies unhindered education, conducting high-quality scientific research [6]. One way or another, mobility is still a movement, according to P. Sorokin, from one social position to another, even if the physical position of the subject remains the same.

Further, there are studies emphasizing the possibility of influencing mobility in order to activate other processes in the life and activity of the subject. In particular, the impact of mobility on the quality of education is considered.

Mobility as an integrative property of a person is being actively developed by sociologists, psychologists, teachers, and economists. The terms “cognitive

mobility", "communicative mobility", "information mobility", "innovative mobility", "cultural mobility" appear. The reason for the surge of interest in this topic is in the processes of the world order, in the steady development of scientific and technological progress, in the transition from the knowledge paradigm in education to the developing one [12].

Personal mobility in the educational context is interpreted as the ability to realize the goals of the action, to calculate the probability of their achievement under certain conditions and methods, setting on the "mobilization" of diverse external capabilities, individual abilities and internal resources, the ability to analyze the results, formed and maintained at the working level of educational motivation, plasticity, flexibility, vigor, high speed of decision-making, efficiency of actions, unlimited openness to new experience. These qualities are an attribute of a mobile personality, they are part of a person and manifest themselves constantly, and not only in certain situations. Mobility within the framework of continuing education is developing and forming, and the cultivation of mobility is possible in all age categories. True, each age is sensitive to a certain type of mobility. Adults, despite the established mental stereotypes, models of social and professional behavior, experience discomfort from the feeling of their incompetence, worry about their authority. The mobility of people in adulthood is poorly understood, but there are many examples of the education of older people. The accumulated life experience and wisdom do not leave them and give them the strength to improve their educational level, the courage to learn from talented young people. Mobility is essential for them to feel needed, in demand, useful. In order to navigate the world around them, people of the third age master information and communication technologies, applied sciences, and learn foreign languages [1].

Social values that accompany the development of society in a historical and cultural context are constantly undergoing transformational processes, which, although proceeding slowly, are quite tangible. The dynamics of these changes is set by the course of sociocultural development.

The educational space of a person is also being transformed, and clearly in the direction of increasing the mobility of the individual. Personal mobility provides a person with the ability to quickly change their status or position in the sociocultural environment. The formation and development of this personal quality is a reflection of the requirements of the development of society and the individual. Change the pace, speed, efficiency, intensity, efficiency.

In the modern information and innovative society, we see signs of the realization of the idea of K. D. Ushinsky that the main goal of human education should be only the person himself, and not the state, people, culture, humanity – they must exist primarily for the person.

Education, understood as an institution of socialization, can ensure the continuity of positive experience, the creative growth of the individual. The formation

of mobility is one of the serious tasks of lifelong education, which is responsible for the development of the individual throughout life.

MATERIALS AND METHODS OF RESEARCH

As a methodological basis for the analysis of the theoretical and practical aspects of modern education and the proposed conclusions, the scientific content of the official websites of Russian and foreign organizations offering educational services was used. The presence in the content of their educational activities of the terms “sustainable development”, “personal mobility”, “transdisciplinarity”, “continuous education” was significant. Of research interest were the opinions of experts (mainly teachers of higher educational institutions and secondary school teachers), who daily face the problems and opportunities of the modern learning space in their educational activities. The author’s research uses such methods as: a) analysis of theoretical ideas about permanent education, personal mobility, transdisciplinarity and continuity of education of a professional of the future; b) analysis of pedagogical and research experience in the field of modern education; c) a local expert survey conducted in October 2021 in an online format – during the quarantine period, acute problems of permanent learning manifested themselves clearly; d) content analysis of answers to open questions offered to respondents. Sixty-four survey participants answered a number of such questions:

1. What, in your opinion, is the essence of personal mobility?
2. How does modern education, understood as an institution of socialization, ensure the mobility of the individual?
3. Designate the directions of self-education that are important for the future, in your opinion?
4. What are the difficulties along the way?

RESEARCH RESULTS

The following can be seen from the responses of the respondents. Our working contemporary fears hateful exploitation to a lesser extent than worries about the fact that tomorrow he will simply not be needed. When working overtime, a person, at least with secret pride, feels his own need. Today, the release of the labor force is no longer a nightmare, but a merciless reality. Of course, this fear is removed by the fact that we are witnessing the emergence of new professions, previously unfamiliar forms of employment and self-employment. The question is whether people will be able to “restart” themselves in order to fill vacancies and find a use for themselves in “free flight”. The cascade of technical and technological transformations involves an individual “reboot” every 5–7 years – this is quite often and energy-intensive for one human life – there is a serious

reason to worry. This is the opinion of the vast majority of respondents (93%). The adaptation of the labor market and the education system to technical and technological progress is inevitable, the question is how painless this adaptation will be for each individual. Responsive adaptation is required – one's own knowledge, skills, behaviors – to the rapidly changing needs of the world and the labor market [8].

The common sayings “maturity is wise”, “young-green” are not 100% relevant today – as a rule, the helm of successful startups is daring, agile, flexible youth, who have something to learn from the older generation as well. Learning new skills is becoming the norm, and the need for people who can learn on their own and continuously is increasing. Although there is another regularity: there is an abundance of books, online courses, webinars, workshops, podcasts, educational programs, speeches by interesting speakers, entertaining and useful tabs and other educational materials, and there are not very many workers who take the initiative in self-development [3].

There is a conscious understanding of the need to learn, but the global problem of self-discipline prevents self-education (from the answers of 74% of respondents). And this problem has its roots in the education system itself: at school and university, we are taught to know, not to learn. There is another “thin spot” (according to 54% of respondents): there is a shortage of diagnostic tools for tracking and measuring one's own knowledge and skills, which make it possible to understand which competencies already exist and which ones need to be formed, which a non-professional psychologist could use, and the layman. On-line platforms have now begun to appear on the market (for example, as part of the Degreed startup), serving the needs of self-diagnosis. This tool, in addition to everything else, makes it possible to identify “gaps” and motivate yourself, it stimulates you to develop further, build up competencies, and not hold on to old diplomas and certificates.

Respondents identify several areas of self-education.

First, it makes sense to keep abreast of innovative development constantly and with a great deal of responsibility for one's own existential and professional future (67% of responses). New technologies create niches for businesses. What will people want tomorrow? What can be offered in response to their desires? How to transform a market need into a business solution? These questions should be answered not only by futurological predictors, trend forecasters, and strategy developers, but by every responsible person who is interested in non-standard and promising solutions.

Secondly, the time is not far off when genetic engineering, the development of biotechnology and artificial intelligence, joining hands, will present the long-awaited results to the world: slowing down the aging process and extending life (ideally, immortality, in which case the singularity will change course of history); strengthening and expanding the functionality of the brain, up to wire-

less telepathy, transmission of thoughts at a distance, recording “volatile” ideas, multiplication of sensory, cognitive capabilities, memory; circulation of medical nanorobots in the circulatory system to restore cells, nourish and remove waste, which radically changes the idea of habitual food intake; use of new methods of fertilization and scanning of embryos for ultra-early diagnostics; victory over many diseases that were considered incurable; the emergence of “human bodies 2.0”; the creation of such nanotechnology that could fully explain the work of the human brain; accurate computer modeling of the organs of the human body, even parts of the brain; the formation of an artificial reality that is indistinguishable from the real one, where it is quite possible to “upload the mind”, projecting bodies – in fact, you won’t even need special equipment for immersion in virtual reality – implanting nanocells in the brain will save a person from this concern (56% of answers).

If we accept all of the above as desirable, possible, necessary and useful technologies for mankind, exhausted by problems, then it is still not entirely clear what to do with such predictable novelties: “human bodies 3.0” will appear without the usual bodily form, with a custom-made appearance – cybernetically super-improved and “loaded” people will become commonplace, they will spend most of their time in virtual reality, in the “matrix”; self-organizing nanorobots capable of “producing” any objects will be widely distributed. The head is spinning, but there is also a “comforting” prediction: the extermination of mankind by machines is unlikely ... Maybe because the essential differences between man and machine will disappear?

Thirdly, career coaches predict that at the peak of demand there will be a multipotential – a person who quickly, without painful self-determining searches, abstracts from the basic specialty, rebuilds his attitudes with lightning speed and adapts to changes and new conditions of activity, boldly plunges into new areas. Of course, a subject so rare today should not be a loner. It is extremely important for him to understand the inner world of colleagues, the emotional state of the same people with superpowers. Empathy is not given to everyone, but it is still a competitive advantage of people over robots, which means it is worth developing. The true vocation of the multipotential is to remain oneself, not to selflessly hold on to that specialty that may disappear tomorrow. Having chosen such a difficult path, a person must realize the power of his scale and versatility, learn how to integrate the useful from different areas of activity, plunge headlong into the unknown, “throw overboard” the load of standards and professional stamps without pity (37% of respondents discuss this problem).

Fourthly, there is one more direction of movement (34% of respondents). Since innovation is the brainchild of teamwork, the world will value leaders who are able not only to perform the basic functions of management with high quality, but also to build a competitive organizational culture of the company, create a

creative working atmosphere. These managers must have the skills to professionally solve the psychological problems of human capital management, know how to optimize organizational interaction, integrate the interests of the participants in this interaction and coordinate their activities. To know the basics of general and social psychology, sociology and psychology of work, the psychological characteristics of managerial activity, managerial thinking, the personality of a manager, the psychological aspects of the main functions of management (planning, organization, control, regulation, coordination, activation, research), accompany the connecting processes of management (communication and managerial decision-making), understand group dynamics and problems of subordinates and leaders, manage intergroup relations, prevent and resolve conflicts using different styles, inspire people to work – in a word, clearly understand how the human capital of an organization is formed, and do it confidently. He needs to be able to analyze the level of general development and professional qualifications of the staff, to know the methods for determining and evaluating personal and professional competencies, to accompany the processes of development and change in the organization.

DISCUSSION OF THE RESULTS OF THE STUDY

Respondents discuss the issue that self-education should be “launched” through different channels. It is impossible to limit oneself only to work, one must “remember the spirit and soul”, and they are nourished and healed by music, literature, painting, architecture, sculpture, theater, cinema. The human uniqueness, inherited from culture, is not yet able to be replaced by a machine. Communication with objects of art forms human qualities in a person, and here the computer is still powerless [10].

Now it becomes clear: continuous education is no longer an arbitrary choice of a person, but an imperative, and not only social and economic, but physical, emotional, cultural. A person gains momentum not only when he is under threat of dismissal, but also when he suddenly realizes that the more he knows and learns, the more he needs to know and learn [4].

And one more thing: for “self-winding” to constant learning and for regulating the individual practice of self-development, it is necessary to remember: the higher the level of intermediate action, the higher the quality of the final work; with the advent of a “critical mass” of knowledge on a specific issue in a particular person, a period of understanding of a broader context, sparkling ideas, insights, and bright discoveries begins. The saying “the road will be mastered by the one who walks” illustrates another law of self-development: the meager improvements and transformations made by a person today can lead to rewards and long-awaited success tomorrow. And in order to maintain enthusiasm, you can use achievement charts, where individual progress is obvious.

CONCLUSION

So, returning to the topic of personal mobility and continuous self-education, it should be clarified. Living and acting in the informational and educational spheres at the same time, every time a person has to “rediscover” himself anew. And this is not a psychological and pedagogical metaphor. In the context of “educational impact”, it becomes necessary to diagnose the temporal properties of the subject of learning, for example, in order to assess the appropriateness of a particular learning step, assess a person’s readiness to “externalize” his level of learning, assess a particular stage of individual development in terms of sensitivity to the next portion knowledge, assessment of motivation, desire for the next “reset” and resumption of learning. After all, while the possibilities of the brain and body of a person are not unlimited.

In order to take the first steps towards increasing the volume and quality of knowledge and skills suitable for all times, in order to avoid a “future shock”, a person must first become a little more curious, and then accustom himself to continuous self-education. If we discuss the problem on the scale of the educational space of a person, then it is also being transformed, and clearly in the direction of increasing the mobility of the individual. Personal mobility provides a person with the ability to quickly change their status or position in the sociocultural sphere. Change the pace, speed, efficiency, intensity, efficiency of activities. The formation and development of these personal qualities is a reflection of the requirements of the development of society and the individual.

REFERENCES

1. Bermous A. G. [Representation of standardization of pedagogical education in field approach]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek: nauchnyi elektronnyi zhurnal* [Lifelong Education: The 21st century: Scientific journal], 2019, no. 3 (27). Available at: il21.petsru.ru (accessed: 15.01.2022).
2. Endovitsky D. A. [Inter-university cooperation as an important component of improving work efficiency]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education], 2021, no. 3, pp. 5–9.
3. Kamnev V. M. [On the concept of media education]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2020, no. 3, pp. 9–12. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-9-12
4. Kicherova M. N., Zyuban E. V., Muslimova E. O. [Non-formal and Informal learning: international recognition practices]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2020. no. 1, pp. 126–158. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-126-158
5. Kozlova T. A. [Modern philosophy of education and modern philosophical anthropology: common problems and ways of interaction]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek: nauchnyi elektronnyi zhurnal* [Lifelong Education: The

- 21st century: Scientific journal], 2019, no. 3 (27). Available at: lll21.petsru.ru (accessed: 15.01.2022).
6. Kolesnikova I. A. [On retrospective reflection of the individual educational way]. In: *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek: nauchnyi elektronnyi zhurnal* [Lifelong Education: The 21st century: Scientific journal], 2017, no. 4 (20). Available at: lll21.petsru.ru (accessed: 15.01.2022).
 7. Kramarenko N. S., Kryukov E. V. [Microlearning in teacher lifelong education in the VUCA world]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.01.2022).
 8. Rosin V. M. [Reflection of the bases of interdisciplinary study of sociality]. In: *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2020, no. 1, pp. 64–73. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-64-73
 9. Skripkina T. P. [Transitive-turbulent society: problems of personality and education]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 15.01.2022).
 10. Solyankina L. E. [Realization of digital technologies in the process of formation of professional and personal position of students]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education], 2021, no. 1, pp. 78–81.
 11. Sorokin P. A. *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Moscow, Academia Publ., 2005. 588 p.
 12. Yakovleva O. V. [Strategies of educational activities in the digital environment: issues of professional education for future teachers]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education], 2021, no. 1, pp. 96–100.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бермус А. Г. Репрезентация стандартизации педагогического образования в полевом подходе // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный журнал. 2019. № 3. URL: lll21.petsru.ru (дата обращения: 15.01.2022).
2. Ендовицкий Д. А. Сотрудничество вузов как важная составляющая повышения эффективности их работы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 3. С. 5–9.
3. Камнев В. М. О понятии медиаобразования // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 9–12. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-9-12
4. Кичерова М. Н., Зюбан Е. В., Муслимова Е. О. Неформальное образование: международный опыт признания компетенций // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 126–158. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-126-158

5. Козлова Т. А. Современная философия образования и современная философская антропология: совместные проблемы и пути взаимодействия // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный журнал. 2019. № 3 (27). URL: lll21.petrsu.ru (дата обращения: 15.01.2022).
6. Колесникова И. А. Опыт ретроспективной рефлексии индивидуального образовательного пути // Непрерывное образование: XXI век: научный электронный журнал. 2017. № 4 (20). URL: lll21.petrsu.ru (дата обращения: 15.01.2022).
7. Крамаренко Н. С., Крюков Е. В. Микрообучение в непрерывном образовании педагога в мире VUCA // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.01.2022).
8. Розин В. М. Рефлексия оснований междисциплинарного изучения социальности // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 64–73. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-1-64-73
9. Скрипкина Т. П. Транзитивно-турбулентное общество: проблемы личности и образования // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.01.2022).
10. Солянкина Л. Е. Реализация средств цифровых технологий в процессе формирования профессионально-личностной позиции обучающихся // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 1. С. 78–81.
11. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005. 588 с.
12. Яковлева О. В. Стратегии образовательной деятельности в цифровой среде: вопросы профессионального воспитания будущих педагогов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2021. № 1. С. 96–100.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.01.2022

Статья размещена на сайте: 06.05.2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Krotenko Tatyana Yurievna – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Management Theory and Organization, State University of Management; e-mail: krotenkotatiana@rambler.ru

Кротенко Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и организации управления Государственного университета управления; e-mail: krotenkotatiana@rambler.ru

FOR CITATION / ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Krotenko T. Yu. Futureshock and continuous development: expanding the space of education and mobility of the person. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Кротенко Т. Ю. Футушок и непрерывное развитие: расширение пространства образования и мобильность личности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.07

Чижикова Е. С., Крамаренко Н. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И УСТАНОВОК НА РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ У ДЕВУШЕК (НА ПРИМЕРЕ МЕГАПОЛИСА)

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение особенностей ценностных ориентаций девушек с разными типами социальной установки на рождение детей.

Процедура и методы. Для проведения исследования использовались методика М. Рокича «Ценностные ориентации», шкала суммарных оценок Р. Лайкерта и авторская методика экспресс-диагностики социальной установки на деторождение Е. С. Чижиковой. Для анализа данных применялись *T*-критерий Стьюдента и корреляционный анализ данных.

Результаты. Были выявлены особенности ценностных ориентаций девушек с разными типами социальной установки на деторождение, а также определены место ценности «рождение детей» в общей структуре ценностей, особенности её взаимосвязи с другими ценностями.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование вносит вклад в изучение ценностных ориентаций как психологической детерминанты социальной установки на деторождение. Полученные данные могут являться основой для разработки теоретической модели социальной установки на рождение детей с целью реализации возможности психологической коррекции и формирования позитивных установок на рождение детей и родительство.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная установка, ценностные ориентации, семья, рождение детей

СТРУКТУРА

Введение

Методики исследования

Результаты исследования

Обсуждение результатов

Закключение

E. Chizhikova, N. Kramarenko

*Moscow Region State University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

INTERRELATION OF VALUE ORIENTATIONS AND ATTITUDES TOWARDS THE BIRTH OF CHILDREN AMONG GIRLS (ON THE EXAMPLE OF A METROPOLIS)

ABSTRACT

Aim. Study of the value orientations of girls with different types of social attitudes towards having children.

Methodology. The study used Value Orientations methodology of M. Rokeach, Likert Total Rating Scale and the author's instant diagnostics methodology of social attitudes towards childbearing. Correlation analysis and Student's T-test were used to analyse the data.

Results. The peculiarities of value orientations of girls with different types of social attitudes towards having children were identified, as well as the place of the value "having children" in the general value system, and the peculiarities of its relationship with other values.

Research implications. The study contributes to the study of value orientations as a psychological determinant of social attitudes towards childbearing. The data obtained can form the basis for the development of a psychological model of social attitudes towards childbearing, in order to realise the possibility of its psychological correction and the formation of positive attitudes towards childbearing and parenthood.

KEYWORDS

social attitude, value orientations, family, childbirth

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящего исследования является изучение особенностей ценностных ориентаций девушек с разными типами социальной установки на рождение детей.

Одной из главных социально-экономических проблем современного общества является демографическая проблема – снижение рождаемости и увеличение смертности. Согласно данным по естественному движению населения, за последние годы число родившихся неуклонно снижается, а смертность растёт, естественный прирост имеет отрицательное значение. Динамика суммарного коэффициента рождаемости, отражающего количество родившихся детей в расчёте на одну женщину, имеет тенденцию к снижению. Так, в 2021 г. рождаемость снизилась на 2,3% по сравнению с предыдущим годом¹. Осложняют демографическую ситуацию в стране тенденция

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn11.htm (дата обращения: 20.02.2022).

роста числа женщин, откладывающих вопросы материнства на более поздний возрастной период, увеличение среднего возраста рождения первенца, доминирование семей, имеющих одного ребёнка, а также неоднозначное отношение к многодетным семьям [1; 3; 8].

Социальным вызовом в этой связи может являться проблема, связанная с возникновением новой для нашей страны социальной группы, члены которой в силу своих убеждений сознательно отказываются от рождения детей – так называемые чайлдфри (от англ. *childfree* «свободный от детей»). С этим фактом соотносятся данные Федеральной службы госстатистики, где указано, что в России 48% семей не имеют детей и лишь часть из них имеет для этого медицинские основания². Исследователями доказано, что у молодых людей, относящих себя к движению «чайлдфри», традиционные ценности семьи вытесняются карьерными ценностями, ориентацией на себя и стремлением занять высокое положение в обществе [4]. Отмечается, что отрицательное отношение к вопросу рождения детей не только обусловлено карьерными приоритетами, но и определяется доминированием гедонистических ценностей – «пожить для себя» [9, р. 143].

Ряд исследователей (Л. В. Андрущенко, В. В. Бойко, В. Н. Архангельский и др.) связывают зарождение феномена чайлдфри с происходящим кризисом семьи. С позиции этих исследователей, семья как социальный институт постепенно перестаёт в полной мере выполнять свои функции, наблюдается ценностный кризис, когда такие семейные ценности, как многодетная семья, крепкий брак, уступают место ценностям личностного развития [5; 7]. Согласно исследованию «Семья и семейная политика: взгляд поколений» 2019 г. дети и семья для значительной части респондентов не выступают как ведущая ценность и как показатель жизненного успеха. Более половины участников исследования отметили, что семья может быть вполне счастливой и не имея детей [7].

Эти результаты соотносятся с данными других исследователей, изучающих особенности ценностных ориентаций современной молодёжи. Так, Ю. А. Евграфова, изучая ценностно-смысловую сферу студентов, выявила, что приоритетными для них являются ценности, связанные с построением карьеры и материальным благополучием (активная деятельная жизнь, материальное благополучие, интересная работа, независимость), в отличие от таких ценностей, как любовь и счастливая семейная жизнь [2]. В исследовании В. Р. Ушаковой, посвящённом изучению ценности семьи и родительства у молодых людей с разными моделями репродуктивного поведения, установлено, что семья выступает значимой ценностью в случае, если традиционные ценности семьи находятся в приоритете и есть положительная установка на

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn11.htm (дата обращения: 20.02.2022).

родительство. Для тех, кто отказывается от деторождения, значимыми являются такие ценности, как карьера и профессиональные достижения [8].

Согласно результатам исследования О. А. Карабановой значимость ценности семьи в общей иерархии ценностных ориентаций определяет отношение девушек к роли матери. Если данная ценность имеет высокий уровень значимости, она сочетается с безусловным принимающим отношением к материнству. Низкие показатели соотносятся с отвергающим и амбивалентным отношением к материнству и роли матери. В этом случае в приоритете находятся ценности материального характера, а при отвергающем отношении более значимыми выступают ценности саморазвития и познания [6].

В целом можно сказать, что процессы трансформации семьи как социального института, обуславливаемые сдвигом ценностных ориентаций в область личного успеха, который измеряется ценностями экономического характера, формирует соответствующую систему ценностей у молодёжи [7, с. 54].

Таким образом, анализ проведённых исследований свидетельствует о трансформациях, происходящих в отношении к семье как социальному институту и тем ценностям, которые традиционно связываются с семьёй, – родительству и рождению детей.

В этой связи наблюдается противоречие между необходимостью решения демографических проблем путём укрепления института семьи, позиции семьи и семейных ценностей, ценности родительства, рождения детей и тем, что эти социальные установки у современной молодёжи в настоящее время ослабевают. При этом исследований социально-психологического плана, изучающих ценностно-смысловую сферу личности с позиции социальной установки, социально-психологических факторов, влияющих на формирование социальной установки молодёжи на рождение детей, их связи с ценностно-смысловой сферой личности, явно недостаточно. Исследование ценностно-смысловой сферы личности девушек с разными социальными установками не только позволит дать более точные представления о социальной установке на деторождение как социально-психологическом феномене, её внутренних механизмах и структуре, но и даст возможность приблизиться к вопросу прогнозирования её изменений с целью формирования позитивных установок на рождение детей и родительство.

Это актуализировало цель нашего исследования, которая заключалась в изучении ценностных ориентаций девушек с разными типами социальных установок на деторождение (положительной и амбивалентной).

Принимая во внимание, что социальная установка на деторождение определяется комплексом взаимосвязанных экономических, социальных и психологических факторов, ограничение нашего исследования заключается в том, что мы рассматриваем психологическую сторону вопроса и изучаем систему ценностей человека как составляющую психологической стороны

социальной установки. Кроме того, проведённое исследование является составной частью исследования по изучению психологических аспектов социальной установки на рождение детей с целью разработки программ по её психологической коррекции.

Вышеизложенные основания позволили выдвинуть гипотезу исследования, которая состояла в предположении о том, что существует связь между типом социальной установки на деторождение и ценностными ориентациями девушек. Мы предполагали, что в структуре ценностей группы девушек с позитивной и амбивалентной социальными установками на деторождение ценности семьи и рождения детей будут находиться на разных уровнях в общей иерархии ценностей, а также взаимосвязи этих ценностей с другими ценностями будут различаться.

Задачи исследования состояли в следующем:

- 1) выявить тип социальной установки на деторождение у девушек;
- 2) исследовать взаимосвязь ценностных ориентаций и типа социальной установки на деторождение у групп с разными социальными установками;
- 3) выявить место ценности «рождение детей» в общей структуре ценностей каждой группы и определить особенности взаимосвязей ценностей между собой.

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики:

1. Для разделения выборки на группы с разными типами социальных установок на деторождение использовались шкала суммарных оценок Лайкерта и авторский опросник экспресс-диагностики социальной установки на деторождение. Для этого предлагалось оценить степень своего согласия с рядом высказываний по шкале от 1 до 5 баллов. Затем испытуемый отвечал на вопросы опросника, где можно было выбрать несколько вариантов ответов. Чем выше балл, тем более выражена положительная установка на деторождение. На основании конечного балла осуществлялось распределение испытуемых по группам с положительной социальной установкой на деторождение, с амбивалентной (неустойчивой) установкой на деторождение и с отрицательной социальной установкой на деторождение.

2. Для выявления ценностных ориентаций была использована методика М. Рокича «Ценностные ориентации», которая основана на ранжировании двух списков ценностей – инструментальных и терминальных. С целью изучения соотношения ценности деторождения с другими ценностями список терминальных ценностей был дополнен ценностью «рождение детей». Испытуемым вначале предлагался список терминальных ценностей, затем – инструментальных. В каждом списке необходимо было проранжировать цен-

ности, присвоив каждой ценности ранг от 1 до 19 согласно её значимости для респондента.

После этого были проведены сравнительный анализ данных с использованием *t*-критерия Стьюдента и корреляционный анализ полученных данных с расчётом коэффициента Спирмена.

В исследовании принимали участие девушки в возрасте от 18 до 22 лет в количестве 123 человек, проживающие и обучающиеся на момент проведения исследования в вузах в г. Москве, не состоящие в браке и не имеющие детей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из определения социальной установки на деторождение как психического регулятора поведения, предрасположенности личности, определяющей согласованность разного рода действий, обусловленных определённым (положительным, амбивалентным, отрицательным) отношением к рождению детей, можно выделить следующие её типы: *положительная* (положительное отношение к рождению детей, человек хочет и/или планирует иметь детей), *амбивалентная* (человек не имеет чёткой и выраженной позиции относительно деторождения) и *отрицательная* (негативное отношение к рождению детей, человек не хочет и не планирует иметь детей).

По результатам использования шкалы суммарных оценок Лайкерта и авторской методики экспресс-диагностики социальной установки на деторождение выборка (N=123) была распределена на группы с положительной (N=76), амбивалентной (N=45) и отрицательной (N=2) социальной установкой на деторождение.

Исходя из целей исследования, для дальнейшего анализа были выбраны две группы – с положительной установкой на деторождение и с амбивалентной (неустойчивой) установкой. На наш взгляд, именно разница в этих двух группах может позволить психологу увидеть те аспекты, опираясь на которые, можно составить программу по коррективке амбивалентной позиции в сторону положительной. Работа психолога с группой с отрицательной установкой на деторождение, по нашему мнению, должна строиться на иных принципах, этот вопрос требует отдельного внимания и изучения. Кроме того, на наш взгляд, изучение «близких» не полярных групп между собой может помочь увидеть те минимальные различия, которые в итоге могут оказаться важными именно с точки зрения практической работы психолога и позволят составить взвешенную и научно обоснованную психокоррекционную программу.

Ниже представлены наиболее значимые ценности у групп с положительной (табл. 1) и амбивалентной (табл. 2) социальной установкой на деторождение. Были проранжированы средние значения каждой группы по соответствующим ценностям.

Таблица 1 / Table 1

Иерархия ценностей в группе с положительной установкой на деторождение / Hierarchy of values in the group with a positive attitude to childbearing

Терминальная ценность	Ранг	Инструментальная ценность
Семья	1	Жизнерадостность
Любовь	2	Воспитанность
Здоровье	3	Образованность
Развитие	4	Аккуратность
Рождение детей	5	Чуткость
Любовь	6	Ответственность
Наличие хороших и верных друзей	7	Смелость
Материально обеспеченная жизнь	8	Независимость
Познание	9	Честность
Счастье других	10	Широта взглядов

Таблица 2 / Table 2

Иерархия ценностей в группе с амбивалентной установкой на деторождение / Hierarchy of values in a group with an ambivalent attitude to childbearing

Терминальная ценность	Ранг	Инструментальная ценность
Здоровье	1	Образованность
Любовь	2	Воспитанность
Наличие хороших и верных друзей	3	Ответственность
Развитие	4	Рационализм
Творчество	5	Аккуратность
Свобода	6	Независимость
Познание	7	Чуткость
Уверенность в себе	8	Честность
Материально обеспеченная жизнь	9	Самоконтроль
Интересная работа	10	Жизнерадостность
Рождение детей	13	

Для того чтобы выявить значимые различия между группами, был проведён анализ данных с использованием *t*-критерия Стьюдента. Согласно полученным результатам статистически значимые различия ($p < 0,01$) были получены по ценностям: рождение детей ($t = 3,19$); семья ($t = 2,3$); наличие хороших и верных друзей ($t = 2,85$); продуктивная жизнь ($t = 2,4$); познание ($t = 5,4$); творчество ($t = 2,92$); независимость ($t = 2,9$); ответственность ($t = 3,01$), чуткость ($t = 2,4$); терпимость ($t = 2,6$).

Далее был проведён корреляционный анализ данных с целью выявления взаимосвязей ценности деторождения с другими ценностными ориентациями в общей структуре ценностей. Для анализа был использован коэффициент корреляции Пирсона. По результатам корреляционного анализа терминальных ценностей обеих групп выявлены различия как в количестве взаимосвязей, так и в их содержании.

В группе с положительной установкой на деторождение ценность «рождение детей» положительно коррелирует с ценностями «любовь» ($r = 0,39$) и «счастливая семейная жизнь» ($r = 0,31$). Отрицательно – с ценностями «продуктивная жизнь» ($r = -0,34$), «творчество» ($r = -0,38$), «развитие» ($r = -0,47$) и «свобода» ($r = -0,44$). Ценность «счастливая семейная жизнь» отрицательно связана с ценностями «творчество» ($r = -0,36$) и «свобода» ($r = -0,32$).

В группе с амбивалентной социальной установкой на деторождение все значимые корреляционные связи ценности «рождение детей» имеют отрицательные значения: «развитие» ($r = -0,44$), «познание» ($r = -0,38$), «признание» ($r = -0,31$). При этом первые две ценности положительно связаны между собой ($r = 0,58$). Ценность «развитие», кроме описанных выше связей, также положительно связана с ценностью «свобода» ($r = 0,43$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Таким образом, исследование ценностных ориентаций девушек с разными типами социальной установки на рождение детей показало следующие результаты.

Выявлены ведущие ценности, доминирующие в группе девушек с положительной и амбивалентной социальными установками на рождение детей.

Ведущими ценностями в группе с положительной установкой на деторождение выступают семья, любовь, здоровье и рождение детей. Ценность «рождение детей» в иерархии ценностей находится в первой четверти всего списка ценностей. Корреляционный анализ показал, что в этой группе ценность рождения детей положительно связана с ценностями «счастливая семейная жизнь» и «любовь» и отрицательно – с ценностями «продуктивная жизнь», «творчество», «развитие» и «свобода». Причём наибольшее количество корреляционных связей имеет именно ценность «рождение детей», на втором месте по числу таких связей – ценность «счастливая семейная жизнь». Это может свидетельствовать о том, что семейные ценности являются ядром ценностно-смысловой структуры личности девушек из этой группы.

В группе с амбивалентной установкой на деторождение верхние показатели в иерархии терминальных ценностей принадлежат ценностям «здоровье», «любовь», «наличие хороших и верных друзей», «развитие» и «творчество». Ценность «рождение детей» находится во второй половине

списка в иерархии ценностей. Интересен тот факт, что в группе с амбивалентной социальной установкой на деторождение такие ценности, как семья и дети, оказались не связанными между собой (отсутствуют корреляционные связи). Это может говорить о том, что в представлении девушек этой группы семейная жизнь не обязательно подразумевает под собой наличие детей.

Следует отметить, что в группе с амбивалентной установкой на деторождение наибольшее количество корреляционных связей имеют ценности «познание» и «развитие». Обе эти ценности отрицательно связаны с ценностью «рождение детей» и положительно связаны между собой. Исходя из результатов, можно сказать, что в системе ценностей представителей этой группы девушек рождение ребёнка не соотносится с возможностями получения или расширения образования и кругозора; возможно, рождение ребёнка рассматривается как некое препятствие к расширению познавательных возможностей и самореализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате проведённого исследования были выявлены особенности ценностных ориентаций девушек с разными типами социальной установки на рождение детей, а также определены место ценности «рождение детей» в общей структуре их ценностей, особенности взаимосвязи этой ценности с другими ценностями.

Для девушек с положительной социальной установкой на деторождение ценность «рождение детей» в иерархии ценностей является приоритетной и взаимосвязана с такими ценностями, как «счастливая семейная жизнь», «возможность иметь детей» и «любовь». Эти ценности взаимосвязаны между собой и выступают ядром ценностно-смысловой структуры данной группы.

Для девушек с амбивалентной социальной установкой на деторождение ценность «рождение детей» находится на нижних позициях в иерархии ценностей. Эта группа девушек в большей степени ориентирована на ценности познания и саморазвития. Для них приоритетными являются ценности независимости и творчества, стремления к саморазвитию, познанию, признанию. Они в меньшей степени заинтересованы в создании семьи и ещё меньше – в рождении детей. Выявлено, что такие ценности, как семья и рождение детей, у этой группы девушек не связаны между собой.

В целом, согласно полученным данным, можно сделать вывод о наличии связи социальной установки на рождение детей с особенностями ценностно-смысловых компонентов структуры личности. Ценностные ориентации выступают детерминантой социальной установки на деторождение.

Полученные данные могут являться основой для разработки психологической модели социальной установки на рождение детей с целью реализа-

ции возможности её психологической коррекции и формирования позитивных установок на рождение детей и родительство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В. Н. Детерминация репродуктивного поведения: методологические вопросы исследования и учёт в демографической политике // Парадигмы и модели демографического развития: сборник статей XII Уральского демографического форума, Международная научно-практическая конференция, Екатеринбург, 03–04 июня 2021 г. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2021. С. 179–195. DOI: 10.17059/udf-2021-2-1
2. Евграфова Ю. А. Ценности современной молодёжи и установки на семью и деторождение // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1213–1216.
3. Зайцева Е. В., Костина С. Н. Формирование СМИ имиджа многодетности // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 12-2 (90). С. 159–161.
4. Земзюлина И. Н., Северинова А. В. Мотивационно-ценностные установки людей с позицией чайлдфри в юношеском возрасте // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8. № 2 (29). С. 216–224. DOI: 10/23888/humJ20202216-224
5. Назарова И. Б., Зеленская М. П. Репродуктивные установки студенческой молодёжи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 555–567.
6. Особенности ценностной сферы девушек с различным отношением к родительской позиции матери на этапе вхождения во взрослость / О. А. Карабанова, Е. И. Захарова, Г. В. Бурменская, О. В. Алмазова, А. Г. Долгих, С. В. Молчанов, Т. Ю. Садовникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 4. С. 24–37.
7. Семья и демографические процессы в современной России / Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, О. В. Кучмаева, В. Г. Семенов. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с.
8. Ушакова В. Р. Ценность семьи и родительства у молодёжи с разными моделями репродуктивного поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 3. С. 322–328.
9. Carmichael G. A., Whittaker A. Choice and Circumstance: Qualitative Insights into Contemporary Childlessness in Australia // European Journal of Population. 2007. Vol. 23. № 2. P. 111–143.

REFERENCES

1. Arkhangel'skiy V. N. [Reproductive Behavior: Methodological Issues of Research and Accounting in Demographic Policy]. In: *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: sbornik statei XII Ural'skogo demograficheskogo foruma, Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Ekaterinburg, 03–04 iyunya 2021 g.* [Paradigms and models of demographic development: a collection of articles from the XII Ural Demographic Forum, International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, 03–04 June, 2021]. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 179–195. DOI: 10.17059/udf-2021-2-1
2. Evgrafova J. A. [Values of modern young people and attitudes on the family and child-bearing]. In: *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky], 2012, no. 28, pp. 1213–1216.
3. Zaitseva E. V., Kostina S. N. [Formation of multi-child parenting image by mass media]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2019, no. 12-2 (90), pp. 159–161.
4. Zemzylina I. N., Severinova A. V. [Motivational and value attitudes in people with the position of childfree in youth age]. In: *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie* [Personality in a changing world: health, adaptation, development], 2020, vol. 8, no. 2 (29), pp. 216–224. DOI: 10/23888/humJ20202216-224.
5. Nazarova I. B., Zelenskaya M. P. [Reproductive Attitudes of the Student Youth (A Review of Empirical Studies)]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2017, vol. 17, no. 4, pp. 555–567.
6. Karabanova O. A., Zakharova E. I., Burmenskaya G. V., Almazova O. V., Dolgikh A. G., Molchanov S. V., Sadovnikova T. Yu. [Features of valuable sphere of girls with different attitudes the parental attitude of the mother at the stage of entering into adulthood]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2018, no. 4, pp. 24–37.
7. Rostovskaya T. K., Arkhangel'skiy V. N., Ivanova A. E., Kuchmaeva O. V., Semenov V. G. *Sem'ya i demograficheskie protsessy v sovremennoi Rossii* [Family and demographic processes in modern Russia]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2021. 257 p.
8. Ushakova V. R. [Family value in young people with different reproductive behaviors]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 322–328.
9. Carmichael G. A., Whittaker A. Choice and Circumstance: Qualitative Insights into Contemporary Childlessness in Australia. In: *European Journal of Population*, 2007, vol. 23, no. 2, pp. 111–143.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.02.2022

Статья размещена на сайте: 06.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чижикова Евгения Сергеевна – соискатель кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета; e-mail: EvChizhikova@gmail.com

Крамаренко Наталья Станиславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета; e-mail: contactsnsk@gmail.com

Evgeniya S. Chizhikova – External Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Moscow Region State University; e-mail: EvChizhikova@gmail.com

Nataliya S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof, Department of General and Educational Psychology, Moscow Region State University; e-mail: contactsnsk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Чижикова Е. С., Крамаренко Н. С. Взаимосвязь ценностных ориентаций и установок на рождение детей у девушек (на примере мегаполиса) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Chizhikova E. S., Kramarenko N. S. Interrelation of value orientations and attitudes towards the birth of children among girls (on the example of a metropolis). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'33

Беляков М. В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ЦВЕТОВОЙ ИДИОМАТИКИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать функционирование идиом с цветовыми компонентами как одной из актуальных составляющих выступлений открытого дипломатического дискурса и внешнеполитического дискурса за период 2020–2022 гг.

Процедура и методы. Исследование проводилось средствами корпусного анализа, а также средствами конверсационного анализа в модифицированном варианте, предложенном автором, а именно варианте коммуникации в режиме опосредованного диалога / полилога.

Результаты. Рассмотрена лингвопрагматика употреблений во внешнеполитической коммуникации цветowych идиом, выступающих в качестве «эхо-фраз» в рамках опосредованной коммуникации, на примере коллокаций «красная линия / черта» и «чёрный лебедь».

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлено на проанализированном материале, что фраза, клауза, коллокация в рамках внешнеполитического дискурса выступают в качестве триггера затяжного диалога / полилога. Модифицированный тип конверсационного анализа способствует получению новых данных о коммуникации в разных типах дискурса, включая изучение поведения идиоматики с цветовым компонентом, играющей заметную роль во внешнеполитическом и дипломатическом дискурсах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идиома, коллокация, внешнеполитический дискурс, цвет, красная линия, чёрный лебедь, лингвопрагматика

СТРУКТУРА

Введение

Методика и материал исследования

Результаты исследования

Закключение

M. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations
prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

LINGUOSEMIOTICS OF COLOR IDIOMATICS IN FOREIGN POLICY DISCOURSE

ABSTRACT

Aim. To analyze the functioning of idioms with color components as one of the actual components of the speeches of open diplomatic discourse and foreign policy discourse for the period 2020–2022.

Methodology. The research was carried out by means of corpus analysis, as well as by means of лшconversational analysis in a modified version proposed by the author, namely, a variant of communication in the mode of mediated dialogue / polylogue.

Results. The linguopragmatics of the use of color idioms in foreign policy communication, acting as *echo phrases* in the framework of mediated communication, is considered on the example of the collocations *red line/line* and *black swan*.

Research implications. It is revealed on the analyzed material that a phrase, clause, collocation within the framework of foreign policy discourse acts as a trigger for a protracted dialogue / polylogue. The modified type of conversational analysis contributes to obtaining new data on communication in different types of discourse, including the study of the behavior of idioms with a color component, which plays a prominent role in foreign policy and diplomatic discourses.

KEYWORDS

idiom, collocation, foreign policy discourse, color, red-line, black swan, linguopragmatics

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир претерпевает серьёзные изменения, вызванные переменами в состоянии международных отношений, отходом от норм международного права, информационными войнами в мультимедийном пространстве, существенным снижением доверия в разных сферах деятельности, но, тем не менее, внимание к словам, произнесённым знаковыми дипломатами и политиками, – особое. За 2021 – начало 2022 гг. было произнесено много далеко выходящего за рамки вербального этикета международных отношений. Сформировалась очевидная тенденция – диалог между коммуникантами-политиками переходит в дистантную опосредованную форму, распространяясь в электронных средствах массовой информации, включая системы мессенджеров и социальные сети, где политики имеют официальные страницы и пр. Произнесённая во время интервью или публичного выступления фраза, попавшая в открытые СМИ, вызывает большой резонанс и в течение некоторого времени становится высокочастотной, повторяясь в речах адресанта, адресата, в публикациях по всему миру, выступая в качестве своего рода «эхо-фразы».

МЕТОДИКА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каким бы образом ни осуществлялся диалог, его можно рассматривать с позиций конверсационного анализа в определённом, модифицированном варианте, целью которого выступает выявление того, как лингвистические средства формируют интерактивные практики. Х. Сакс [2] определяет *turn constructional units* (TCU) как базовый элемент любого последовательного высказывания. Это может быть законченное предложение, клауза, фраза или отдельное слово, которое распознаётся как самостоятельная единица в зависимости от контекста. Важнейшей особенностью TCU является прогнозируемость: слушающий может понять, в какой момент говорящий заканчивает своё выступление. Точка завершения текущего TCU – это *a turn-transition place* (TRP). Контекст, что естественно, определяет ведение коммуникации. Современный внешнеполитический контекст во многом ориентирован на события, связанные с Россией. При осложнении ведения прямого диалога способом выражения отношения к ситуации и средством прогнозирования выступает дистантный опосредованный диалог, реализуемый согласно моделям конверсационного анализа.

Одним из примеров может служить цепочка выступлений мировых лидеров с последующими комментариями в электронных средствах информации, начиная с апреля 2021 г., в которых постоянно звучит идиома с цветным компонентом, своего рода «эхо-фраза» – *красная линия (черта)*. Начало активизации этой известной дипломатической коллокации заложил Президент Франции Э. Макрон в своём интервью, которое он дал на английском языке американскому каналу CBS 18.04.2021, сказав, что «в отношениях с Россией необходимо определить *красные линии*, за нарушение которых следует вводить санкции»¹.

Значения коллокации *красная линия (черта)* в русском, французском (*ligne rouge*) и английском (*red line*) языках очень близки:

*red line – a limit beyond which someone's behaviour is no longer acceptable*²

красная линия (также *красная черта*) – линия, которую нельзя пересекать – в политике обозначение предела терпения одной из сторон, позиции, при нарушении которой «безопасность более не гарантирована». Обычно *красная черта* открыто сообщается оппоненту для удержания его от совершения необратимых действий [3].

Функционирование коллокации *красная линия* в речах дипломатов и политических деятелей несистемно – фраза была в обиходе в 1990-х гг., позже к ней обращались с некоторой периодичностью.

¹ Макрон призвал Запад очертить красные линии в отношениях с Россией // РИА Новости: [сайт]. [18.04.2021]. URL: <https://ria.ru/20210418/makron-1728775461.html> (дата обращения: 20.03.2022).

² Red line // Cambridge Dictionary: [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red-line> (дата обращения: 20.03.2022).

Сам президент США (Б. Обама) утверждает, что не устанавливал для Сирии пресловутую *красную черту*. – «Это сделало мировое сообщество». Премьер-министр Биньямин Нетаньяху и сам не раз говорил о *красной черте* и даже представил диаграмму, из которой следовало, что ядерная программа Ирана быстро приближается к этой критической отметке. ... «Когда глава крупнейшей державы мира устанавливает *красную черту*, а затем публично отказывается от своих слов или вынужден от них отказаться по воле своего народа или сената, это очень тревожный признак», – считает генеральный директор Института международной политики по борьбе с терроризмом доктор Боаз Ганор ... Невыполненные ультиматумы ставят политиков в неудобное положение. «Мы видели, как некоторые политики использовали термин *красная черта*. Опасно делать это. Ты загоняешь себя в рамки. Как только политик его использует, он тут же берёт на себя обязательство провести эту *красную черту*», – рассказал представитель Института коммуникаций Таль Самуэль Азран. *Красная черта* – неотъемлемая часть сегодняшнего политического лексикона. Но, возможно, лидеры, употребляющие это выражение, должны быть настороже. Эта фраза может лишь добавить им головной боли (10.11.2013)³.

В статье от 20.04.2018 «Лавров обозначил *красные линии*, через которые США не стоит переступить» коллокация *красная линия* используется в значении, близком к значению слова *граница*:

Перед американским ударом по Сирии российское руководство обозначило США *красные линии*, при переходе которых последует жёсткий ответ, рассказал глава МИД РФ Сергей Лавров. ... После были контакты на уровне военного руководства двух стран, в ходе которых американцы были поставлены в известность о том, где эти *красные линии*, в том числе и географически. ... Результаты показывают, что они эти *красные линии* не перешли⁴.

Здесь реализуется игра слов – *красные линии* обозначают, с одной стороны, дипломатический термин, а с другой – собственно маркер геолокации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно данным, полученным по материалам Национального корпуса русского языка⁵, рассматриваемая коллокация с цветовым компонентом в контексте внешнеполитического дискурса в 2010–2020 гг. появлялась в выступлениях лидеров разных стран спорадически: «Сирия – это *красная черта* для Ирана

³ «Красная черта» Обамы: президенту США советуют тщательнее подбирать слова // RT на русском: [сайт]. [10.11.2013]. URL: <https://russian.rt.com/article/18068> (дата обращения: 20.03.2022).

⁴ Лавров обозначил «красные линии», через которые США не стоит переступить // Вести.ru: [сайт]. [20.04.2018]. URL: <https://www.vesti.ru/article/1413745> (дата обращения: 20.03.2022).

⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).

и России, там уступать нельзя» (Исраэль Шамир. Ахмадинежад в Москве // КП, 07.2013)⁶; «У Израиля есть очевидные и понятные *красные линии*, *красная черта*, связанная с нашей безопасностью» (Нетаньяху назвал *красной чертой* вопрос принадлежности Голан // Известия, 04.2016)⁷; «Любая агрессия против границ Исламской республики, даже ненамеренная, – это *красная черта*, которую не следует пересекать» (Минобороны Армении: Азербайджан начал масштабное наступление в Карабахе // newsru.com, 10.2020)⁸.

При этом данная коллокация, как правило, присутствует в заголовке статьи, например: «“*Красная черта*” Обама: президенту США советуют тщательнее подбирать слова»⁹. Таким образом, коллокация превращается в семантическую доминанту текста.

В рассматриваемой далее коммуникативной ситуации дистантного общения данная коллокация превращается в своего рода «*эхо-фразу*».

Эхо-фраза – известный маркетинговый термин. Лингвопрагматика употребления эхо-фразы состоит в умелом закреплении в сознании реципиента необходимой информации, повторении в тексте наиболее яркого выражения. С момента произнесения фразы *красная линия* Э. Макроном (18.04.2021) в течение месяца данная коллокация / эхо-фраза превратилась в ТСУ по Х. Саксу, появляясь как в речах политиков, так и в заголовках статей в рамках внешнеполитического дискурса. Так, эта же эхо-фраза фигурировала в Послании Президента РФ Федеральному собранию 21.04.2021: «Но надеюсь, что никому не придёт в голову перейти в отношении России так называемую *красную черту*. А где она будет проходить, это мы будем определять в каждом конкретном случае сами»¹⁰. Если рассматривать эту ситуацию с позиций конверсационного анализа, данное высказывание является ответом на высказывание Э. Макрона, но дистантным как локально, так и темпорально. Далее тема *красной линии / черты* стала динамично развиваться в различных комментариях, связанных теперь уже с высказыванием В. В. Путина. Пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков сообщил, что вмешательство во внутренние дела России, включая выборы или другие политические процессы, а также оскорбления и ущемление экономических интересов будут *красными линиями* для России: «*Красная линия* – это национальные интересы России ... *Красные линии* есть в целом у России, они связаны с национальными интересами...»¹¹.

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/rRq9V> (дата обращения: 20.03.2022).

⁷ Там же..

⁸ Там же..

⁹ «Красная черта» Обама: президенту США советуют тщательнее подбирать слова // RT на русском: [сайт]. [10.11.2013]. URL: <https://russian.rt.com/article/18068> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁰ В Кремле объяснили слова Путина о «красных линиях» // РИА Новости: [сайт]. [21.04.2021]. URL: <https://ria.ru/20210422/putin-1729437756.htm> (дата обращения: 20.03.2022).

¹¹ Там же.

Заголовки статей как преамбулы к тексту, выполняющие аттрактивную функцию, продолжают, с одной стороны, эксплуатировать семантическую доминанту (*красную линию / черту*), а с другой, привлекать интертекстуальные смыслы для своей интерпретации данной коммуникативной ситуации, например: «*Красная линия* всех сильнее. Как её провел Владимир Путин, читая послание, и куда она его самого заведёт»¹² (вербальная интертекстуальная отсылка к названию известной песни времен Гражданской войны 20-х гг. XX в. «Красная Армия всех сильнее»); а также «*Красная линия* проведена. Россия не даст странам Запада нарушить её интересы»: «Россия *проводит черту*. *Красные линии* – это границы, за которыми простираются экономические и политические интересы РФ, переходить через которые отныне никому не позволено»¹³.

Западные СМИ не оставили без внимания данную фразу, используя её как TCU. Так, на неё сразу же, 21.04.2021, отреагировали издания New York Times, Bloomberg, Daily Mail и др. В каждом из заголовков статей этих изданий, комментировавших выступление Президента РФ, фигурировала коллокация / эхо-фраза *red line*.

Развитие темы *красных линий* продолжилось 27.04.2021 в интервью С. В. Лаврова РИА Новости, где он заявил, что на любые попытки пересечь обозначенные недавно Президентом РФ красные линии последует жёсткая реакция: «... И, конечно, будем жёстко реагировать на любые попытки пересечь *красные линии*, которые, как вы слышали, мы определяем сами»¹⁴.

В свою очередь, в точности по модели конверсационного анализа, о *красных линиях* говорил глава украинского МИД Д. Кулеба в эфире программы HARDtalk на телеканале BBC News World, где, комментируя слова В. Путина о том, что В. Зеленский должен встретиться на переговорах с лидерами ЛНР и ДНР, заявил: «Это *красная линия*, которую мы не перейдем. Мой президент очень твёрд в этом. Мы все знаем, что это Россия напала на Украину. Мы все знаем, что ключ от урегулирования конфликта находится в Москве, и мы не будем разговаривать с их марионетками»¹⁵.

¹² Красная линия всех сильнее. Как её провел Владимир Путин, читая послание, и куда она его самого заведёт // Коммерсантъ: [сайт]. [22.04.2021]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4783016> (дата обращения: 20.03.2022).

¹³ «Красная линия» проведена: Россия не даст странам Запада нарушить ее интересы // Федеральное агентство новостей: [сайт]. [27.04.2021]. URL: <https://riafan.ru/1433173> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁴ Сергей Лавров: ответ на попытки США пересечь «красные линии» будет жёстким // Sputnik: [сайт]. [27.04.2021]. URL: <https://ru.sputnik.kg/world/20210427/1052285332/sergej-lavrov-otvet-na-popytki-ssha-peresech-krasnye-linii-budet-zhestkim.html> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁵ «Мой президент очень твёрд в этом»: Кулеба назвал «красную линию» в переговорах по Донбассу // Новороссия: [сайт]. [27.04.2022]. URL: <https://novorosinform.org/yayayayamoj-prezident-ochen-tverd-v-etomyayayayaya-kuleba-nazval-yayayayakrasnuyu-liniyuyayayaya-v-peregovorah-po-donbassu-8613.html> (дата обращения: 20.03.2022).

Таким образом, взаимосвязью между структурами дистантного диалога, социальными практиками и ожиданиями коммуникантов, на основании которых коммуниканты могут выбирать модель поведения и интерпретировать поведение других, может стать своеобразная эхо-фраза, служащая триггером порождения новых текстов. Согласно модели конверсационного анализа разговор не может быть надлежащим образом завершён «простой остановкой» и требует специальной последовательности завершения. Но пример с *красной линией / чертой* показывает, что активность использования этой коллокации не угасает. Для интернет-ресурсов *красная линия / черта* также стала эхо-фразой, семантической доминантой 2021–2022 гг., например:

«Старая Европа? Даже при том, что там существуют проамериканские силы, немцы, французы, итальянцы, испанцы и прочие представители этой части Европы прекрасно научились считать. Причём не только стоимость конкретного товара, но и стоимость собственного слова, собственного имиджа. Для них существует та самая *красная линия* в отношениях с Россией, перешагнув которую, они пострадают материально»¹⁶.

Частотность активизированной Э. Макроном эхо-фразы продолжает нарастать уже вне контекста отношений с Россией. Так, Премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху после ракетного удара из сектора Газа по окраинам Иерусалима (май 2021 г.) заявил, что данные действия нельзя оставить без ответа, что передаёт *The Jerusalem Post*: «Террористические группы в Газе пересекли *красную линию* в День Иерусалима, *красную линию*, и атаковали ракетами окраины Иерусалима»¹⁷. Семантика данной коллокации расширяется, образуя новые варианты реализации, например, коллокации *дипломатия красных линий / черт* и *политика красных линий*.

Если цветовая коллокация *красная черта* входит в узус русского языка и верно интерпретируется его носителями, то коллокация *чёрный лебедь* до последнего времени таковой не являлась. *Чёрный лебедь* (black swan) – идиома с цветовым компонентом – хорошо известна в английской лингвокультуре и означает событие, которое кажется редким и трудно прогнозируемым, но по прошествии времени оказывается логичным [1]. В выступлении на Генассамблее ООН в сентябре 2020 г. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров назвал пандемию коронавируса *чёрным лебедем*, который поставил всех перед выбором: закрыться и обвинить окружающих в своих бедах или объединиться ради будущего всех стран и народов¹⁸. Без отсылок

¹⁶ Партия началась. На кону Европа // Военное обозрение: [сайт]. [06.05.2021]. URL: <https://topwar.ru/182584-partija-nachalas-na-konu-evropa.html> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁷ Нетаньяху заявил, что боевики из сектора Газа «перешли красную черту» // Интерфакс: [сайт]. [10.05.2021]. URL: <https://www.interfax.ru/world/765302> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁸ Лавров рассказал о черном лебеде пандемии и зеленых коридорах в нее // Вести.ру: [сайт]. [24.09.2020]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2462947> (дата обращения: 20.03.2022).

к экономической теории Н. Талеба понять эту идиому в силу её отсутствия в русской лингвокультуре невозможно, хотя в Национальном корпусе русского языка есть единичные примеры её употребления во внешнеполитическом контексте: «“Чёрный лебедь” Дональд Трамп: мировая экономика оказалась в неожиданной реальности» (Н. Вардуль // МК, 11.2016); «Это уже второй *чёрный лебедь* после Brexit за последнее время» // Известия, 11.2016; «И вирус этот наступает, и Эрдоган – всё некстати. Череда случайностей – *чёрный лебедь*. Здесь политтехнологии бессильны» (Вместо урегулирования говорят пушки // Коммерсант, 02.2020). Использование С. В. Лавровым этой коллокации, по всей видимости, объясняется лингвопрагматикой – его целевой аудиторией, которой является англоязычное сообщество, хорошо знакомое с данной идиомой. Интересно отметить, что многие другие коллокации с цветовым компонентом – *белые пятна, чёрным по белому, синяя птица, голубая мечта, зелёный свет, золотая середина, белый голубь, серый кардинал, красная тряпка, красная сельдь* – хотя и входят во многие лингвокультуры мира и семиотически понятны или как минимум интерпретируемы, встречаются во внешнеполитическом дискурсе лишь эпизодически и не являются триггерами опосредованной коммуникации, как это произошло с *красной чертой / линией*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, конверсационный анализ, возникший как метод прямого, описательного изучения микроструктуры и динамики разговора, направленный на «разговор-во-взаимодействии» и изучение организации последовательностей (реплик и действий), может использоваться для лингвистического анализа не только реального разговора *vis-a-vis*, но и дистантного, как в описанных выше случаях. Если ранее внимание исследователей сосредотачивалось на воспроизводстве социальных действий в контексте их последовательности, а не на предложениях или высказываниях, то представленный материал показывает, что фраза, клауза, коллокация могут стать триггером затяжного диалога / диалога. Данный модифицированный тип анализа способствует получению новых данных о коммуникации в разных типах дискурса, включая изучение поведения идиоматики с цветовым компонентом, играющей заметную роль во внешнеполитическом и дипломатическом дискурсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Талеб Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2012. 736 с.
2. Saks H. An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology // Studies in Social Interaction / ed. D. Sudhow. New York: Free Press, 1972. P. 31–74.

3. Tertrais B. The Diplomacy of "Red Lines" // *Recherchés & Documents. Fondation pour la recherche stratégique*. 2016. Vol. 2. P. 7–29.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.03.2022

Статья размещена на сайте: 24.06.2026

REFERENCES

1. Taleb N. Black Swan: The Impact of the Highly Improbable (Rus. ed.: *Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti*. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus Publ., 2012. 736 p.).
2. Saks H. An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology. In: Sudhow D., ed. *Studies in Social Interaction*. New York, Free Press, 1972, pp. 31–74.
3. Tertrais B. The Diplomacy of "Red Lines". In: *Recherchés & Documents. Fondation pour la recherche stratégique*, 2016, vol. 2, pp. 7–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ; e-mail: belmax007@hotmail.com

Mikhail V. Belyakov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Russian Department, Moscow State Institute of International Relations (University); e-mail: belmax007@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Беляков М. В. Лингвопрагматика цветовой идиоматики во внешнеполитическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Belyakov M. V. Linguosemiotics of color idiomatics in foreign policy discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 316.6.

Григорьева Л. М.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, Российская Федерация

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОТРИЦАНИЯ – ВЕРБАЛЬНАЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Цель данной работы заключается в характеристике особенностей письменной речи у жертв опыта социального исключения.

Процедура и методы. В статье проанализированы тексты автобиографий, описывающих опыт социальной эксклюзии. Методами исследования послужили статистический анализ, психолингвистический и психосемантический методы анализа текстов.

Результаты. Глагольные отрицания, составляющие семантическое пространство языка социального исключения, отражают рефлексию индивида и становятся частью метаязыка со специфическими особенностями построения нарративов.

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию нарративов и коммуникации, а также позволяют расширить представление об инструментах психологических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

отракизм, социальное исключение, нарратив, наррационные цепи, психосемантика, глагольные отрицания, психологическая автобиография

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00736 «Социальная эксклюзия в межличностных отношениях».

СТРУКТУРА

Введение

Ход исследования

Психолингвистическая интерпретация

Психосемантическая интерпретация

Закключение

L. Grigorieva

*Herzen State Pedagogical University of Russia
nab. reki Moiki 48, St. Petersburg 191186, Russian Federation*

NEGATIVE VERB FORMS AS VERBAL EXPRESSION OF SOCIAL EXCLUSION

ABSTRACT

Aim. The purpose of this work is to characterize the peculiarities of the written language of the social exclusion victims.

Methodology. The article analyzes the texts of autobiographies which describe the experience of social exclusion. The research methods include statistical analysis, psycholinguistic and psychosemantic methods of text analysis.

Results. Verb negatives, which make up the semantic field of the language of social exclusion, present the individual self-reflection and become part of a metalanguage with specific features of constructing narratives.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of narratives and communication as well as expand the understanding of analysis tools.

KEYWORDS

ostracism, social exclusion, narrative, narrative chains, psychosemantics, verbal negations, psychological autobiography

ACKNOWLEDGMENTS

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project № 20-013-00736 "Social exclusion in interpersonal relations".

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время категория отрицания вызывает живой интерес и полемическое отношение к себе в кругу исследователей. Вопросы, какова роль отрицания и выражаемой им мысли, чему соответствует содержание мысли, выраженное отрицанием, можно ли считать отрицание отображением ценностной картины мира, формируемой определённой ментальностью, остаются открытыми и получают освещение в разных областях гуманитарного знания (лингвистике [5], педагогике [14], психологии [11], философии [10] и др.).

В то же время исследователи-когнитивисты пришли к выводу о «невозможности решения целого ряда глобальных проблем о сущности человека, его поведения и деятельности его разума без объединения усилий специалистов из разных научных дисциплин, но при выработке ими единой программы исследований» [8].

В этой связи представляется закономерным разносторонний подход к описанию взаимосвязи мышления и психики человека, а также их вербального воплощения.

В центре научных интересов социальной психологии особое место занимает коммуникация, одной из разновидностей которой становится межличностное общение [3, с. 18]. Предметами исследования межличностного общения являются: межличностное поведение или «транзакция», а также психические процессы и состояния, её обеспечивающие; коммуникативные практики, способствующие взаимодействию между людьми – речь, невербальные сообщения; нормы и правила какой-либо социокультурной группы, делающие возможной совместную деятельность. В предметной области межличностной коммуникации выделяется межличностное взаимодействие, которое «подчёркивает активность общающихся, позволяя более пристально исследовать формы и виды индивидуальных действий, приводящих к взаимным изменениям поведения, деятельности, отношений и установок» [9]. Одной из форм межличностной коммуникации принято считать явление социального исключения, или *остракизма*.

Остракизм – это продукт межличностной коммуникации, межличностного взаимодействия, и осуществляется он посредством речевого общения. Описание этого процесса оказывается возможным через характеристику особенности речи участников коммуникации, или языковых личностей [4]. Языковая личность становится центральным звеном, конструктом, связующим личность (со всем набором её индивидуальных психических особенностей) и её проявление в речи.

Известные на сегодняшний день работы, посвящённые языку остракизма, выполнены на материале языков других языковых групп и не могут быть применимы к русскому языку [16]. Потому представляется правомерным провести исследование на материале русского языка.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Лексико-грамматическая организация языка социального исключения предоставляет обширный материал для исследования. Мы сфокусировали внимание на одном из языковых явлений – категории отрицания – и рассмотрели отрицательные конструкции, зафиксированные в письменной речи. Категория отрицания была выбрана ввиду того, что само содержание понятия социальной эксклюзии / исключения несёт в себе отрицательный формант (ср.: инклюзия, включение).

Для исследования языка остракизма была разработана и апробирована на выборке студентов РГПУ им. А. И. Герцена (N=116) авторская методика «Автобиография опыта социальной эксклюзии (ОСЭ)» [7]. Основой для неё стала «Психологическая автобиография» Е. Ю. Коржовой [6]. В инструкции респондентам давалось понятное определение феномена, предлагалось в свободной форме описать ситуации социального исключения, с которыми они когда-либо сталкивались, и оценить по 10-балльной шкале остроту их

переживания. Полученные тексты подверглись психолингвистической и психосемантической интерпретациям.

В психологии под социальной эксклюзией (исключением, остракизмом) принято понимать:

- пребывание в состоянии игнорированного, исключённого [17];
- игнорирование, отвержение, исключение кем-то кого-то [1, с. 154];
- отвержение от желаемых отношений или социальных групп [15, с. 19].

Из 116 ответов респондентов методом сплошной выборки были отобраны все отрицательные конструкции с частицами «не». Частица «не» – одно из наиболее древних и распространённых грамматических средств отрицания в индоевропейских языках. Изначально употребляясь автономно, постепенно она ослабела и стала присоединяться к различным частям речи. В русском языке частица может употребляться как с именами, так и с глаголами препозитивно. В ходе исследования мы сузили круг анализируемого явления до глагольных отрицаний, потому что, во-первых, самый высокий показатель среди отрицательных конструкций в текстах автобиографий занимают глагольные отрицания, во-вторых, глагол представляет наибольший интерес для интерпретации с точки зрения психолингвистики.

Согласно мнению Е. Е. Сапоговой [13], глагольные конструкции, выражающие действие или состояние, играют определяющую роль в создании нарративов, т. е. повествований о взаимосвязанных событиях. Нарративность является важнейшим компонентом социального взаимодействия, а автобиографический нарратив представляет собой наложение нарративных форм когнитивного характера, почерпнутых из культуры, на своеобразную цепь собственных случаев из жизни. Если изучение того, как человек выстраивает нарративы, чтобы получить жизненный опыт, приобретает особую важность, то изучение того, как человек выстраивает цепи отрицаний при создании нарратива с отрицательным формантом (социальное исключение), представляет отдельный интерес для самостоятельного исследования.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Первым шагом нашего исследования была статистическая обработка данных.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1

Степень болезненности опыта социальной эксклюзии для индивида (острота его переживания) коррелирует с количеством глагольных отрицаний. Чем выше острота переживания – тем большее количество отрицаний используется. Однако ни *f*-критерий Фишера, ни *t*-критерий Стьюдента значимых различий не показали. Гипотеза 1 была отклонена.

После этого мы попытались проанализировать различия глагольных отрицаний на морфологическом уровне: рассмотреть грамматические характеристики употребляемых глаголов (лицо, число) и проследить взаимосвязь остроты переживания опыта с использованием определённой грамматической формы глагола.

Гипотеза 2

Острота переживания опыта социальной эксклюзии коррелирует с определённой грамматической категорией глаголов (вид, число, лицо, время).

Но и такой подход не дал значимых результатов. Гипотеза 2 была отклонена.

Следующим этапом стал психосемантический метод анализа текстов, который опирается на реальную речевую деятельность индивида, даёт возможность рассмотреть контекстуальное значение и характеристики анализируемых явлений в режиме употребления [12, с. 139].

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Гипотеза 3

Глагольные отрицания условно распределяются на несколько семантических групп в зависимости от контекстуальных особенностей построенных нарративов.

Языковой материал нашей выборки разделился на пять групп в зависимости от контекстуальных характеристик глагольных отрицаний.

- Первую группу составили отрицания – *противопоставления*.

Это такие примеры:

«Несколько дней я пытался заговорить с отцом, а он не реагировал»;

«Я говорила – мама не слушала» и др.

В данных примерах вторая часть сложного предложения прямо противопоставлена первой части по семантическому признаку, включающему в себя субъектно-объектные отношения. При этом в первой, утвердительной, части субъектом речевого акта является *Я*, а во второй, отрицательной, объектом становится *ОН*. Части предложения соединены противительным союзом «а», что усиливает эффект противопоставления (в первом примере он присутствует эксплицитно, во втором – имплицитно). Здесь можно наблюдать разрыв цепочки нарративов: субъект *Я* совершает действие, а объект *ОН* ожидаемого действия не совершает. Разрыв нарративной цепочки демонстрирует разрыв ценностей субъектов и объектов нарратива.

- Вторая группа – *простые отрицания*.

Например:

«После моих ответов она не успокаивалась»;

«Моя лучшая *подруга не брала трубку*»;

«Несколько лет *не выходил со мной на контакт*».

В данных примерах субъект речи надеется на положительное действие со стороны объекта: чтобы *ОНА* успокоилась, чтобы *ОНА* взяла трубку, *ОН* вышел на контакт. Констатируется эффект обманутого ожидания – сильное средство выразительности повествования, т. е. наррации, которое зиждется на нарушении предположений и ожиданий. В вербально выраженной цепочке нарраций, повествовании, новый элемент подготавливается предыдущим и, в свою очередь, подготавливает последующий. Резкий обрыв цепочки создаёт эффект обманутого ожидания и вызывает негативную оценку: *Я надеялся, что она успокоится, она должна была успокоиться, а она не стала; Она должна была взять трубку, но не взяла, Я обманулась в своих ожиданиях; Он должен был со мной контактировать, а Он медлил.*

- Третья группа – *смягчающие отрицания*.

Например:

«Буллинга как такового *не было*, но одноклассники меня просто *не замечали*, были равнодушны, *не общались*».

В настоящем примере первое отрицание *буллинга не было* задаёт тон прочтения всей ситуации.

Не было *как такового* – в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой¹ местоимённый оборот *как таковой* определяется как «самостоятельный, целый (безотносительно к чему-л. иному)». Ср.: С. И. Ожегов²: «Как таковой – *взятый сам по себе*».

Иными словами, употребляя местоимение «как таковой», автор подчёркивает, что отдельно взятого, самого по себе буллинга, возможно, и не было, но всё отношение в классе сводилось к игнорированию автора и избеганию общения, о чём свидетельствует прочтение расширенного контекста: *но одноклассники меня просто не замечали, были равнодушны, не общались*. Описывая частное и общее отрицание, авторы «Грамматики-80» склонились к мнению, что употребление отрицания при сказуемом свидетельствует об отрицании предикативного признака и через него – всей описываемой ситуации³.

Введение между отрицательными глаголами выражения *были равнодушны* также смягчает ситуацию, мешает нагнетанию отрицаний.

Ещё пример смягчения ситуации:

«Меня *это не сильно устраивало*».

¹ Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. // ЛГЭ: [сайт]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 01.05.2021).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (С – Я) [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения: 01.05.2021).

³ Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://bookree.org/reader?file=751373> (дата обращения: 01.05.2021).

Введение качественного наречия «сильно» между отрицательной частицей и сказуемым смягчает эффект отрицания реципиентом ситуации.

Разбиение отрицания или цепочки отрицаний лексемами или лексическими оборотами смягчает эффект отрицания.

- Четвёртая группа – *нарастающее отрицание*.

Например:

«Моя подруга *не пришла, не поддержала* меня на важном, ответственном выступлении. Произошла ссора. После которой она так и *не извинилась, не объяснила* причину. Больше мы *не общаемся*».

Создание цепочки отрицаний – употребление четырёх отрицаний по отношению к одному объекту – *подруга не пришла, не поддержала, не извинилась, не объяснила причину* – привело к «обобщающему» отрицанию, в котором уже субъект (Я) и объект (Подруга) действуют сообща – *мы не общаемся*. В данном контексте первые четыре отрицания становятся объяснением, оправданием завершения общения – *ключевого отрицания*.

- И, наконец, пятую группу отрицаний составляют *отрицания-фразеологизмы*.

Например:

«Мы мирились *как ни в чем не бывало*»;

«*Что бы там ни было, я ему не поверила*».

Согласно фразеологическому словарю, *как ни в чём не бывало* – «вовсе не замечая того, что произошло; делая вид, что ничего не произошло, не случилось»⁴.

Частица «ни» в данном случае призвана усилить отрицание, но благодаря тому, что перед нами фразеологическая единица с её обобщающим смыслом, усиление отрицания теряет свою остроту, поскольку употребление ФЕ может свидетельствовать о некоторой стёртости выражения.

По мнению В. Ф. Петренко, фразеологизмы являются формой рефлексии внеязыковой действительности. Их порождением считается потребность человека в выразительных средствах коммуникации: вербальном выражении чувств, эмоциональных оценок, воздействия, ярких и метких характеристик человека, предмета, явлений. Фразеологизмы, как и пословицы, поговорки, отвечают рефлексивной функции фольклора, т. е. рассматриваются как формы рефлексии, отражения человеческих отношений, восприятия другого, однако в стёртом, смягчённом виде.

Гипотеза 3 принимается. Глагольные отрицания распределились на 5 групп в зависимости от контекстуальных характеристик, построенных респондентами нарративов.

⁴ Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-phraselogyia-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.05.2021).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Руководствуясь концепцией семантических примитивов А. Вежбицкой [2], следует рассматривать отрицания в качестве положительного элемента глубинной структуры предложения, выражающей субъективно-волевой, «модальный примитив» – отрицательные предложения опираются на утвердительные и выражают следующее. Например, *«Я не должен этого делать»* означает *«Я не хочу думать, что есть необходимость мне делать это, и я, по-видимому, не сделаю этого»*. Иными словами, согласно данной концепции, отрицание рассматривается как положительный акт воли человека.

Пусть отрицание – положительный акт воли человека. Да, отрицание основывается на положительном элементе. Но, отрицая положительный элемент, человек свидетельствует о том, что этот положительный элемент не состоялся, субъект обманут в своих предположениях, надеждах, ожиданиях.

Ценностные характеристики меняются или хотя бы смещаются в связи с использованием отрицательных конструкций, что наглядно продемонстрировал наш языковой материал.

Таким образом, глагольные отрицания, составляющие семантическое пространство языка социального исключения, отражают рефлексии индивида и становятся частью метаязыка со специфическими особенностями построения нарративов, которые, в свою очередь, отражают особенности индивидуального акта коммуникации. Так, например, разрыв или резкий обрыв наррационной цепочки, создаваемый посредством использования одного семантического вида отрицаний, может говорить о разрыве ценностей субъектов и объектов наррации, вызвать эффект обманутого ожидания, негативный оценочный эффект. Другие виды глагольных отрицаний используются для смягчения восприятия ситуации объектом эксклюзии, смазывания, разбавления негативной семантики, а также для объяснения или оправдания болезненной ситуации.

Язык остракизма, как и любой язык в целом, представляет богатейший материал для анализа на разных психолингвистических уровнях. Его описание, анализ и интерпретация результатов могут способствовать более подробному изучению данного феномена социальной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойкина Е. Э., Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 152–170.
2. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251–276.
3. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации. М.: Юрайт, 2017. 231 с.

4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
5. Кондракова Ю. Н. Категория отрицания глагола в контексте развития индоевропейских и семитских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
6. Коржова Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 334 с.
7. К проблеме взаимосвязи опыта социальной эксклюзии с базисными убеждениями личности: психологический подход / Г. В. Семенова, С. А. Векилова, И. Б. Терешкина, О. В. Рудыхина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2020. № 197. С. 63–73.
8. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах объективации в языке) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5–6. С. 3–12.
9. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
10. Мосиенко Л. И. Нигилизм как фактор социокультурного развития: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2003. 24 с.
11. Охотникова Н. А. Особенности защитных механизмов у детей с проблемами социальной адаптации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 21 с.
12. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Издательство МГУ, 1988. 208 с.
13. Сапогова Е. Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. Т. 1. № 2. С. 63–74.
14. Хазанова А. А. Функционально-коммуникативный анализ русских отрицательных наречий в лингводидактическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 23 с.
15. Шульмин М. П. Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17–33.
16. Klauke F., Müller-Frommeyer L. C., Kauffeld S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism // The Journal of Language and Social Psychology. 2020. № 39. P. 751–763.
17. Williams K. D. Ostracism: a temporal need-threat model // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. № 41. P. 279–314.

REFERENCES

1. Boykina E. E., Chirkina R. V. [Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods]. In: *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2020, vol. 10, no. 1, pp. 152–170.
2. Wierzbicka A. *Recheye akty* [Speech acts]. In: Paducheva E. V., ed. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Vyp. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in

- foreign linguistics: vol. XVI. Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 251–276.
3. Gavra D. P. *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 231 p.
4. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p.
5. Kondrakova Yu. N. *Kategoriya otritsaniya glagola v kontekste razvitiya indoevropeiskii i semitskikh yazykov: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk* [The category of verb negation in the context of the development of Indo-European and Semitic languages: abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2011. 26 p.
6. Korzhova E. Yu. *Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka* [Psychological knowledge of the fate of man]. St. Petersburg, Publishing house RGPU named after A. I. Herzen, 2002. 334 p.
7. Semenova G. V., Vekilova S. A., Tereshkina I. B., Rudykhina O. V. [The relationship between social exclusion and basic personal beliefs: a psychological approach]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2020, no. 197, pp. 63–73.
8. Kubryakova E. S. [Semantics in Cognitive Linguistics (on the concept of container and forms of objectification in language)]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Herald of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series.], 1999, vol. 58, no. 5-6, pp. 3–12.
9. Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. *Mezhlichnostnoe obshchenie* [Interpersonal communication], St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 544 p.
10. Mosienko L. I. *Nigilizm kak faktor sotsiokul'turnogo razvitiya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Nihilism as a factor in socio-cultural development: abstract of Cand. Sci. thesis in Philosophical sciences]. Omsk, 2003. 24 p.
11. Okhotnikova N. A. *Osobennosti zashchitnykh mekhanizmov u detei s problemami sotsial'noi adaptatsii: avtoref. dis. ... kand. psich. psih. nauk* [Features of protective mechanisms in children with problems of social adaptation: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg, 2007. 21 p.
12. Petrenko V. F. *Psikhosemantika soznaniya* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1988. 208 p.
13. Sapogova E. E. [The autobiographic Narrative in the Context of Cultural-Historical Psychology]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2005, vol. 1, no. 2, pp. 63–74.
14. Khazanova A. A. *Funktsional'no-kommunikativnyi analiz russkikh otritsatel'nykh narechii v lingvodidakticheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Functional and communicative analysis of Russian negative adverbs in the linguodidactic aspect: abstract of Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2018. 23 p.

15. Shul'min M. P. [Psychological factors of social exclusion experience]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology], 2018, no. 70, pp. 17–33.
16. Klauke F., Müller-Frommeyer L. C., Kauffeld S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism. In: *The Journal of Language and Social Psychology*, 2020, no. 39, pp. 751–763.
17. Williams K. D. Ostracism: a temporal need-threat model. In: *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009, no. 41, pp. 279–314.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 05.05.2021

Статья размещена на сайте: 27.05.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Григорьева Лидия Михайловна – магистр лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета; соискатель кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

Lidiya M. Grigorieva – Master (Linguistics), Saint Petersburg State University; External Postgraduate Student of the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Григорьева Л. М. Глагольные отрицания – вербальная форма проявления социальной эксклюзии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Grigorieva L. M. Negative verb forms as verbal expression of social exclusion. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81'33

Максименко О. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЛИНГВОСЕМИОТИКА МУЛЬТИФАНДОМНОГО МИРА

АННОТАЦИЯ

Цель. Дать характеристику одной из современных форм социального досуга в рамках субкультур – мультифандомных миров – с позиций лингвосемиотики.

Процедура и методы. Исследование проводится методами лингвистического и семиотического анализа, рассматриваются особенности создания и функционирования комиксов как основного компонента мультифандомного мира на примере продукции двух американских издательств, заложивших основы данного социального и лингвосемиотического явления.

Результаты. Рассмотрены семиотическая (вербальная и невербальная) структура комикса как основного элемента субкультуры фандомного мира, отношения знаков внутри комиксов, принципы их реализации в комиксах двух основных американских издательств. Выявляются общие лингвосемиотические черты, свойственные как самим комиксам, так и фандомному миру комиксов в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение поликодового текста комикса в рамках относительно ограниченных сообществ – фандомов, характеризующихся собственной интерпретацией классической аксиологии, в частности, понятия *ада*, демонстрирует потребность создания модели обобщения, отличающейся от общей культуры социума, опирающейся на требование максимальной концентрации информации, проявляющейся в её представлении в виде краткого поликодового текста (комикса). Использование поликодовых средств (вербальных и невербальных) внутри мультифандомной субкультуры как особого вида дискурса позволяет расширить её восприятие, компенсировать вероятность коммуникативной неудачи, выраженной незнанием и непониманием, у людей, не вовлечённых в названную субкультуру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лингвосемиотика, субкультура, поликодовый текст, комикс, фандом

СТРУКТУРА

Введение

Методология и материал исследования

Результаты и обсуждения

Заключение

O. Maksimenko

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

LINGUOSEMIOTICS OF MULTIFANDOM WORLD

ABSTRACT

Aim. To characterize one of the modern forms of social leisure within subcultures – multifandom worlds – from the standpoint of linguosemiotics.

Methodology. The research is carried out by methods of linguistic and semiotic analysis, the features of the creation and functioning of comics as the main component of the multifandom world are considered on the example of the products of two American publishing houses that laid the foundations of this social and linguosemiotic phenomenon.

Results. The semiotic (verbal and nonverbal) structure of the comic book as the main element of the subculture of the fandom world is considered; the relations of signs within comics, the principles of their implementation in comics of two major American publishers. The common linguistic semiotic features characteristic of both the comics themselves and the comic book fandom world as a whole are revealed

Research implications. The study of the polycode text of a comic book within the framework of relatively limited communities – fandoms characterized by their own interpretation of classical axiology, in particular, the concept of hell, demonstrates the need to create a generalization model that differs from the general culture of society, based on the requirement of maximum concentration of information, manifested in its presentation in the form of a brief polycode text (comics). The use of polycode means (verbal and nonverbal) within a multifandom subculture as a special kind of discourse makes it possible to expand the perception of this special world, to compensate for the likelihood of communicative failure expressed by ignorance and misunderstanding among people not involved in this world.

KEYWORDS

linguosemiotics, polycode text, subculture, comics, fandom

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир мультисемиотичен и многогранен; одним из его социальных компонентов является мир развлечений. Люди в течение многих веков объединяются в группы «по интересам» для проведения досуга – необходимой составляющей человеческой жизни. Долгое время традиционными способами проведения свободного времени были чтение, музицирование, рисование, разнообразное коллекционирование и мн. др., что можно отнести к индивидуальным видам досуга. Но с изменением темпа и стиля жизни современного человека изменились и формы проведения свободного времени – одним из примеров нового типа коллективного досуга XXI в. можно считать участие в так называемом фандоме. *Фандом* – это сообщество обычно подростков и молодых людей, увлечённых общим интересом чаще всего к какому-либо художественному произведению – фильму, книге, сериалу, комиксу и пр.

Фандомный мир, тем более мультифандомный мир – особая социальная среда, объединяющая собственно источник интереса и группу поклонников, которая стремится выработать собственные ценности, нормативные схемы, идеологию и другие черты, маркирующие её представителей на фоне социума и господствующей культуры. Развитие форм коммуникации и передачи информации активно способствует этому процессу. Основной задачей уже сформировавшихся сообществ являются накопление, сохранение и демонстрация особенностей, отражающихся в первую очередь в категориях культуры. Для определения таких сообществ используется понятие *субкультуры*. Э. Тоффлер, характеризуя современную эпоху, говорит о «... времени субкультурного взрыва» [3, с. 11]. Понятие *субкультуры* впервые появилось в учебной литературе в 1930-х гг. и обозначало «... нечто профанное, бытовое, в некоторых случаях маргинальное; ... то, что находится за пределами господствующей линии культуры» [2, с. 126]. Совершенно иной смысл этому термину придал американский социолог Д. Райзмен [6]. В книге «Одинокая толпа: изучение изменения американского характера» (2001) учёный разделяет понятия «... большинства, представители которого пассивно принимают навязанные, коммерчески выгодные нормы поведения и смыслы, и меньшинства – субкультуры, представители которой находятся в непрерывном, активном поиске собственных норм поведения, основой которых являются деструктивные ценности» [4, р. 21]. Хотя в основе мультифандомного мира лежат отнюдь не деструктивные ценности, сутью существования этого мира, безусловно, является активный подход к жизни. В 1960–70-х гг. термин *субкультура* использовался в научном обиходе для описания неформальных объединений молодёжи. Стоит отметить, что выработанные в рамках этих сообществ ценности, нормативные схемы и идеология уже не считались чем-то маргинальным, находящимся за пределами культуры.

На сегодняшний день субкультура окончательно утвердилась в роли «подсистемы» культуры, и мультифандомный мир можно назвать субкультурой, обладающей всеми её характеристиками:

- общими интересами;
- нормами поведения внутри системы;
- знаковой символикой;
- вербальным компонентом (терминологией, ономастикой, речевыми характеристиками персонажей, слоганами и пр.).

МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из основных элементов мультифандомного мира и символов современной молодёжной культуры являются комиксы. По мнению Дж. Кочалки, высказанному им в книге “The Horrible Truth About Comics”, комиксы – это

способ создания вселенной и наполнения её персонажами с использованием секретного кода, который работает самым простым и непосредственным способом, чтобы проникнуть в мозг читателя; серия маленьких картинок и групп слов, расположенных в ритмическом рисунке для создания и активизирования мира внутри нас [5].

Термин «комиксы» как вид “sequential art” (термин У. Айснера [4]), иногда переводят как «рисованные истории». В отличие от повести или рассказа в традиционном понимании основой передачи сюжета в них служит рисунок (иконический компонент), а не текст (вербальный компонент), дополняющий рисунок. Комикс представляет собой, по сути, повествование, изложенное в иконической (рисованной) форме, т. е. для передачи основного содержания используется невербальный семиотический код, и даже не один. Это могут быть собственно рисунок (графика), цвет, форма, размер и вербальный компонент, т. е. комикс представляет собой полноценный поликодовый (креолизованный, мультимодальный) текст [1].

С точки зрения семиотики иконический язык принципиально не отличается от вербального языка – оба представляют собой, по сути, знаковые системы. Вместе с тем изображение является хоть и универсальной, но не столь чётко выраженной знаковой единицей, как слово, а его семантика по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определённой, расплывчатостью, размытостью своих границ и обладает значительным диапазоном интерпретации, во многом определяемым лингвокультурной принадлежностью реципиента.

Комиксы как вид визуального искусства существуют достаточно давно, уходя корнями в иллюстрированные памфлеты, книжные иллюстрации, лубочные картинки и др. В западном мире отношение к комиксам сложилось достаточно серьёзное – так, во Франции комиксы считают девятым видом искусства и поддерживают на государственном уровне. В наиболее распространённых комиксах действуют супергерои, как в Америке, или же привычные любимые персонажи, как Тинтин в Бельгии и Франции и др. В отечественной традиции комиксы до определённого времени не были особенно популярны. Неким подобием комиксов можно считать издающийся с 1956 г. детский журнал «Весёлые картинки», в котором также предлагались рисованные истории о постоянно действующих в этой своего рода «детской вселенной» вымышленных персонажах – Карандаша, Самоделкина, Петрушки, Буратино и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Исследованием сложного поликодового (мультисемиотичного) явления, состоящего из разных семиотических кодов, занимаются специалисты смежных отраслей знания – лингвисты, психологи, социологи, семиотики,

создатели рекламы и пр. В отечественной традиции комплексных исследований комиксов как поликодового текста и одного из основных элементов фандомного мира не проводилось.

Рассмотрим ряд наиболее известных комиксов издательств Marvel и DC с целью выявить лингвосомиотические сходства и различия, определяющие их популярность в мультифандомном мире.

Можно считать вербальный компонент панели (одного рисунка) комикса как целостную единицу в теории коммуникации, поскольку он соответствует описываемой ситуации и тем самым относится к наиболее важной части содержания. Ситуация должна быть ясной и легко определяться читателем. Если содержание нельзя установить из поверхностной формы вербального компонента, не проводя дополнительных смысловых преобразований, которые могут основываться на семантике слов, входящих высказывание, тогда иконический компонент должен компенсировать недостаточность контекста.

Разграничение явной и скрытой частей семантики текста, а в скрытой – обязательной и факультативной информации – принципиально важно для понимания текста без потери элементов сюжета. Неочевидная, скрытая информация может быть и обязательной, и факультативной. В видеоряде она выражается графикой, цветом, размерами. К факультативной относятся различные оттенки значения, культурно обусловленные ассоциации слов, устойчивые образы, которые могут либо восстанавливаться читателем, либо оставаться нераскрытыми.

Поскольку основная цель существования фандома состоит в общении членов сообщества, коммуникация происходит с использованием соответствующей фандомной лексики и символики в основном через интернет, хотя проводятся и так называемые *конвенты* (собрания разного уровня, как правило, ежегодные), на которых члены сообщества (*косплееры*) могут выступать в роли любимых персонажей, фактически «оживляя» их. Но для участия надо отчётливо понимать значение каждого знака (как вербального, так и невербального), существующего в среде каждого фандома. Основы лингвосомиотики фандомов на базе комиксов были заложены двумя наиболее известными издательствами, до сих пор играющими доминирующую роль в этой области современной культуры – Marvel и DC.

История компании Marvel началась в 1939 г., когда издатель М. Гудмен объединил группу компаний под названием Timely Comics. Основным продуктом его издательской компании на тот момент были pulp-журналы – ориентированная на массового читателя бульварная литература и т. п. В то время рынок комиксов переживал стремительный взлёт благодаря выходу первых выпусков о Супермене и других героях будущих DC Comics. Первый комикс Marvel Comics имел настоящий успех. Готовыми хрестоматийными злодеями стали образы европейских диктаторов и японских милитаристов

начала Второй мировой войны. Необходимо было противопоставить им своего героя – появился Капитан Америка. За долгую историю издательство создало так называемую *вселенную*, в которой функционировали герои, наделённые узнаваемыми семиотическими характеристиками. В Marvel общую цветовую семиотическую картинку основной *вселенной* характеризуют яркие цвета (красный, жёлтый (*Железный человек*), синий, белый (*Капитан Америка*), зелёный (*Халк*)). Выбранные однажды, эти цветовые характеристики не меняются десятилетиями, позволяя читателям легко ориентироваться в новой продукции Marvel, т. е. постоянные цветовые маркеры играют определяющую семиотическую роль. Цветовая гамма выбрана для каждого персонажа не случайно. Так, к примеру, цвета костюма Капитана Америки отбрасывают цвета национального флага США и подчёркивают исключительную патриотичность персонажа, приверженность американским идеалам. Зелёный цвет Халка обусловлен, с одной стороны, попыткой отойти от символики этнической принадлежности какой-либо расе, а с другой стороны, техническими возможностями полиграфии начала 1960-х гг., что отчасти объясняет невербальную цветовую семиотическую компоненту комиксов Marvel.

Компания DC (аббревиатура от Detective Comics) была создана в 1934 г., и до сих пор это издательство выпускает хорошо известные и успешные комиксы. С июня 1938 г. появился новый тип персонажа – *супергерой*. Началом золотого века комиксов стало появление ещё двух персонажей – Бэтмена (май 1939 г.) и Песочного человека (Sandman). Издательство DC уже около 80 лет поддерживает общую тему фантастики и персонажей-супергероев.

Так же, как и Marvel, DC определило свою неменяющуюся цветовую гамму. Видимо, поскольку изначально DC – это детективы, авторами были выбраны тёмные, мрачные, холодные цвета, что особенно заметно в линейках комиксов про Бэтмена – героя, ведущего борьбу с преступностью под покровом ночи. Этим же определяются его псевдонимы, вербальные маркеры, совпадающие по семантико-семиотическому значению с семиотикой цвета: *Тёмный рыцарь*, *Сын ночи*. В комиксах лишь немногие герои имеют свои квази-слоганы, однако Бэтмен является исключением со своей знаменитой фразой «Я – Бэтмен», произносимой в самых разных контекстах. Цветовая семиотика Супермена не имеет под собой особенно глубокой подоплёки, при создании образа персонажа авторы старались сделать его максимально ярким и выделяющимся на общем мрачном фоне.

Термин *вселенная* применим к продукции обоих издательств и обозначает совокупность основных сюжетов. В контексте комиксов термин *вселенная* не синонимичен термину *мир*. Вселенная включает в себя совокупность *параллельных миров*.

В современных глобальных *ивентах* (*глобальный ивент (событие)*) – событие в комиксах, объединяющее всю комикс-вселенную или большую её часть, в котором все герои издательств, в том числе разных линеек комиксов,

так или иначе взаимодействуют между собой; например, Marvel – “Civil war”, “Secret wars”, DC – “Trinity war”, “Convergence”), всё основано на конфликте и, соответственно, борьбе героев. Вселенные всех упомянутых издательств достаточно обширны и не могут не базироваться на уже известных литературных сюжетах. В частности, эти вселенные заимствуют и по-своему интерпретируют универсальное семанτικο-семиотическое понятие *ада*.

Marvel и DC сходятся на том, что *ад* является параллельным миром, полным страха и насилия. Относительно того, кто этим миром управляет, их мнения разделились. В представлении издательства DC отдельно существуют знаковые семантически узнаваемые персонажи: Люцифер – создатель и бывший правитель ада, и Сатана, управляющий адом ныне. Издательство Marvel не наделяет функцией управления кого-то конкретного, в разное время Сатаной себя именовали разные персонажи, однако достоверно установить, кто из них говорил о себе правду, не представляется возможным.

Общим персонажем, также заимствованным из Библии, является Азazelь, падший ангел. В Marvel Азazelь демонстрируется в чисто демоническом виде, отвечая всем представлениям и стереотипам о нечистой силе. Во вселенной DC Азazelь появился недавно и присутствует в виде бесплотного чёрного духа. Однако в мире ада используются традиционные библейские имена и номинации, что должно опираться на фоновые знания читателя для понимания сюжета (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Лингвосемиотические элементы комиксов / Linguosemiotic elements of comics

	Название издательства	
	Marvel	DC
Основа вселенной (самые известные персонажи)	Группы супергероев (Люди X, Мстители) и множество отдельных персонажей	Основное «трио» (Бэтмен, Супермен и Чудо-женщина), другие члены Лиги Справедливости
Дата создания	1939 г.	1934 г.
Глобальные события (ивенты)	1) Гражданская война (Civil war) 2) Секретные войны (Secret wars)	1) Война троицы (Trinity war) 2) Конвергенция (Convergence)

	Название издательства	
	Marvel	DC
Суть инвента	1) Разделение супергеройского сообщества на две враждующие фракции 2) Вынужденная «битва» – все против всех	1) Разделение сообщества на три фракции 2) Аналог Секретных войн
«Сумасшедшие» персонажи	Дедпул (антигерой)	1) Джокер (злодей) 2) Харли Куинн (антигерой)
Характеристика персонажа	Ломает 4 стену (знает, что он персонаж комиксов). Бабблы ¹ всегда жёлтого цвета	1) Сумасшедший, всегда с ужасающей улыбкой на лице 2) Сумасшедшая, заиклена на Джокере, называет его Пудингом
Особенности внешности	Абсолютно изуродованная кожа, поэтому почти всё время носит красный костюм, за которым не видно крови	1) Белое лицо, зелёные волосы 2) Белое лицо, красно-чёрный костюм арлекина или красно-синий стилизованный костюм
Характерные появления	Дедпул уничтожает Дэдпула / литературу / вселенную Марвел	Убийственная шутка
Дьявол	В разное время так себя именovali множество разных персонажей	Люцифер – имеет полностью человеческий вид
Азazelь	Демон в классическом понимании слова	Чёрный бестелесный дух

В фандомном мире, как и в любом организованном сообществе (субкультуре), существует своя терминология, функционирующая как составляющая языка для специальных целей (LSP) и позволяющая достаточно чётко определять принадлежность к сообществу по архетипической оппозиции «свой – чужой». Термины, как правило, представляют собой транслитерированные заимствования из английского языка, например, *кроссовер*, *ориджин*, *спин-офф*, *фанарт*, *флешбэк* (вставка среди сюжета, в которой показываются события до его начала), *холивар* (извечный конфликт внутри фандома), однако встречаются и переосмысленные номинации (*канон*) или неологизмы (*пасхалка*), построенные по стандартной морфологической модели русского языка. Термины / терминыды не только функционируют в рамках ука-

¹ Баббл (англ. *bubble* «пузырь») – выноска, «облачко» с текстом для иллюстрации речи или мыслей персонажа комикса (прим. ред.).

занных фандомов, но представляют собой лексический компонент многих пересекающихся субкультур, позволяя осуществлять коммуникацию между сообществами.

Учитывая тот факт, что с определённого времени комиксы существуют не только на бумаге, но и в виде кинофильмов, анимационных фильмов и компьютерных игр, их семиотические характеристики стабильны и должны легко опознаваться как в рамках субкультуры, так и вне её (например, ключевые персонажи комиксов, такие как Капитан Америка или Бэтмен, уже давно вышли за их рамки и известны не только поклонникам это жанра). Таким образом, как вербальные, так и невербальные особенности героев семиотически закреплены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общей чертой постиндустриальной эпохи является активное развитие сферы досуга, самореализации человека и проявлений своего Я. Одним из результатов этого процесса стало создание в относительно ограниченных сообществах – субкультурах, в частности фандамах – собственной интерпретации классической аксиологии, потребности в фиксации и выражении иных норм и ценностей, создании модели обобщения, отличающейся от общей культуры социума. Это явление совпало со стремлением современного мира к максимальной концентрации информации, проявляющейся в её представлении в виде краткого поликодового текста, в частности, комиксов. Фандомный мир в целом пользуется традиционными семиотическими кодами: цветом, графикой, формой, а также вербальным кодом для создания собственной узнаваемой субкультуры, что позволяет участникам фандомного мира осуществлять коммуникацию как внутри отдельных фандомов, так и между собой. Считаем, что использование поликодовых средств (вербальных и невербальных) внутри мультифандомной субкультуры как особого вида дискурса позволяет расширить восприятие этого необычного мира, улучшить взаимопонимание между участниками данного современного явления, компенсировать вероятность коммуникативной неудачи, выраженной незнанием и непониманием у людей, не вовлечённых в этот мир.

Разные семиотические коды, взаимно дополняя друг друга, позволяют погрузиться во вселенные комиксов как одну из составляющих мультифандомного мира. Анализ показал, что оба издательства решают эти задачи как универсальными средствами, так и уникальными для каждого из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максименко О. И. Поликодовый vs креолизированный текст: проблема терминологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 93–102.
2. Мационис Дж. Социология / пер. с англ. З. Замчук, С. Комарова, А. Смирнова. М.: Питер, 2004. 752 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е. Рудневой. М.: АСТ, 2008. 122 с.
4. Eisner W. Comics and Sequential Art. Tamarac, Florida: Poorhouse Press, 1985. 164 p.
5. Kochalka J. The Horrible Truth About Comics. Cupertino, California: Alternative Comics Publ., 1999. 36 p.
6. Reisman D. The lonely crowd: a study of the changing American. New Haven: Yale University Press, 2001. 392 p.

REFERENCES

1. Maksimenko O. I. [Policeguy vs creolized text: the problem of terminology]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2012, no. 2, pp. 93–102.
2. Macionis J. Sociology (Rus. ed.: Zamchuk Z., Komarov S., Smirnov A., transl. *Sotsiologiya*. Moscow, Piter Publ., 2004. 752 p.).
3. Toffler A. Future shock (Rus. ed.: Rudneva E., transl. *Shok budushchego*. Moscow, AST Publ., 2008. 122 p.).
4. Eisner W. Comics and Sequential Art. Tamarac, Florida, Poorhouse Press, 1985. 164 p.
5. Kochalka J. The Horrible Truth About Comics. Cupertino, California, Alternative Comics Publ., 1999. 36 p.
6. Reisman D. The lonely crowd: a study of the changing American. New Haven, Yale University Press, 2001. 392 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.03.2022

Статья размещена на сайте: 21.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: maxbel7@yandex.ru

Olga I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: maxbel7@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Максименко О. И. Лингвосемиотика мультифандомного мира // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Maksimenko O. I. Linguosemiotics of multifandom world. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 80/81

Щербо П. А., Тарасова О. Д.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ СРЕДСТВАМИ ИНКОРПОРИРОВАННЫХ КОМПЛЕКСОВ

АННОТАЦИЯ

Цель. Обзор морфологических и синтаксических особенностей инкорпорированных комплексов (ИК), позволяющих им становиться средством речевой компрессии.

Процедура и методы. Изучается инкорпорирование в свете морфологической классификации языков. Рассматривается использование ИК как речевых окказионализмов, расширяющих объём высказывания. Использованы методы системного анализа, сплошной выборки, компонентного словообразовательного и парадигматического анализа.

Результаты. Демонстрируется синтаксический статус ИК. Раскрывается его переходная полисинтетическая грамматическая природа, констатируется его способность именовать ситуации и расширять дискурс при совпадении фоновых знаний автора и реципиента. Доказывается способность ИК к речевой ситуативной компрессии за счёт аллюзивности и цитирования предшествующих акту коммуникации ситуаций.

Теоретическая и практическая значимость. Работа вносит вклад в традицию со-вмещения принципов изучения языка как системы и речи как её реализации – на примере инкорпорации. Диалектика показана через функционирование ИК в речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инкорпорированный комплекс, речевая компрессия, окказионализм, полисинтетизм

СТРУКТУРА

Введение

Понятие инкорпорации

Окказиональный характер инкорпорации

Речевая компрессия и аллюзивность

Заключение

P. Shcherbo, O. Tarasova

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

OCCASIONAL SPEECH COMPRESSION BY THE MEANS OF INCORPORATED COMPLEXES

ABSTRACT

Aim. A review of those morphological and syntactic features of incorporated complexes (IC) that allow them to become a means of speech compression.

Methodology. The phenomenon of incorporation is studied from the point of view of morphological classification of languages. The use of ICs as speech nonce phrases expanding the scope of the utterance is considered. The methods used are those of system analysis, continuous sampling, component word-formation and paradigmatic analysis.

Results. The peculiar syntactic status of the IC is demonstrated. Its transitional polysynthetic grammatical nature is revealed. The ability of the IC to name situations and to expand the discourse provided the similarity of the background knowledge of the author and the recipient is stated. Its aptitude for situational compression is proved due to its property of allusiveness and the ability to cite any situations preceding the act of communication.

Research implications. The work contributes to the tradition of combining the principles of studying the language as a system and speech as its implementation – on the example of incorporation. The dialectics is shown in the character of functioning of IC in speech.

KEYWORDS

incorporated complex, speech compression, nonce phrase, polysynthetism

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в системе языка не только постоянно возникают новые элементы и отмирают старые, но и происходит перегруппировка имеющихся элементов, их переосмысление. Быстрые социальные изменения, перемены в укладе жизни, в способах и средствах, используемых для общения и обмена информацией, ускоряют языковую динамику и создают необходимость увеличения ёмкости высказываний. Лингвисты изучают динамику изменений языка под влиянием особого стиля общения в социальных сетях [10, с. 128, 129]. Бурно растёт количество нововведений в языке, неизбежно меняются нормативные установки литературного языка за счёт возникновения новых соотношений языковых явлений. Новации, в данном случае активное использование инкорпорированных комплексов, воспринимаются языковым сообществом по-разному в зависимости от степени и сферы их распространения, источника их возникновения, их соответствия языковой системе и наличия незаполненной ниши для выполнения новой функции.

Задачи, способствующие решению указанной проблемы, были сформулированы следующие: выявить языковые системные особенности языка (по аналогии с агглютинирующими языками), делающие возможным конструирование инкорпорированных комплексов; продемонстрировать их окказиональный характер, проанализировать потенциал в аспекте речевой компрессии и семантического расширения объёма высказывания.

На теоретическом и эмпирическом уровнях исследования были использованы следующие **методы исследования**: при сборе языкового материала из художественной литературы – метод сплошной выборки, на этапе моделирования – методы компонентного (семного), словообразовательного и парадигматического анализа. Метод системного анализа позволил сделать обобщения и выводы касательно морфологических и синтаксических особенностей изучаемых языковых единиц, а также интерпретировать смысловой объём каждого из рассматриваемых примеров использования инкорпорированных комплексов.

Теоретической базой исследования послужили работы таких учёных, как В. Гумбольдт [4], В. Г. Богораз [3], Р. Холл [11], В. З. Панфилов [8], И. В. Арнольд [2], И. И. Мещанинов [6], И. Н. Дудий и И. В. Кужулова [5], И. А. Муравьева [7], М. А. Анохина [1] и др., которые рассматривали инкорпорирование как способ выражения синтаксических отношений, как модель словообразования по типу словосложения либо как уникальное морфолого-синтаксическое явление. Их труды посвящены разработке проблем, связанных с вопросами о границах слова и предложения, о соотношении словосочетания и слова, а также о членении предложения. В трудах данных исследователей внимание уделяется аспектам графического оформления инкорпорированных комплексов, их стилистическим и функциональным особенностям, а также сопоставительному и лексическому аспектам их изучения.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в возможности применять его результаты на различных этапах работы с аутентичным текстом: интерпретировать значения инкорпорированных комплексов, учитывая их роль и функцию в предложении, видеть авторский замысел, оценивать языковую игру и стилистический потенциал всего контекста. Таким образом, материалы исследования могут быть использованы на языковых факультетах высших учебных заведений в преподавании таких специальных теоретических языковых дисциплин, как «Лексикология», «Стилистика», а также при проведении семинаров по ним. Помимо этого, данные исследования могут быть применены в практических курсах по дисциплинам «Стилистика текста», «Публицистический текст и язык современной прессы», при создании учебных пособий по ним.

ПОНЯТИЕ ИНКОРПОРАЦИИ

В лингвистическом энциклопедическом словаре понятие инкорпорации определяется как «способ синтаксической связи компонентов словосочетания (частичная инкорпорация) или всех членов предложения (полная инкорпорация), при котором они соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них. Количество и порядок этих компонентов с присущими им обособленными лексическими значениями окказиональны, то есть каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между данными компонентами соответствуют синтаксическим»¹. Такие отношения могут быть атрибутивными, обстоятельственными, объектными и предикативными. Инкорпорированный комплекс не сводим ни к слову, от которого он отличается лексико-семантической расчленённостью, ни к словосочетанию, в отличие от которого он характеризуется морфологической целостностью, оформленностью.

Слово в языках инкорпорирующего типа разрастается до размеров предложения и становится номинантом не отдельного предмета или явления, а события или ситуации с участием нескольких предметов, поэтому оно должно иметь возможность включать в свой морфемный состав корневые обозначения этих предметов.

Академик И. И. Мещанинов, анализируя явление инкорпорирования, выделяет два вида: полное и частичное. Под словом-предложением (иначе – полным инкорпорированием) он понимает инкорпорирующие комплексы, передающие одним словом целое предложение. Не являясь ни словом, ни предложением, такие комплексы представляют собой формально слово, а по содержанию – предложение. И. И. Мещанинов считает, что здесь мы имеем дело с нерасщеплённым состоянием слова и предложения и что они свидетельствуют о существовании в прошлом такого состояния языка, когда слово и предложение ещё не были выделены как таковые. Инкорпорирующий комплекс (или слово-предложение), по мнению И. И. Мещанинова, был построен согласно особым нормам мышления, по которым субъект, объект и их признаки не выделялись каждый отдельно, а мыслились диффузно [6].

Своё исследование И. И. Мещанинов строит на анализе инкорпорирующих языков (тип языков, выделенный согласно морфологической классификации) – таких как чукотско-камчатские, палеоазиатские, языки индейцев Северной Америки. Для них характерна возможность включения в состав глагола-сказуемого других членов предложения, иногда с сопутствующими морфологическими изменениями основ. В. фон Гумбольд также описывает подобные языки и подчёркивает, что их особенность состоит в том, что предложение строится как сложное слово, т. е. неоформленные корни-слова агглютинируются в одно

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 193.

целое, которое становится и словом, и предложением. Части этого целого – и слова, и члены предложения одновременно. Целое – это слово-предложение, где началом является подлежащее, концом – сказуемое, а в середину инкорпорируются дополнения, определения и обстоятельства. Гумбольд разъясняет это: на примере мексиканского языка – *nikanakwa*, где *ni* – «я», *na* – «ед», т. е. «ем», а *kwa* – объект «мясо»; на примере чукотского языка – *ты-ата-каа-нмы-рыкы*, буквально читаемое «я-жир-олень-убив-делай». При переводе на русский язык мы получаем два синтаксически и грамматически оформленных предложения: *Я ем мясо. Я убиваю жирных оленей*. И наоборот, такое сочетание грамматических неоформленных основ русского языка, как *муравьед*, мы не рассматриваем как предложение [4].

В стадильной периодизации И. И. Мещанинов рассматривает полное инкорпорирование в качестве стадии, предшествующей членённому составу предложения. На следующем этапе развития языка вследствие имевших место сдвигов в нормах мышления происходит трансформация словопредложения, его распад, в результате чего возникает частичное инкорпорирование. Как следствие, появляется предложение, так как субъект и предикат получают свои отдельные выражения. Однако отношения между некоторыми словами в предложении продолжают выражаться слиянием в одно слово.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИНКОРПОРАЦИИ

Для иллюстрирования изучаемого явления были выбраны примеры на английском языке с переводом их на русский. Безусловно, современный английский язык нельзя назвать инкорпорирующим в том же самом смысле, в котором Гумбольд и Мещанинов называют чукотский, мексиканский и другие языки. Поэтому встречающиеся в современной художественной литературе предложения типа:

...calories 1456 (**pre-new-job healthy eating**)... – «...количество калорий – 1456 (правильное питание в преддверии выхода на новую работу)² (здесь и далее перевод авторов статьи – О. Т., П. Щ.);

...rang Tom from **miracle-on-train-phone** (*How does it work? How? No wires. Weird.*) to moan about the **no-twenty-three-year-old-date crisis**. – «...позвонил Том с телефона, волшебным образом оказавшегося в поезде (Как он работает? Как? Без проводов. Странно.), чтобы поныть о том, как тяжело ходить на свидания, когда тебе уже не двадцать три»³ – не рассматриваются как сращение грамматически не выделенных основ. Скорее, необычность оформления таких предложений трактуется как своеобразный стилистический приём окказионального характера, несущий читателю дополнительную информацию о героях, их характерах и взаимоотношениях, а также об эмоциональной

² Fielding H. Bridget Jones's Diary. 2nd ed. London: Picador, 1998. P. 203.

³ Ibid. P. 216.

атмосфере описываемой ситуации в целом. В данном случае инкорпорирование как альтернатива традиционному синтаксису для оформления предложений значительно расширяет смысловое поле высказывания.

Ограниченность формоизменения слова, показывающая синтаксические отношения одной единицы к другим, а также стремление к речевой компрессии одновременно с высокой степенью экспрессивности приводят к возникновению явления инкорпорирования, которое реализуется при функционировании слова в тексте. Под инкорпорированными комплексами предлагается понимать образования, возникающие в результате стяжения языковых единиц в один состав. Получаемая грамматическая единица по форме напоминает слово, а по значению соответствует предложению [6]. Все члены одного предложения или несколько слов, входящих в его состав, полисинтетически соединяются в единое целое. По мнению И. И. Мещанинова, в таком случае, при полной инкорпорации, когда весь комплекс представляет собой одно слово, члены предложения, а значит, и части речи выделить невозможно. Такой комплекс членится только на морфемы [6].

Таким образом, инкорпорированный комплекс – это морфолого-синтаксическая единица речи, которая формируется ситуативно в результате перехода с уровня морфологии и грамматики на уровень синтаксиса. Эта единица функционирует в предложении как сложное слово, или словосложение, и проявляет в себе черты полисинтетизма.

Инкорпорированные комплексы не выступают изолированно в словах или грамматиках как состоявшиеся лексические единицы. В большинстве случаев они представляют собой окказионализмы, сиюминутные изобретения говорящего. Однако довольно органично вписываются в систему языка. Об этом может свидетельствовать тот факт, что, будучи сами по себе стилистическим приёмом, инкорпорированные комплексы способны исполнять роль других стилистических приёмов в высказывании. Так, часто встречаются примеры использования инкорпорированных комплексов в роли антономасии:

– *Oh yes, I think **What's-his-name** is very good.* – «О да, я думаю, Как-бишь-его-там очень хорош»⁴.

– *Ah, but then, you see, I've got to watch it because we could easily end up with a nutcase like **What-do-you-mer-call-him** that used to run the miners.* – «Да, но тогда, знаешь ли, мне нужно на это посмотреть, потому что может так оказаться, что это очередной псих, как тот Как-там-его, который был бригадиром у шахтёров»⁵.

*How does Mrs. Smug **Married-at-twenty-two** think she knows?* – «Ну и откуда эта выскочившая замуж в двадцать два может знать?»⁶.

⁴ Fielding H. *Bridget Jones's Diary*. 2nd ed. London: Picador, 1998. P. 300.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 244.

Таким образом, инкорпорированные комплексы воспринимаются говорящим как единое целое и, с формальной стороны, функционируют в предложении как единое целое. Это позволяет строить предположения о возможности определения особого статуса инкорпорированных комплексов по отношению к уже принятым традиционной грамматикой частям речи.

РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ И АЛЛЮЗИВНОСТЬ

При образовании инкорпорированных комплексов действует принцип «наименьшего усилия», или принцип так называемой лингвистической экономии. Этот принцип является одним из определяющих для эффективности и жизнеспособности языка как системы. В то же время процесс интеграции может рассматриваться как один из типов редукции высказывания при одновременном увеличении ёмкости передачи информации. Инкорпорированные комплексы вносят в предложение не только дополнительную информацию, но и дополнительную предикацию (часто в структуру комплекса инкорпорированного целого предложение, а то и несколько – иногда целая ситуация). В романе С. Шелдона «Bloodline» описывается жизнь главной героини в детстве, когда всё её общение с отцом состояло из нескольких фраз:

- *How's school coming along?* «Как там в школе?»
- *Fine, thank you.* «Хорошо, спасибо»
- *Any problems?* «Есть проблемы?»
- *No, Father.* «Нет, папа»
- *Good.* «Прекрасно»⁷.

Когда девочка выросла, отец стал ей очень близок, они стали много общаться, и девушка говорит, что между ними теперь нет ничего подобного: *"There was no how's-school-coming-along-fine-thank-you-any-problems-no-father-good."* – «Не было уже тех пустых разговоров, типа *Как-в-школе-хорошо-спасибо-есть-проблемы-нет-папа-прекрасно*»⁸.

Уникальной характеристикой инкорпорированных комплексов – и одновременно эффективным ресурсом увеличения смыслового объёма высказывания – является их аллюзивность, т. е. способность заключать в себе отсылки на известные тексты и другие произведения культуры, на исторические события или личности, делая комплекс семантически очень обширным, интерпретируемым индивидуально каждым реципиентом в зависимости от его погруженности в контекст, в культуру, от его уровня образованности, возраста и т. д. Можно сказать, что инкорпорированные комплексы являются в процессе коммуникации окказиональными не только на этапе их порождения, но и на этапе их понимания, расшифровывания.

⁷ Sheldon Sh. *Bloodline*. New York: Wings Books, 1992. P. 83, 84.

⁸ Ibid. P. 83, 84.

“Now come along, Bridget. I don’t want any silliness”, she said in her Genghis-Khan-at-height-of-evil voice. – «“Ну пожалуйста, Бриджит. Не глупи”, – сказала она голосом Чингиз Хана на пике ярости»⁹ – для понимания данной фразы необходимо знать историческое значение упомянутой личности.

I was beginning to suspect a post-Portuguese-holiday Shirley-Valentine-style scenario... – «Я уже начинала подозревать, что после возвращения мамы из Португалии события будут развиваться по сценарию фильма Ширли Валентайн»¹⁰ – здесь необходимо знать сюжет названной мелодрамы, который строится вокруг того, что женщина средних лет уезжает в отпуск (в фильме – в Грецию) от рутины и решает перевернуть свою жизнь, удивив мужа и своих уже взрослых детей.

Then he hit the bonnet in an off-you-go sort of way. – «И затем он хлопнул по капоту, картинно отправляя нас наконец-то в путь»¹¹ для понимания контекста и оценки выразительности комплекса нужно представить, как обычно человек, провожающий кого-то, кто уже сидит за рулём, с облегчением и готовностью попрощаться, хлопает ладонью по капоту.

Mum had been to church and suddenly realized in a St Paul-on-road-to-Damascus-type blinding flash that the vicar is gay. – «Маму после посещения церкви вдруг осенило, на манер того самого прозрения апостола Павла, что викарий – гей»¹² для понимания данной фразы необходимо знать и понимать значение одного из эпизодов жития апостола Павла, а именно ослепление и прозрение на пути в Дамаск.

Grasshopper Who Sang All Summer crisis – «Кризис стрекозы, пропевшей и проплясавшей всё лето»¹³ – для понимания данной фразы необходимо знать историю о стрекозе (в англоязычном варианте – кузнечика), которая «лето красное пропела, оглянуться не успела, а зима катит в глаза».

В. Я. Плоткин отмечает, что препозитивные определения, выраженные стяжениями, называемыми в рамках настоящего исследования инкорпорированными комплексами, лишь цитируются автором или говорящим для передачи индивидуального значения [9]. Действительно, в исследовании И. В. Арнольд подобные явления также получили обозначение “quotation pouns” – «существительные-цитаты» [2] (перевод авторов статьи – О. Т., П. Щ.). В ходе исследования обнаруживается, что в комплексы часто сворачиваются цитаты для более лаконичной их передачи. Многие инкорпорированные комплексы, будучи речевыми окказионализмами по своей природе, выстра-

⁹ Fielding H. *Bridget Jones’s Diary*. 2nd ed. London: Picador, 1998. P. 130.

¹⁰ Ibid. P. 53.

¹¹ Ibid. P. 39.

¹² Ibid. P. 38.

¹³ Ibid. P. 81.

иваются на основе общепринятых слов и словосочетаний или интегрируют в свой состав реплики из речи собеседника:

Isn't-everything-super? voice – «Радостный голос, означающий, что всё складывается как нельзя лучше»¹⁴.

There were fussy and chatty grey doves like Grandmothers; and brown rough-voiced pigeons like Uncles; and greeny, cackling no-I've-no-money-today pigeons like Fathers. – «Некоторые голуби были суетливы и болтливы, как бабушки, некоторые – с хрипловатым голосом, словно дядюшки, а иные, с зелёным отливом, курлыкали строго и озабоченно, как в некоторых семьях отцы: "Ну нет, сегодня у меня нет на это денег!"»¹⁵.

...said Mary Poppins, with a curious I-know-better-than-you expression on her face. – «...сказала Мэри Поппинс, изящно показывая всем своим видом, что ей всё же лучше знать»¹⁶.

He has become part of That Which Must Not Be Mentioned. – «Он стал частью того, о чём не принято говорить»¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведённого исследования можно прийти к выводу, что инкорпорированный комплекс характеризуется лексической и семантической расчленённостью и не сводим к слову, однако имеет целостное оформление, что отличает его от словосочетания. При этом инкорпорированный комплекс отличается от сочетания грамматически не оформленных основ, как они представлены в агглютинирующих языках. Как и в языках инкорпорированного типа, современный инкорпорированный комплекс является номинантом не отдельного предмета или явления, а целого события или ситуации.

Инкорпорированный комплекс признаётся способом редукции высказывания (языковой компрессии), своеобразным приёмом креативной лаконичности и одновременно увеличения смыслового объема, проявляет себя как стилистический приём окказионального характера. Такое его качество, как аллюзивность, проявляется в способности содержать в себе отсылки к любым внешним по отношению к данному контексту фоновым знаниям или цитировать другие ситуации общения, расширяя таким образом смысловое поле высказывания и позволяя также окказионально и индивидуально его интерпретировать.

¹⁴ Fielding H. Bridget Jones's Diary. 2nd ed. London: Picador, 1998. P. 300.

¹⁵ Траверс П. (Pamela Lyndon Travers). Мэри Поппинс (Mary Poppins). На англ. яз. М.: Юпитер-Интер, 2009. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ Fielding H. Bridget Jones's Diary. 2nd ed. London: Picador, 1998. P. 296.

Черты полисинтетизма инкорпорированного комплекса как словостяжения проявляются в его особом статусе – переходной единицы (от морфологии и грамматики к синтаксису). Распространённые инкорпорированные комплексы вносят в высказывание большой объём дополнительной информации, в частности, за счёт введения дополнительной предикации (и не одной).

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке и классификации стратегий перевода инкорпорированных комплексов с учётом грамматических и синтаксических языковых особенностей, ограниченных возможностей словосложения и расширения состава и смыслового объёма комплекса. В ходе перевода необходимо сохранить игру слов, изобретательность, юмор и особый стилистический окрас оригинального текста, передать все нюансы смысла, что представляется сложной творческой задачей с привлечением объяснительных стратегий, поиском эквивалентов, а также с применением других тактик непрямого перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина М. А. Явление инкорпорирования в английской глагольной лексике: на материале адвербиальных глаголов английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 195 с.
2. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования: на материале имени существительного. Л.: Просвещение, 1966. 192 с.
3. Богораз В. Г. Юитский (азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера: сборник статей. Ч. 3 / под ред. Г. Н. Прокофьева. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. С. 105–128.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
5. Дудий И. Н., Кужулова И. В. Прагматические аспекты использования инкорпоративных конструкций в газетно-публицистическом и художественном стилях современного английского языка. Калининград: Пелевинские чтения, 2008. 184 с.
6. Мещанинов И. И. Агглютинация и инкорпорирование // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 25–31.
7. Муравьева А. И. Типология инкорпорации: дис. ... докт. филол. наук. М., 2004. 286 с.
8. Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании // Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 6–29.
9. Плоткин В. Я. Строй английского языка: учебное пособие для институтов и факультетов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1989. 239 с.
10. Сорокина Ю. С. Психотерапевтическая лексика в современном разговорном языке (на материале публикаций англоязычных и русскоязычных социальных сетей) // Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы IX Региональной научно-практической конференции

(с международным участием) «Иностранные языки в межкультурном пространстве: методы исследования и технологии обучения», Москва, 24 сентября 2021 г. / под ред. М. Н. Левченко, О. О. Сорокиной. М.: Издательство МГОУ, 2022. С. 128–131.

11. Hall R. How We Noun-Incorporate in English // *American Speech*. 1956. Vol. 31. № 2. P. 83–89.

REFERENCES

1. Anokhina M. A. *Yavlenie inkorporirovaniya v angliiskoi glagol'noi leksike: na materiale adverbial'nykh glagolov angliiskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [The phenomenon of incorporation in the English verbal lexicon: on the material of adverbial verbs of the English language: Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Barnaul, 2007. 195 p.
2. Arnol'd I. V. *Semanticheskaya struktura slova v sovremenном angliiskом yazyke i metodika ee issledovaniya: na materiale imeni sushchestvitel'nogo* [The semantic structure of the word in modern English and the methodology for its study: on the material of the noun]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1966. 192 p.
3. Bogoraz V. G. [Yuit (Asiatic-Eskimo) language]. In: Prokofyev G. N., ed. *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 3* [Languages and writing of the peoples of the North. Pt. 3]. Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Publ., 1934, pp. 105–128.
4. Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1984. 400 p.
5. Dudii I. N., Kuzhulova I. V. *Pragmaticheskie aspekty ispol'zovaniya inkorporativnykh konstruktov v gazetno-publitsisticheskом i khudozhestvennom stilyakh sovremennogo angliiskogo yazyka* [Pragmatic aspects of the use of incorporative constructions in the newspaper-journalistic and artistic styles of the modern English language]. Kaliningrad, Pelevinskie chteniya Publ., 2008. 184 p.
6. Meshchaninov I. I. [Agglutination and incorporation]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1962, no. 5, pp. 25–31.
7. Murav'eva A. I. *Tipologiya inkorporatsii: dis. ... dokt. filol. nauk* [Typology of incorporation: Cand. Sci. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2004. 286 p.
8. Panfilov V. Z. [On the issue of incorporation]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1954, no. 6, pp. 6–29.
9. Plotkin V. Ya. *Stroi angliiskogo yazyka* [The structure of the English language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 239 p.
10. Sorokina Yu. S. [Psychotherapeutic Vocabulary in Modern Colloquial Language (Based on Publications in English and Russian Social Networks)]. In: Levchenko M. N., Sorokina O. O., eds. *Aktual'nye voprosy sovremennoy lingvistiki: materialy IX Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Inostrannye yazyki v mezhkul'turnom prostranstve: metody issledovaniya i tekhnologii obucheniya», Moskva, 24 sentyabrya, 2021 g.* [Topical issues of modern linguistics: materials of the IX Regional

scientific-practical conference (with international participation) "Foreign languages in intercultural space: research methods and teaching technologies", Moscow, 24 September, 2021]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2022, pp. 128–131.

11. Hall R. How We Noun-Incorporate in English. In: *American Speech*, 1956, vol. 31, no. 2, pp. 83–89.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.03.2022

Статья размещена на сайте: 15.06.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Щербо Полина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Московского государственного областного университета; e-mail: ShcherboPA@mail.ru

Тарасова Ольга Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Московского государственного областного университета; e-mail: TarasovaOD@mail.ru

Polina A. Shcherbo – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., English Language Theory and Practice Department, Moscow Region State University; e-mail: ShcherboPA@mail.ru

Olga D. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., English Language Theory and Practice Department, Moscow Region State University; e-mail: TarasovaOD@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Щербо П. А., Тарасова О. Д. Оказиональная речевая компрессия средствами инкорпорированных комплексов // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shcherbo P. A., Tarasova O. D. Occasional speech compression by the means of incorporated complexes. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2022, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Глазунова А. А.

Технический редактор:

Глазунова А. А.

Переводчик:

Юрышева Н. Г.

Корректор:

Гладунов И. К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Жильцов Н. Н.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».